

Ася Оболенская

МАГНИТ для
НЕПРИЯТНОСТЕЙ

В жизни у Леси все просто: влезла в одну историю — скорей ищи выход, а там судьба подкинет новую задачку. Но что делать, если в этот раз все идет совсем по другому сценарию, и привычные методы вернуть жизнь в нормальное русло уже не подходят? Понять, что твой друг оказался врагом, заставить ожить всех запылившихся скелетов в шкафу, а может даже влюбиться в самого несносного человека на Земле... А вы чего хотели, у Воронцовой по-другому и быть не может. Продолжение будет тут.

Магнит для неприятностей

Ася Оболенская

Глава 1

Приключения называют таковыми зачастую уже после того, как они закончились.

Когда они происходят, то обычно зовутся неприятностями.

Эмилия Остен

Бывают дни, когда понимаешь, что лучше из дома даже не выходить. Вот самым нутром понимаешь, что лучше поглубже в одеяло укутаться, и сидеть себе там ровно. Но начало сентября обязывает, особенно если ты студент, особенно если ты староста.

И да, привет, меня Леся зовут, можно просто Лес, незамысловато, правда? Я учусь на третьем курсе нашего местного архитектурно-строительного универа, и, если верить людям, то считаюсь весьма не безнадёжной. Ну, а еще, как не сложно догадаться, мое утро сегодня точно не задалось, может, потому что я трындец как опаздываю.

Хоть и не являюсь фанаткой часовых сборов, впихивания себя в миниатюрные платья и взгромождения на внушительные шпильки, правила личной гигиены и ухода никто не отменял. Поэтому, злобно чертыхаясь и проклиная всё, что неровно легло, я носилась по квартире в попытках привести себя в божеский вид. Проспала я, конечно, серьезно. Теоретически, мои пятки должны уже бодро сверкать, спеша успеть из метро на зеленый, а по факту, я натягивала на себя джинсы и свитер, одновременно набирая безотказного соседа.

— Глееебка, я знаю, о чем ты думаешь, и это правда. — на той стороне трубки повисло секундное молчание.

— Боже, Лес, как тебя с такой организацией сделали старостой? Не устаю удивляться, — парень ненадолго замолчал. — а если серьезно, то тебе повезло, я еще не уехал.

Думаю, тут нужен краткий экскурс. Глеб — мой сосед по подъезду, парень добрый, как мать Тереза и заботливый как, Мэри Поппинс. Как меня угораздило напороться на такое чистое и бескорыстное счастье — хрен знает, но с Глебом мы сдружились весьма крепко. Может вся абсурдность нашего тогдашнего положения помогла, но об этом позже, я ж, хрен его за ногу, опаздываю.

Наспех надев кожаные ботиночки, накинув короткое пальтишко и обмотав шарф вокруг шеи, я поспешила на парковку. Такой благодатью не раскидываются, учитывая, что от дома до универа по прямой 15 минут на машине.

Отлично, уберите с дороги всех нерадивых дачников, не успевших завезти свои драгоценные картошку и капусту в город, и разрешите мне успеть. Николай Львович и так вполне ясно изложил свою позицию про мою повышенную стипендию и перспективы. Я бы снова могла начать долгие рассуждения, почему он не прав, а занимаемая должность старосты, кстати, весьма и заслуженна, но спорить с ректором дело неблагодарное, все равно не права окажусь, еще и в немилость попаду.

Глеб встретил меня в уже заведенной машине:

— Ну, Воронцова, прямо в своей стихии, слюни веером и пузырятся. Сейчас я буду слушать офигенные истории про... — задумался сосед, — заевший замок? Бабушку из 78? Лесь, только давай че повеселей, мы с ребятами как — никак два месяца не собирались. Они хлеба и зрелищ требовать будут.

Ребята, жаждущие представлений — наши общие друзья, которые считают меня настоящим магнитом для приключений или неприятностей, а милый соседка только подливает масла в огонь, с энтузиазмом рассказывая о моих очередных похождениях. Язык у Глеба, стоит заметить, подвешен очень хорошо, не зря ж парень журфак заканчивает. Так что в изложении Основского, я выгляжу чуть ли не героем дурацкой комедии, который ни дня не может провести ни во что не вляпавшись.

— Кот. В подъезде. За окном. — выдавила я.

Да-да, вот так резко меняются приоритеты, и опоздание перестает казаться большой проблемой, когда, сбегая вниз по лестнице, на пролете между первым и вторым этажом, ты видишь маленький рыжий комок, закрытый кем-то с обратной стороны окна. Вопросы, что делать как такового даже не стояло. Кота нужно было спасать. Вот так я и обзавелась шипящим мохнатым товарищем, который на данный момент был надежно забаррикадирован в моей ванной.

— Лес, только не говори, что ты приволокла его к себе домой. — я сделала вид, что мои ногти нуждаются в тщательном исследовании, — Леся, блин, тебе проблем мало, захотелось в благородность поиграть? На какой фиг тебе хоть кот сдался?!

— Это Ромео. — поделилась я с другом весьма задумчиво.

Он на минуту вырвал меня из собственных мыслей, но своими вопросами сразу закинул в поток следующих. А что я реально скажу хозяйке, которой клялась в отсутствии вредных привычек и домашних животных. И если первые по отведенным дням ее визитов можно было умело скрывать, то с появлением Ромы, навык хитрости придется значительно повысить.

— Земля, прием! — Глеб смотрел на меня, как на совсем пропащую. — Ты давай там, из сумрака выйди, запарковаться поможешь, а там дальше в Нарнию свою погружайся.

— Хлеба, ну за кого ты меня держишь, садясь к тебе, я практически становлюсь штурманом.

Хотя в этот раз бы поспорила. Дело в том, что зеркал у Глебки в машине не было, вот вообще не было, принципиально. Ни одного. Так что садясь не пассажирское в его машину ты берешь на себя некоторые обязанности:

— Все чисто.

Было. Секунд 5 назад. Кто же знал, что на то место, где Основский решил встать, мигом втиснется эта четрова мерседесовская ешка, которую Глеб так знатно заденет.

Стоп. Это что получается, по моей вине? Или просто какая-то борзость поплатилась за свои грехи? Но опять же... машина Глеба пострадала. Дело — дрянь в любом случае.

— Какого хрена?! — я вылетела из машины первой, опережая растерявшегося хозяина. На моей памяти это было первое ДТП праведного соседа.

— Ты овца, совсем с головушкой не дружишь?! — услышала я в ответ.

Нет, ну в принципе, такой тон разговора я сама задала, на долгие реверансы точно рассчитывать не приходилось.

— Права купила, а что с машиной делать так и не поняла? — не унимался мой недружелюбный оппонент.

— По ходу с головой все таки у тебя проблемы, раз водительское от пассажирского отличить не можешь, — парировала я.

— А в этой колымаге еще и обе двери открываются?! — попытался излишне наиграно удивиться парень. — А водитель то твой совсем очкует выходить, стыдится, видать, о

содеянном?

— Ну от чего же стыжусь, Виталик, отнюдь. Просто хотел дать время друзьям познакомиться. — сказал Глеб, и к моему изумлению, после небольшой паузы парни улыбнулись и пожали друг другу руки.

Только подобранная с асфальта от хамства водителя мерса челюсть, с грохотом рухнула назад. К такому повороту я однозначно была не готова. Из транса меня вывел Глеб:

— Лесяяя, аллооо! Ты вроде на пары опаздывала. — тон соседа был абсолютно беззаботным и даже веселым, как будто ничего и не произошло.

— Вот блин! — мое безнадежное опоздание уже вряд ли останется без внимания, и чтобы не усугубить ситуацию в конце, я поспешила к входу в главный корпус, не забыв крикнуть на прощание. — Раз конфликт исчерпан, овца изволит удалиться.

И на этом скрылась в дверях университета. Вечером узнаю, что за фигня только что произошла. И кто такой этот хамоватый Виталик, при виде которого соседка чуть ли не в пляс пустился на радостях.

Благодаря практически зеленому коридору, Глебу удалось докинуть меня с минимальным опозданием, так что гнев Николая Львовича будет, по крайней мере, не всеобъемлющим (ну таким, на какой можно было рассчитывать, пропусти я целиком первую лекцию по архитектуре в этом году).

Но каким же было мое удивление, когда, приготовив на ходу сердечные извинения, я открыла дверь в аудиторию и поняла, что преподавателя там еще нет. Упускать такой подарок судьбы вообще не хотелось, так что без долгих приветствий, я поспешила занять свое привычное место за партой и принять образ скучающей студентки, которая уже пятнадцать минут как ждет опаздывающего лектора.

— Не похоже на Бондаря. — чуть отдышавшись сказала я своей соседке, а по совместительству лучшей подруге Лизе.

Не зря говорят, что противоположности притягиваются. Я под этим точно подпишусь, ведь мы с Лизой явный тому пример. Подруга — миниатюрнейшая блондинка, которая без каблучков ниже меня практически на пол головы (хотя мои 164 никогда не считались чем-то даже близким к высокому), хотя, люди, видевшие Михайловскую без каблучков, должны быть занесены в красную книгу. Лиза — это как раз тот тип девушек, которые без полного боевого раскраса на публику не выходят.

В общем, смотримся мы весьма контрастно, отличаясь всем, начиная от цвета волос (у меня они, кстати, светло каштановые), глаз (серые Лизины против оливковых моих), до стиля одежды (думаю, не сложно догадаться, что подруга придерживается женственно-гламурного образа, я же голосую за практичность. Нет, вы не подумайте, в моем гардеробе нашлось место платьям и туфлям, но нет такого человека, который бы переубедил меня, что в обычной жизни есть нечто удобней джинс и обуви на плоской подошве).

Но основная фишка моей несносной подруги абсолютно не в точеной фигурке и почти идеальной внешности. Сложно поверить, но на самом деле за образом этой полноразмерной версии Барби скрывается далеко не глупая, в меру саркастичная и жизнерадостная девушка. Форма с содержанием тут дают полнейший резонанс, а между тем Лизка вполне себе уверенно может отправить обидчика в пешее эротическое приключение по не столь приятным местам, а идеально наманикюренный пальчик еще и подкрепит вербальный посыл жестом.

Именно ее острый язычок и стал причиной нашего знакомства, когда в день оглашения

списков поступивших, мы не поделили место у информационного стенда. Но, вопреки всему, развернувшаяся там баталия за право первой посмотреть результаты вступительных, не закончилась великим побоищем с кровопролитием. На радостях, у еще пять минут назад абитуриентов, а теперь уже полноправных студентов — бюджетников, все обиды были забыты, а узнав, что мы еще и одноклассницы, было окончательно решено, что это судьба. С тех пор наша с Лизой дружба только крепнет.

— Птичка на хвосте донесла, что у нашего архитектурного гения сынок машинку повредил. — в своей манере ответила подруга.

— Я даже и не знала про сына. Всегда считала, что он женат на работе. — Хотя я и не являюсь заядлой сплетницей, но за два года учебы некоторые подробности жизни окружающих замечаешь неосознанно, особенно когда практически живешь под дверью деканата. — Я даже жену его ни разу не видела.

— Не удивила, они в разводе.

Осведомленность Михайловской меня ничуть не удивляла. Лиза выросла в семье, тесно связанной с архитектурой. В данный момент, ее отец являлся держателем контрольного пакета акций крупной строительной корпорации, мама же пока находилась в декрете, воспитывая Никиту, младшего брата одноклассницы, ну или спиногрыза, выражаясь Лизиными же словами.

— Виталик раньше жил здесь, потом, после развода, уехал с матерью, ну а сейчас с какого-то фиго на голову Львовича снова свалился. Отец вчера рассказывал, что он вернулся, но из-за параллельной озвучки спиногрызом, я мало что смогла разобрать, сама понимаешь. — сказала подруга, не забыв при этом картинно закатить глаза. Брата она очень любила, но не вставить какую-нибудь колкость просто не могла, в этом вся Лиза.

Внезапно дверь аудитории распахнулась, и вошел Николай Львович. Как бы вам описать его появление. Для большего антуража, я бы добавила раскаты грома и сверкающие молнии. Потому что Бондарь был злой, как сам черт. Могу даже поспорить, что если на него брызнули водой, она бы зашипела. Хотя именно тогда, вряд ли нашелся хоть один смертник, который бы решился на такое.

По жизни мягкий и добрый Львович был сегодня сам не свой. Его легкая и непринужденная манера подачи материала уступила место скомканым и резким рассказам. Пару раз он даже сорвался на студентах, которые, по его мнению слишком шумели, хотя по сути, поведение учеников ни чуть не отличалось от всех остальных лекций. Бондарь преподавал, конечно, серьезным, но справедливым и относился к нам по отечески, никогда не позволяя эмоциям брать верх, и выплескивать их на нас.

Так что ребята его любили, ну и я в их числе, не смотря на его вечные недовольства моей необязательностью и прочую организационную муть. Пары старались не пропускать и, если не выглядеть на них прилежными, то хотя бы проявлять уважение, которого преподаватель заслуживал. Он же в свою очередь отвечал нам взаимностью, рассказывая о том, что действительно может пригодиться в жизни. Обычно лекции Львовича пролетали незаметно. Сегодня же конца пары все ждали с нетерпением. Мы с Лизой не были исключением, ощущения были крайне неудобные. Что же там успел вычудить этот Виталик, раз отец готов камня на камне тут не оставить?

Долгожданный звонок в этом случае, действительно, был спасительным, Николай Львович резко прервал тему на середине, сухо попрощался и направился к выходу. Но, я бы просто перестала быть собой, если бы ни во что не влипла, поэтому уже в дверях я услышала

ледяное:

— Воронцова, в деканат после пар.

Дальше дверь с грохотом захлопнулась.

— Уууууууу, ну ты и попала. — не удержалась от мгновенного комментария Лизка.

— Почему. Опять. Я. - только и оставалось мне пробубнить, после чего я без сил и возможности что-либо изменить, уронила голову на парту.

— Да ладно, Лес, и не из такой фигни вылезала, хотя ума не приложу, чего Львович от тебя хотеть может. — уж слишком позитивным голосом произнес Дима и плюхнулся на стол, не упустив момента чмокнуть меня в макушку.

Димка Волков является моим последним хорошим другом. Даже не помню, как мы начали общаться, но слово за словом Дима стал неотъемлемой частью нашей компании. Сперва универской, постоянно обитая где-то неподалеку от меня с Лизой, а дальше общение пошло и за границы альма матер. Так что теперь, обычная картина для субботнего утра — это наблюдение на кухне Глеба за двумя полуживыми телами, ожидающими свою порцию целительного бульончика, сокрушающимися над тем, какая же все-таки «синька — чмо» (тут выражения авторов сохранены, чтобы не испортить восприятие целостности картины) и выслушивая, что это был точно последний раз. Ну да. Поверила. Точно.

Глеб, кстати, очень хорошо вписался в нашу маленькую компанию, предпочитая проводить свободное время именно с Димой, Лизой и мной. Я бы могла польститься себе и сказать, что всё дело в нашей с соседкой крепкой дружбе, но, если быть честной, то с большой вероятностью, Основский имеет виды на мою несносную подругу. Но пока перспектива романтических отношений даже не виднеется на горизонте, а единственное, чем занимаются мои друзья при встрече — бесконечными подколами друг друга. Согласна, полнейший детский сад. Поэтому, смотря на них, я скрещиваю пальцы и надеюсь, что эти двое хотя бы до пенсии попробуют сходить на свидание, а там чем черт не шутит.

— Забейте, что у нас там дальше на повестке дня? — я попыталась придать лицу беззаботный вид.

Столько раз выкручивалась перед Львовичем за эти два года, сегодня не прокатит что ли? Да я даже накосячить еще нигде не успела! Сейчас он отойдет к концу дня, кофейку с коньячком пригубит, и все вернется на круги своя.

Тремя часами позже я стояла в приемной у Бондаря, и, глядя на его помощницу Лену, моя уверенность в том, что ректора отпустило скверное настроение, таяла как мороженое в тридцатиградусную жару.

— Олеся, Николай Львович попросил тебя пройти в его кабинет и ждать там. — абсолютно не характерным для себя тоном оповестила меня Лена.

Эй, а где же дежурные «Набирай конфет, пока Львович не видит» или, на крайний случай, «Может тебе плеснуть чего в кофеек для храбрости, а то шеф не в настроении». Нееееет, что-то тут совсем не чисто. Но куда бежать с подводной лодки, сама вписалась, Олеся Дмитриевна, будь добра терпеть. И я зашла в кабинет Бондаря.

По-моему, открывать двери, не зная точно, что меня ждет за ними, сегодня уже входит в традицию. И в следующий такой момент я сорок раз подумаю, надо ли мне вообще эту несчастную дверь трогать.

Оказавшись в кабинете ректора, я сразу заметила, что не одна. И, к сожалению, компанию мне составлял далеко не Львович, пусть и прибывавший в самом скверном расположении духа.

— Не уж то ты меня выследила и пришла с расправой. — вместо приветствия услышала я.

На небольшом бежевом диванчике в углу кабинета вальяжно расположился ни кто иной, как наглый водитель ешки.

Отлично, этот день я точно долго не забуду, он прямо жаждет получить премию в номинации самое идиотское третье сентября.

Я внимательно посмотрела на хама Виталика. Можно предположить, что он был немного старше меня, примерно одного возраста с Глебом. Темно русые волосы обрамляющие лицо, достаточно милое, если бы не глаза. Взгляд этих карих глаз содержал в себе всю высокомерность мира сего.

Одет парень был достаточно просто — серый с неброским узором свитер, темно-синие джинсы с коричневым ремнем, куда был небрежно заправлен край свитера, ботинки, чем-то напоминающие стиль милитари, в тон ремню и куртка-парка цвета хаки, брошенная неподалеку. Дополняли образ далеко не дешевые часы, которые ненавязчиво напоминали, что их владелец был человеком весьма обеспеченным.

— Жду пока в ноги упадешь и начнешь рассыпаться в извинениях. — я прекратила рассматривать наглеца и приготовилась к словесной бойне. — Возможно, я даже смогу простить тебе хамство, если...

Но договорить мне не дали. Полет только разогнавшейся фантазии резко прервал Львович, появившийся в кабинете как черт из табакерки:

— Ну что ж, все герои дня в сборе, можно и начать разбор полетов. Ты, Воронцова, присаживайся, разговор будет долгим. Виталик, ноги со стола убери, после стольких лет гулянок борзомер совсем зашкаливать начал?

Серьезно?! Борзомер?! Я даже и подумать не могла, что у Бондаря в лексиконе есть такие словечки. Стоп, Леся. Ноги на столе, Виталик, стольких лет...

Все детали кривого пазла начали собираться воедино. И уже с 99 % вероятностью я могла сказать, что передо мной, ни капли не напрягаясь, закинув ногу на ногу, сидит не кто иной, как сын нашего ректора.

Просто отлично, осталось разобраться какого лешего этой честной компании от меня надо, а дальше будем решать, как выкарабкиваться из всего этого гов...приключения с наименьшими потерями.

Я села в кресло рядом с диванчиком, который занял золотой сынок, а Николай Львович расположился напротив нас. Кофейный столик, отделяющий меня с мажорчиком от Бондаря, был своеобразной защитой, мешавшей ректору вцепиться в нас, в поисках свежей крови.

— Почему с твоего возвращения еще не прошло и недели, а ты уже влезаешь в истории?! — товарищ архитектор попытался взять себя в руки и спросил сына максимально спокойным тоном.

— Завязывай уже с этим цирком. Из-за одной чуть помятой колымаги столько шума. — преувеличенно уставшим голосом ответил Виталик.

Кажется, я уже понимаю, какие события привели меня сюда. Только все равно не вяжется что-то. На университетской парковке вечно кто-то кого-то задевает, только при этом Львович не становится похожим на дьявола во плоти. Да у нас бы студентов не осталось, если бы он так реагировал на каждое мелкое ДТП!

— «Сын ректора архитектурного университета избивает студентку за порчу своей

дорогой спортивной машины». Примерно такими заголовками мне уже пригрозили. Они, конечно, красочней все это обзовут, но смысл, думаю, ясен? — теперь уставшим по-настоящему выглядел Бондарь.

— Что за бред, Николай Львович?! — тут уже не выдержала я. — Такого и в помине не было! Да водитель даже претензий не имеет к вашему сыну.

В этом я почему-то ни капли не сомневалась.

— Воронцова, какая ты наивная! Я в курсе, как всё было. Но разве сложно раздуть шум из одной маленькой нелепой ситуации, когда впереди смена руководства университета, а по территории ошивается комиссия, которая по чертовой случайности стала свидетелем начала вашей ругани?!

Воронцова, как бы, отнюдь не наивная. Да и немного в курсе последних событий.

Теперь до меня дошло, какую свинью мы подложили Львовичу. Я училась в негосударственном ВУЗе. Принцип вы нам деньги, мы вам хорошо обученные кадры работал на ура, да и студентов, которым после окончания учебы было сложно найти работу без опыта, такой расклад более чем устраивал. Но в прошлом году наш универ потерял большую долю финансирования. Начались проблемы, попечительский совет решил поменять ректора и еще нескольких высокопоставленных в универе лиц и попробовать найти новых инвесторов. На словах все весьма просто, однако на деле во всей этой сфере крутятся очень некие деньги, поэтому место Бондаря стараются у него отобрать всеми правдами и неправдами.

На а теперь, взяв во внимание свежую информацию, пришло время оценить весь масштаб задницы, в которой я сейчас находилась. За два месяца до выборов нового ректора, на парковке универа происходит драка, в которой сын нынешнего главы ВУЗа бьет в порыве ненависти студентку (то бишь меня) за порчу его дорогой (при сокращенном-то финансировании и всех проблемах учебного заведения) машины на глазах у комиссии.

Ах да, чуть не забыла: основной конкурент Бондаря — владелец одного из местных каналов и газеты, так что поверьте, эта история без внимания не останется, обрастая такими деталями, от которых даже у нас с Виталиком, как у непосредственных участников, глаза на лоб полезут. А для Львовича это будет последний контрольный гвоздь в крышку гроба ректорской карьеры.

Бондарь нарушил звенящую тишину:

— Я попробую замять эту ситуацию, но вам тоже придется поработать. И постарайтесь хотя бы тут не накосячить. Через месяц в городе пройдет форум по градостроительству. Вы выступите на нем с совместной блестящей, — ректор сделал упор на это слово, — работой. Все материалы у Лены, а теперь марш отсюда без лишних вопросов.

Вуаля! Вот она, вишенка на вершине торта из неприятностей сегодняшнего дня. Я была настолько злой и в то же время бессильной, что просто бросила испепеляющий взгляд на сына ректора и, не проронив ни слова, вылетела из кабинета.

Отойдя от цитадели зла, в данном случае кабинета ректора, на достаточно безопасное расстояние я, наконец, остановилась и перевела дыхание. Можно официально признаться, что сегодня мне удалось прыгнуть выше головы. Столько фигни за один день на мою голову еще никогда не прилетало, но ничего, разберемся.

А еще, закрутившись с этой санта-барбарой, я напрочь забыла о проблемке немного другого рода. Маленькой такой, рыженькой, запертой в моей ванной. Ругнувшись под нос в очередной раз за день, я поспешила к выходу из универа.

Путь домой на метро уступает в комфортабельности даже Глебкиной развалюшке, но что поделать. По крайней мере, в послеобеденное время, тут весьма сносно, а вагон не напоминает плотно набитую банку шпрот. По утрам это, конечно, та еще камасутра во всех позах, но правами, а уж тем более личным транспортом, обзавестись мне предстояло весьма не скоро, график же доброго соседа далеко не всегда совпадал с моим, так что выбора у меня особо не было.

Выйдя из метро, я заскочила в ближайший зоомагазин, обзаведясь необходимым минимум предметов для содержания шерстяной мордахи в домашних условиях. Хотя вопрос о том, как незаметно для хозяйки, первым условием которой было отсутствие в квартире братьев наших меньших, этого самого брата все-таки держать, оставался открытым. Квартира встретила меня звенящей тишиной, и, чтобы хоть как-то создать иллюзию обитаемости, я включила музыку на мобильном и пошла в ванную.

И тут у меня возник только один вопрос: КАК?!

Как это маленькое мохнатое исчадье ада смогло превратить мою ванную в руины за пол дня?! А теперь, как ни в чем не бывало, отсыпалось в раковине. Все флакончики с кремами и шампунями валялись в самой ванне, полотенца были содраны с петель, а по весьма характерному запаху, не сложно было догадаться, что тапочки, стоявшие в углу, одевать не стоит. Ну и завершал картину тонкий слой стирального порошка, припорошивший из опрокинутого пакета, стоявшего на стиральной машине, как снежок, всю территорию комнаты. Отлично, просто отлично! И, засучив рукава, я принялась за уборку.

Закончив наводить порядок в разгромленном котом помещении, я решила, что оставлять его безнаказанным было бы просто кощунством, так что животное было подвержено помывке и подстриганию когтей, после чего высушено и все же накормлено. В данный момент квартирный вредитель вытянулся на диване в зале и сладко спал, изредка подергивая кончиками лап в моменты особо впечатляющих сновидений. Главное, чтобы завтра мне это кошачье спа боком не вышло, а то гордое создание еще мстить начнет, подумала я и пошла, наконец, на кухню.

На часах было уже без двадцати девять, а я так и не ужинала. Да и не обедала в принципе. О завтраке тоже, пожалуй, промолчу. Я поставила чайник и начала рыться в холодильнике в поисках добычи, прокручивая в голове события прошедшего дня. Да уж, герои приключенческих фильмов просто курят в сторонке, по сравнению с количеством событий, которые свалились на мою голову за сегодня. Но я привыкла верить в то, что все рано или поздно заканчивается, так что завтра я хорошенько высплюсь и вступлю в новый день без всяких там сюрпризов.

Однако судьба, по-видимому, моего оптимизма не разделяла. Ну или же просто посчитала, что день еще не окончен, потому как через пол часа, когда я только устроилась поудобней с ноутбуком на диване с Ромео, который к тому времени всё же решил, что я заслуживаю немного внимания, поэтому теперь смиренно лежал мурчащим клубочком у меня в ногах, я услышала громоподобные звуки музыки, доносящиеся из квартиры напротив.

— Ой, Глебка, ну какого ж хрена, понедельник ведь. — возмутилась я себе под нос, а рыжий зверек с недовольством прыгнул с дивана и пошел искать место поспокойней. Не гоже королевским особам спать в такой нездоровой атмосфере. — Да, Ромчик, тут я с тобой полностью солидарна, тоже б с радостью в дальний угол забилась и сидела до наступления лучших времен.

Кот, как ни странно, ничего не ответил, а лишь недовольно дернув пушистым хвостом,

удалился из зала. Ну а мне же ничего не оставалось, как пойти спасти дорогого соседку.

Чтобы связать воедино мои размышления про Глеба и происходящие сейчас события, думаю, вам необходима небольшая ремарка. Дело в том, что есть за моим соседом грешок такой — прибывая в прекрасном расположении духа и уже под изрядным градусом, он начинает считать, что весь дом должен послушать хорошую, по мнению Основского, музыку. Обитатели окрестных квартир, почему-то сердечных порывов меломана не разделяют, поэтому моя задача в этой ситуации побыстрее обезвредить горе ди-джея, желательнее, опередив остальных жильцов дома, пока на нашей площадке не успеет собратиться шабаш из представителей старшего поколения и ни в чем не повинного участкового, который по дурацкому стечению обстоятельств, живет двумя этажами выше. И я бы еще поспорила, с кем разбираться он хочет меньше — с подвыпившим Глебом или толпой разъяренных старушек, жаждущих скандалов и кровопролития. В сложившейся ситуации меня смущало только одно — несанкционированные вечеринки соседа обычно случались по крупным праздникам или, изредка, на слишком веселых выходных. Сегодня же был понедельник, и, казалось, ничто не предвещало беды.

Закатив глаза к небу и отставив ноут, я засунула ноги в тапочки и пошлепала в квартиру напротив, заготовливая в голове красочные эпитеты, которые сейчас вольются в уши соседу. Но, как я уже говорила, судьба сегодня явно не на шутку решила оторваться на моей персоне. Поэтому, когда открылась дверь квартиры Основского, на моем лице замер немой вопрос, а человек, открывший мне, без малейшего удивления сказал:

— Опять ты!

Да-да, из коридора соседа на меня смотрел своим высокомерным взглядом ни кто иной, как достопочтенный сын ректора.

Всё! Занавес!

— О, Лес! — перекрикивая музыку, показался из-за спины Виталика мой подвыпивший сосед.

Блестяще, ну просто блестяще. Мне сегодня еще трупа какого-нибудь для полного набора событий не хватало, и день точно войдет в историю. Или же я попаду в дурку.

Просить Основского выключить музыку, было практически бесполезно, тут надо действовать. Так что, ненадолго запихнув шок и растерянность на задворки сознания, я направилась в холл к компьютеру соседа, заканчивать концерт по заявкам. Парни проследовали за мной.

Выполнив основную миссию, я обернулась и начала изучать эту весьма необычную для меня компанию. В принципе, ребята были даже чем-то похожи друг на друга — примерно одинаковый цвет волос, возраст, телосложение. Однако, на этом сходство заканчивалось. Сосед был немного выше, ну а самое главное различие было, конечно, в глазах. Коих сейчас на меня смотрело 2 пары. Одни серо-голубые были немного не в фокусе, но традиционно добрыми и улыбающимися. Взгляд же обладателя карих разительно отличался своим вечным легким презрением, но сейчас, готова поклясться, я точно видела в них и нечто другое. Даю руку на отсечение, но Виталика сложившаяся ситуация, по ходу, даже веселила.

Перестав сверлить глазами этих двоих из ларца, я решила оценить ситуацию на месте преступления. Долгий анализ не потребовался, потому что на столе стояла практически приконченная бутылка коньяка, два стакана и лимончик. Да, Глебушка, понедельник точно удался.

Вернувшись взглядом к парням, я решила нарушить молчание первой, пока мой

потенциальный коллега не выдал очередную колкость.

— Постарайся без музыки, Алексеича с ведьмами от тебя отваживать не буду. — я постаралась сделать максимально суровый взгляд, а ля школьная учительница выговаривающая ученикам, застуканным за курением в туалете.

На удивление, никто не прокомментировал мое заявление. То ли алкоголь поубавил уверенности в красноречии у моего сегодняшнего вечного оппонента, то ли он просто стоял и молча ухмылялся со сложившейся ситуации. Тут я вам однозначно ничего вразумительного не скажу.

Так как дальнейшее свое нахождение в квартире Основского я видела абсолютно бессмысленным, то направилась в сторону выхода. Хотя ответы на некоторые интересующие меня вопросы Глеб всё-таки дать мог, поэтому, кивком головы, я предложила выйти на площадку. Мой не самый трезвый друг намек, на удивление, понял и поплелся следом со мной.

Сосед неплотно прикрыл дверь своей квартиры, и мы оказались на общей площадке, объединяющей наши квартиры. Видимо, стоять без точки опоры для Основского было уже весьма проблематично, поэтому он, прислонившись предварительно к стене, вопросительно на меня посмотрел.

— Ты можешь мне адекватно объяснить, что за хрень тут происходит? — без лишних прелюдий я начала допрос соседа.

— Да мы так, немножко посидеть решили, чего ты меня как маленького отчитываешь? — слегка заплетаясь, ответил Глеб.

Таааак, надо конкретизировать свои вопросы, а то так дела пойдут слишком тяжело.

— Что у тебя дома делает Бондарь? — я решила идти напрямую.

— Кто?

Ну за что мне все это? Докатились, мой друг приволакивает домой сомнительных людей, бухает с ними и его это абсолютно не смущает. Сейчас уже пора начинать бить тревогу?

От выбора вытрезвителей в голове меня отвлек голос Основского:

— Если ты про Виталика, то у него другая фамилия.

Теперь шарики за ролики в моей голове начали заезжать окончательно:

— Чтоо...

Но договорить мой мутный товарищ не дал.

— Да, он сын Бондаря, и да, вы сегодня знатно влипли, — тут Глеб даже позволил себе ухмыльнуться. — Он мне все рассказал.

Да, блин, оборжаться! Видимо, заметив мою реакцию, друг успокоился и, разведя руки в примирительном жесте, продолжил:

— Да ладно, Лесь, не кипятись. Фамилия у него матери — Ковалевский.

Спасибо, дорогой друг, хоть тут я достаточно быстро добилась нормального ответа. Но только что-то в этом ответе меня смущало. Я снова задумалась. Ковалевский... знакомая фамилия, да и не такая распространенная для наших мест. Но ведь я ее однозначно где-то слышала! Ох уж Глеб, со своим гостем! Так, стоп! Глеб....

Я подняла глаза на соседа, заметив, что дверь квартиры уже не была закрыта, а в проеме, облокотившись на косяк, стоит не слишком желанный зритель нашей немой сцены. Перевела взгляд с Виталика на соседа, потом обратно. И еще раз. Выглядело все это до безумия глупо. И тут до меня дошло:

— Вы ведь братья? — практически утвердительно произнесла я, исключительно для того, чтобы мой мозг попробовал усвоить эту информацию.

В ответ Глеб молча кивнул головой.

Всё, извините, но с меня довольно. Для одного дня это уже слишком, моя голова напрочь отказывалась воспринимать очередную несусветную фигню. Поэтому, махнув в сторону ребят рукой, я скрылась за дверью квартиры. Где только и смогла, что дойти до кровати, и мгновенно провалилась в сон.

Глава 2

Всё-таки система работает. Выплеснув на меня целый ушат приключений, судьба, наконец, успокоилась, и жизнь потекла размеренно. Я выбрала наиболее безопасную стратегию поведения — стараться не лезть никуда самой, а так, глядишь, все проблемы рассосутся сами собой, ну или же наоборот, навалятся огромным снежным комом. Но об этом я старалась не думать.

Первая неделя учебного года прошла практически незаметно, оставалось занести в приемную деканата списки посещаемости, и я была абсолютно готова к выходным. Мы с ребятами традиционно собирались посетить вечеринку посвящения в студенты, проводимую нашим вузом в субботу после первой недели занятий в одном из клубов города. Хоть первокурсниками уже и не были, а Глеб так и вообще не числился в рядах студентов нашего ВУЗа, ребята с профкома весьма лояльно относились к этому, снабжая «своих» проходками на сие мероприятие.

Кстати о Глебе, с ним с того самого злополучного вечера, мы толком и не общались, обмениваясь только короткими приветствиями, сталкиваясь в подъезде. Мой мозг до сих пор отказывался признавать Ковалевского братом соседа, хотя, по сути, ничего удивительного тут не было. Я была хорошо осведомлена о составе его семьи, знала, что у мамы Глеба, в девичестве Анны Ковалевской, есть родная сестра, Марина, которая после развода уехала с сыном в столицу. И про брата двоюродного (того самого брата), которого Основский “сто лет не видел, но при встрече бы с радостью пропустил по паре стопочек”, я тоже неоднократно слышала. А еще слышала, что он умный, добрый, и мы бы по-любому нашли общий язык. Ага, как же! Одного только в толк взять не могла, почему было сразу на парковке не сказать, что это и есть тот самый брат?!

— Ну что, в деканат и на заслуженный отдых? — спросил Дима, догоняя и приобнимая меня.

Это было вполне в духе Волкова — обнять, чмокнуть. Подозреваю, что он даже ждал от меня чего-то большего, нежели дружеское общение, но я смотрела на него исключительно как на хорошего товарища, он же в ответ излишней навязчивости не проявлял, и такой ход событий меня вполне устраивал. Нет, Дима парень весьма симпатичный — светлые волосы, голубые глаза, фигура человека, не один год посвятившего спорту, позитивный настрой и легкий характер. Все эти достоинства делали его завидным женихом среди девушек нашего универа и его окрестностей, но Волков весьма равнодушно относился к веренице поклонниц, не уделяя никому особого внимания, но и не отшивая в открытую. Я же в свою очередь весьма равнодушно относилась к нему в формате молодого человека. Знаете, как говорят — не мое и всё тут.

— Угу, подождешь? — спросила я, стоя на пороге приемной.

Дима кивнул, и я зашла. Неприятные впечатления после прошлого визита еще до конца не угасли, поэтому я побаивалась, что в любой момент может ворваться Бондарь, а о том,

что будет дальше, даже не хотелось думать. То, в каком настроении сейчас пребывал ректор, для меня было загадкой. Лекции читал другой преподаватель, а самого Львовича я с понедельника не видела. Хотя, глядя на Лену, можно было предположить, что гроза миновала. Помощница была весьма любезна и, забрав бумаги, даже предложила конфет.

Попрощавшись с ней, я уже практически вышла из приемной, когда услышала окликающий меня голос:

— Ой, Олесь, чуть не забыла. Вот материалы для форума, ты ведь так и не забрала.

Ну вот, долго идиллия продолжаться не могла. Пришлось вернуться за протянутой папкой. Эта проблема сама собой не решится.

Пока я была в деканате, к Диме присоединилась Лиза, от которой не ускользнуло резкое ухудшение моего настроения, что она незамедлительно прокомментировала:

— Лесь, ну в гроб краше кладут, честное слово! — и, чуть помедлив, добавила, — Что, вспомнили все-таки про выступление?

Я кивнула, а друзья от шуток и обсуждений этой темы решили тактично воздержаться, за что я им была благодарна. Они понимали, что сидеть над работой для форума, а еще и в компании Виталика, которого, хвала небесам, я не встречала всю неделю, в душе надеясь, что наш город для столь знатных особ оказался слишком скучен, и поэтому он отчалил назад к матушке, меня не грело абсолютно.

Разрядить обстановку по традиции вызвался Дима:

— Предлагаю по кофейку, выдержав первую неделю учебы, мы это точно заслужили. — слишком жизнерадостно продекламировал друг.

— Ты сейчас это таким тоном сказал, как будто мы как минимум в шахте уголь добывали и впервые за десять лет выбрались на белый свет отдохнуть. — Лиза была в своем духе.

— Я просто предложил... — с ноткой обиды пробубнил Волков.

— Да ладно тебе, я только за. Душа просит сладкого и развлечений. И если со вторым завтра вопрос решен, то от кусочка чизкейка прямо сейчас я бы не отказалась. — ответила подруга.

— Не, ребята, извиняйте, но я пас. У меня с Ромычем только отношения налаживаться начали, он не простит мне еще одного вечера в одиночестве.

Действительно, с котом мы пришли к определенному компромиссу. Это рыжее создание взамен на кормежку, уборку и ежедневные почесывания за ушком с моей стороны, согласился больше не разрушать квартиру, ну или, по меньшей мере, сводить ущерб к минимуму. Пара цветков все-таки полегло смертью храбрых в боях с котом. Договорившись с Лизкой встретиться завтра в 5 у меня, я попрощалась с ребятами и направилась домой, где меня ждал, выпуская нитки из свитера, мой Ромео.

Долго обижаться из-за испустившего дух предмета гардероба, напоминавшего теперь огромную слюнявую гору ниток, я не смогла. Эта сердобольность до добра меня не доведет, буду ходить в лохмотьях, в перспективе останусь без квартиры (визит хозяйки планировался только на следующих выходных, поэтому о том, что мне делать с котом, я еще не думала), но с рыжим засранцем на коленях.

Папку, отданную Леной, я решила пока не трогать, а отложить до понедельника, чтобы со свежей головой приступить к ее изучению и понять, чего от меня всё-таки хотят. Дурацкая привычка откладывать всё на понедельник, знаю, но эти выходные мне хотелось провести, не думая о делах.

Например, сегодня на вечер у нас с Ромычем был идеальный план по уничтожению попкорна и просмотру сериалов, к выполнению которого мы с успехом приступили. Кот занял привычное место в ногах, а я с интересом наблюдала за событиями, развернувшимися на экране ноутбука, не забывая закидывать в рот очередную порцию хрустящей вредности.

Атмосферу прекрасного вечера ничегонеделанья разрушил звонок в дверь.

— Ну, кого там еще принесло? — обратилась я к коту.

Кот по прежнему мне не отвечал, но, похоже, был доволен внезапному гостю не больше меня, потому как с теплого налёжанного места ему пришлось встать. На пороге обнаружился мой сосед, в примирительном жесте протянувший бутылку вина и тортик:

— Злые языки донесли, что ты сегодня после универа без сладкого осталась, спеша спасать от разгрома свою квартирку.

— Ну выходит, что не такие уж и злые, раз ты тут стоишь в образе благородного спасителя. — ответила я, пропуская Глеба внутрь.

Внезапно Основский остановился на пол пути, развернулся на 180 градусов и показав, руками мол сейчас вернется, скрылся за дверью своей квартиры. Вернулся он практически мгновенно, но не один, а в сопровождении нескольких бутылок пива. Проходя мимо меня, сосед тихо пробубнил:

— До последнего сомневался,пустишь ты меня или нет.

— А что не должна была? — вздернув брови и искренне удивившись, спросила я.

— У меня сложилось мнение, что всю неделю ты меня избегала. Ну или по меньшей мере была обиженна. — пожав плечам изложил мысль Глеб.

Тортик отправился в холодильник до лучших времен. Я нарезала сыр, сосед в это время открыл вино, и, рэкетировав мой попкорн, устроился за барной стойкой. Последовав его примеру, я уселась на стул, глотнула вина, и мы продолжили разговор:

— Я не обиделась, просто искренне побаивалась новых проблем. Согласись, достаточно много всего для одной недели.

Глеб одобрительно кивнул и глотнул пива.

— Вот честно скажи, Ковалевский — это самое страшное, что есть в вашей семье или, например, с доктором Лектором ты тоже в родстве? Ведьмы? Сектанты? Ты сразу говори, пока я морально готова.

— Зря ты так, Лесь, Виталик — нормальный парень. Просто у вас общение не с того началось, познакомься вы при других обстоятельствах, ты была б о нем другого мнения.

— Сомневаюсь. — хмыкнула я, — Кстати, об обстоятельствах. Почему ты сразу не сказал, что это твой брат?

— Подумал, что это будет забавно. — замявшись ответил друг.

— Да обхохочешься! — сказала я уж слишком эмоционально.

— Лесь, ну прости ты меня! Я ж не знал, что все так обернется. — теперь уже настала очередь Глеба повысить голос.

— Ладно, извини, давай сменим тему. Я не виню тебя, просто бесит, что из-за тупого стечения обстоятельств на мне повисла эта несчастная работа. — и чуть подумав, добавила — Да и за Львовича обидно, такой шум из ничего.

Выговорившись о том, что нас волновало на этой неделе, разговор стал похожим на обычные посиделки с соседом. Мы посидели еще пару часов, обсудив всё и ничего одновременно. Основский пару раз ненавязчиво поинтересовался, как там поживает Лиза и не появился ли у нее кто (чисто из интереса, не нашлось ли смертника, готового испортить

свою жизнь рядом с ней. Ага, бла бла бла, почти поверила), и, убедившись, что Михайловская свободна как ветер, успокоился.

Проводив соседа, я еще немного повалялась на диване с Ромчиком, а после отправилась в душ и спать. Не хотелось завтра вырубаться на ходу. Уже лежа в кровати, я думала над словами Глеба. А что, если бы мы действительно познакомились в других условиях? Возможно, Виталик на самом деле был не настолько заносчивым и невыносимым, каковым я его считала, не может же соседка настолько ошибаться в собственном брате.

Так, стоп машина! О чем я вообще думаю? Лучше бы мы с Ковалевским вообще не познакомились, потому что пока ничего, кроме трудностей он в мою жизнь не принес. И на этом, кивнув самой себе, в знак верности мыслей, я уснула.

Как же приятно проснуться с утра без будильника, потянуться в кровати и понять, что ты выпалась. Знакомое ощущение? Согласитесь — божественно!

Я взяла в руки телефон и посмотрела на часы. Без пятнадцати одиннадцать, то есть до приезда Лизы времени оставался еще целый вагон, а это значит, что мы с котейкой всё же могли закончить нашу вчерашнюю миссию по просмотру сериалов. Я сделала себе кофе, коту выделила положенную порцию корма и стала наслаждаться выходным.

Время пролетело незаметно, и, пребывая в прекраснейшем расположении духа, я уже топала открывать дверь подруге.

— Ууууу, как всё запущено, — прямо с порога начала Лиза.

Ничего другого я, на самом деле, от нее и не ждала. Все наши походы в клуб сводятся к одному — что бы я ни надела, как бы ни накрасилась — Михайловскую это не устроит, и она все равно переоденет меня на свой вкус. А спорить с ней равносильно попыткам убедить Ромео прекратить грызть кактус хозяйки, то есть абсолютно бесполезно. Так что в последнее время я даже перестала париться по поводу подготовки. Не наигралась подруга в куклы — пожалуйста, недобарби Леся к вашим услугам. Ну а если серьезно, то чувства вкуса и стиля Лизе не занимать, поэтому подруге я доверяла.

Спустя два часа и два бокала вина, я была “практически похожа на человека”. Сегодня выбор Михайловской пал на узкие черные джинсы, бежевый топ в бельевом стиле и жакет насыщенно коричневого цвета. Завершать образ должны были туфли лодочки с острым носом, пока погода позволяла. Сама же Лиза крутилась перед зеркалом в коротеньком серебристом платье, которое выгодно подчеркивало достоинства ее фигуры. На ногах у подруги по традиции были туфли на высоком каблуке. настолько высоко, что мои лодочки можно смело назвать балетками на плоской подошве. Как Михайловская умудрялась ходить на этих ходулях и даже ни разу не загреметь в больницу с переломом, для меня оставалось загадкой. Комплекс низкого роста, видимо, творил чудеса.

Над макияжем эта фея-крестная, тоже успела поколдовать. Он получился одновременно не броским, но выразительным, всё как я люблю, а мои волосы спадали на плечи крупными локонами.

К половине восьмого мы были полностью готовы и, встретившись в нашем общем коридоре с ребятами, которые к слову, времени даром не теряли, и уже успели начать отмечать нашу совместную вылазку, загрузились в такси. До клуба мы добрались быстро, всё-таки субботним вечером город практически пуст.

Поздоровавшись со знакомыми ребятами, мы направились к барной стойке, у которой как обычно царил полнейший ажиотаж. Новоиспеченные студенты, да и не только, с усердием опустошали бар ночного заведения, чтобы сделать этот вечер как можно более

незабываемым, ну или наоборот, ничего из произошедшего потом не вспомнить. Тут уж как кому повезет.

Мы с Лизой взяли по Лонг Айленду и устроились за столиком, чуть позже к нам присоединились Глеб с Димой, которые пришли к выводу не мешать что попало, и продолжили уничтожать коньяк.

Обычно мы проводим большую часть вечера за столиком, разговаривая на самые разные темы, а дальше как карта ляжет. Очень редко случается такое, что нашей компании нечего обсудить, так что скучать не приходится.

После первого коктейля я решила освежиться, но так как Лиза была слишком увлечена очередной порцией пререканий с Глебом, мне пришлось удалиться в дамскую комнату одной.

Тем временем вечеринка набирала обороты, раскрепощенные алкоголем студенты заполняли танцпол, и скоро там действительно будет яблоку негде упасть. Я фанаткой клубных танцев не являлась, может потому что в детстве что-то пошло не так, и вместо вагона грации, я, по всей видимости, получила какое-то другое достоинство, поисками которого я была занята и по сей день. Нет, сказать, что я совсем безнадежна, наверное, нельзя, но пусть уж лучше на мои танцы смотрит кот во время уборки, он уже по привычке чуть-чуть, вроде пока в петлю от увиденного не залез.

Как всегда, погружившись в собственные мысли, я перестала замечать всех и вся и, естественно, не заметила, как душевно прошлась по чьей-то ноге своими шпильками. Вот черт! Я обернулась, чтобы извиниться, и что бы вы думали? Бинго, жизнь практически теряет интригу! На меня сверху вниз абсолютно недобрым взглядом смотрел его величество Ковалевский.

Я не знаю, сколько раз жизнь еще вот так нас решит столкнуть, но это уже порядком начинало надоедать. Виталик по-прежнему молча стоял и смотрел на меня, а я же понимала, что стоило бы все таки извиниться:

— Извини, — выдавила я и внезапно для самой себя добавила. — За то, что так слабо. Не признала в толпе.

Меня что Михайловская покусала? Что я нафиг несусь? Теперь за мгновенное помутнение рассудка придется не кисло отдуваться. Но в тот момент, когда я извинилась, угораздило ж посмотреть ему в глаза. Это превосходство во взгляде меня добило, и я не сдержалась.

Я приготовилась к перепалке с парнем, но он в очередной раз промолчал и со снисходительно-разочарованным выражением лица развернулся и исчез в толпе, а я осталась стоять, ощущая себя полнейшей дурой. Со стороны, да и у меня в голове, все уже выглядело так, как будто Ковалевский был ни в чем не повинной жертвой, а я донимавшей его мстительной назойливой мухой с фантазией семиклассницы. Ну просто супер!

Настроение было испорчено, и, вернувшись за столик, я решила перейти к тяжелой артиллерии. Пара шотов текилы вполне могли поднять градус моего мироощущения на пару делений выше. Тем более, что Лиза, видя очередные внезапные перемены в моем настроении, решила поддержать инициативу, а уже, видимо, потом преступить к подробнейшему допросу.

Однако, мои догадки оказались неверными, после первой же стопки подругу понесло в пляс, и, кстати, ее умению двигаться можно было только позавидовать. Так что Лиза растворилась на танцполе, а Глеб, как бы невзначай, решил пройтись, хотя по факту он просто стал незаметной тенью Михайловской, оттаскивавшей от нее излишне приставучих

парней. Мы же с Димой остались за столиком.

— Ну что продолжим веселиться? — поинтересовался Волков уже весьма не трезвым голосом, и одновременно с этим его рука опустилась мне на бедро.

Обычно я спокойно отношусь к Диминым безобидным вольностям, но сейчас меня это начало напрягать. Я убрала руку друга со своей ноги и ответила:

— Не, Дим, я, пожалуй, домой. Голова от всего этого шума трещать начинает. — приврала я, рассказывать правду про внезапную встречу мне почему-то абсолютно не хотелось. Да и не факт, что в текущем состоянии, Волков хоть что-то вспомнит на утро из моего рассказа.

— Найди лучше Основского, этот любитель выходных и коньяка точно не откажет тебе в компании.

— Да его сейчас от Лизы даже стихийное бедствие не оттащит. — прокомментировал Димка.

Возможность отношений между Глебом и моей лучшей подругой в открытую мы никогда не обсуждали. Пару раз я заикалась об этой теме Лизе, но она только отмахивалась. А вот судя по словам Волкова, мои догадки относительно имеющихся у соседки чувств были далеко не напрасными. Пока я думала на эту тему, параллельно выискивая глазами ребят на танцполе, Димина рука вернулась на мое бедро, и он продолжил:

— Глеб с Лизой, я с тобой, не находишь, что это судьба?

Ну, всё, приехали. Клиент, как говорится, созрел. Я нахожу это полнейшим бредом и перебором коньяка в крови, сказал мне голос в голове, но вслух я произнесла другое:

— Дим, ты давай, заканчивай с этими рассуждениями. Мы с тобой друзья. — судя по взгляду Волкова, мои убеждения на него особо не подействовали. — Да за тобой пол универа девиц увивается, там невесты и позавидней меня будут.

Я попыталась перевести разговор в шутку, но судя по тому, что рука так и покоилась на моем бедре, а парень смотрел на меня абсолютно не свойственным для него взглядом, я сделала вывод, что мои доводы были весьма неубедительными. Удостовериться в этом Волков дал мне несколько секунд спустя:

— Неужели непонятно, что мне нужна ты?

Доктор тебе, Димочка, нужен, подумала я и стала оглядываться по сторонам в поисках пропавших черт знает где друзей. По закону подлости, они испарились в самый неподходящий момент. В это время свободной рукой Волков попытался обнять меня и притянуть к себе.

Нет, это уже начинало переходить все границы здравого смысла. Я попыталась как можно более спокойно высвободиться из непрошенных объятий и попробовать начать выбираться из клуба. Фиг с этими голубками недоделанными, завтра все объясню. Надо было скорей уносить ноги от коньячного горе любовника.

Я успела взять сумочку и выйти из-за столика, когда чьи-то руки, грубо прижали меня спиной к стене. Единственным желанием в тот момент было посильней зажмуриться, а потом открыть глаза и понять, что всё это дурной сон. Сложившаяся ситуация меньше всего напоминала реальность — я оказалась зажатой между стеной и Волковым, который с силой держал меня за плечи.

— Дим, это уже не смешно, отпусти. Мне больно. — я пыталась выглядеть спокойной, хотя создавшаяся ситуация уже начинала пугать.

— А ты расслабься и получай удовольствие, — прошептал Волков мне на ухо, обжигая

горячим дыханием.

Мне стало мерзко, а еще очень обидно. К горлу подкатил ком, я попыталась дернуться, но в ответ оказалась лишь крепче прижата к чертовой стене:

— Дима, пожалуйста! — в моих глазах появились слезы, я не понимала, как мой вечно позитивный друг, который всегда поддерживал и никогда не позволял лишнего, мог вытворять такое.

— Еще рано, ты будешь плакать от счастья, когда мы, наконец, останемся наедине. — ответил Волков и склонился над моим лицом.

Я зажмурилась, проклиная всё и вся за то, в какой унижительной и безвыходной ситуации я оказалась:

— Пожалуйста... — предприняла я последнюю попытку уговорить парня, даже не открывая глаз, когда руки Волкова резко слетели с моих плеч.

— По-моему девушка ясно дала тебе понять, что не хочет продолжать общение, — услышала я знакомый голос и, открыв глаза, поняла, что несколькими секундами ранее, обладатель этого голоса оттолкнул от меня Диму.

— По-моему, твоего мнения, мажорчик, никто не спрашивал. — едко ответил Волков, и снова начал поворачиваться ко мне.

Я попыталась дернуться, но Ковалевский меня опередил, во второй раз оттянув его за плечо, давая мне возможность отойти подальше. Сейчас было самое время попытаться вызвонить Глеба, пока не начался апокалипсис или, по меньшей мере, унести свои ноги подальше от эпицентра, но, пребывая в шоковом состоянии, я просто наблюдала за развитием событий, стоя как вкопанная.

— Ты что, проблем хочешь? — посмотрев на помешавшего, с ненавистью спросил Волков.

— А что, можешь их устроить? — с усмешкой парировал Виталик.

— Эта, — показав на меня пальцем, продолжил Дима, — моя.

У меня уже даже не было сил возмутиться. Я просто стояла и смотрела на развернувшуюся сцену, как на экран телевизора. Очередная мыльная опера, в которой меня точно не должно было быть.

— Не слишком вежливо называть девушку “этой”, а тем более в ее присутствии. — угрожающим голосом ответил Ковалевский.

— Тебе-то какое дело до чужих девок? Сходи к бару, выпей чего покрепче, да и найди себе тоже кого-нибудь на вечер.

Вместо очередной реплики, сын ректора как-то загадочно улыбнулся, начал поворачиваться в сторону бара, а потом как будто что-то забыв, развернулся в сторону Волкова, начавшего в это время говорить что-то типа “вот и слав...” и ударил его по лицу. Потом быстрым шагом направился ко мне и, негромко констатировав факт, что с Волковым все равно было бесполезно разговаривать, взяв под локоть, повел к выходу из клуба.

На парковке практически не было людей, вечер еще был в самом разгаре. Виталик достал телефон и, быстро перекинувшись парой слов, убрал его обратно в карман.

— С тобой всё в порядке? — наконец, спросил он.

В ответ я только кивнула. Я не понимала, каким был его тон, взгляд. Я вообще практически ничего не понимала, просто хотелось скорей оказаться дома. Как будто прочитав мои мысли, Ковалевский сказал:

— Такси будет через несколько минут.

— Спасибо. — искренне поблагодарила его я.

Все оставшееся время до приезда машины, мы просто стояли молча. И уже закрывая дверь такси, в котором я сидела, Виталик спросил:

— Теперь мы, наконец, можем заняться совместной работой?

Вся абсурдность этого вопроса в такой ситуации даже заставила меня улыбнуться:

— В понедельник обсудим. — ответила я, и машина тронулась.

Уже оказавшись дома, я без сил сползла по входной двери, усевшись прямо на пол в коридоре, взяла на руки подошедшего ко мне кота и, наконец, дала волю слезам.

Глава 3

Всё воскресенье я провела дома, стараясь отбиваться от дурных мыслей, которые лезли в голову. Ребятам историю в общих чертах я рассказала. До Лизы дозвонилась еще вечером, а Глеб заглядывал с утра. Дима тоже звонил, восемнадцать раз, если быть точной, но ни на один из вызовов я не ответила. Буду предельно честной, я даже не знала, о чем с ним сейчас можно разговаривать.

После генеральной уборки в квартире, я плюхнулась на диван, и всё-таки решила открыть злополучную папку к форуму. Смысла откладывать до понедельника больше не было, от мук утреннего похмелья я была избавлена своим ранним уходом. Сомнительная, конечно, радость в сложившейся ситуации. Оказалось, что не так был страшен черт. Всё, что от нас требовалось — десятиминутное выступление с небольшим рассказом о строительстве школ в нашем городе. При этом, основные данные были любезно вложены Леной в ту же папку. Я облегченно выдохнула, хотя чему собственно удивляться. Львович бы никогда не возложил на рядовую третьекурсницу и своего сына, род занятий которого мне до сих пор не был известен, но вспоминая рассказы Глеба о разводе его тети, мозг подкинул цитату соседа “да она брата на пушечный выстрел ко всей этой вашей строительной ерунде теперь не подпускает”. Так что я очень сомневалась, что Ковалевский был великим архитектором-самородком. Скорей всего я просто попала в какую-то непонятную аферу нужную Бондарю, чтобы замаять скандал с парковкой.

Захлопнув папку, я откинулась на спинку дивана. Кажется, всё будет не так плохо, как я себе уже придумала. Приободрившись от этих мыслей, в голове поменялось и отношение к другому вопросу. Я уже была готова выслушать Волкова.

Однако, такой возможности мне не представилось. Звонить ему сама, я естественно не стала, а свои же попытки выйти на связь со мной, он прекратил еще до обеда воскресенья. Глеб звонил Диме вечером, хотя сам был зол на друга за случившееся, но узнать как у того дела все таки решил, однако, телефон оказался отключен. Даже Лиза пару раз набирала номер одногруппника, естественно, не называя мотивов, но абонент так же не смог принять вызов.

Я планировала поговорить с ним в универе, и даже тут Волков сумел нарушить все планы не явившись в понедельник на пары.

Михайловская, злясь на себя, за то что в нужный момент ее не оказалось рядом прокомментировала отсутствие:

— Видимо совсем стыд загрыз, и он сейчас тихо плачет, свернувшись клубочком где-нибудь в подвале.

— Может это и к лучшему.

— Не думала, что ты такая мстительная. — решила пошутить подруга.

— Ты сейчас отлично поняла, что я про прогул занятий.

— Зануууда, — протянула подруга. — Кстати, что там на счет твоей совместной работы с прекрасным принцем?

Лиза всячески пыталась сгладить случившееся в клубе, переводя разговоры в шуточное русло. Но я знала наверняка, что сразу после того, как я ей все рассказала, милая блондиночка была готова крушить и убивать. Попадись ей тогда Волков, она бы ему глаза повыцарапала. Однако, Лизка быстро взяла себя в руки, решив, что основная миссия хорошей подруги — убедить меня в том, что жизнь прекрасна, а все произошедшее просто небольшое недоразумение, над которым мы потом еще посмеемся.

— Оказалось, что Львович нас считает совсем безнадежными. Потому как почти весь текст Лена уже подготовила, а наш публичный позор будет длиться всего 10 минут. Думаю, что поделить слова, не поубивав друг друга, мы сумеем.

— Думаю, если бы Ковалевский хотел твоей смерти, он просто бы не вмешался в субботу. Прости... — моментально одернула себя Михайловская.

— Не извиняйся, ты права. Я тоже думала над всем этим. — ответила я, но добавила. — Однако это не делает его менее зазнавшимся типом. И да, я абсолютно без понятия, как с Виталиком связаться, а идти к его отцу с просьбой дать номер телефончика, чтобы поработать над речью, которую мы как бы уже неделю должны учить с потом на лбу, чего-то не слишком хочется.

— Ну да, тут не могу не согласиться. Может Лена сможет помочь?

Но к помощи секретаря прибегать не пришлось, мой “принц” обнаружился сам возле главного входа в университет. И обнаружился не один.

Ковалевский стоял на ступеньках, небрежно обнимая за талию высокую стройную девушку с черными волосами. Увидев меня, парень что-то шепнул на ушко своей собеседнице и попрощавшись, направился в нашу сторону. Обладательница длинных ног обернулась вслед парню, и тут я поняла, что знаю ее.

Ну ничего себе, Виталька, а ты, оказывается, смертник. Так мило ворковать с дочерью основного конкурента своего отца прямо на ступенях вуза, мало бы кто решился.

Диана Белова училась со мной в одной школе на класс старше. Еще в то время девушка отличалась весьма отвратительным характером, считая себя королевой, а окружающих учеников и учителей людьми более низкой касты. Пару раз я невольно слышала разговоры преподавателей, которые называли Диану достойной дочерью своего отца, имея в виду ее дурной нрав. Сама же лично я никогда с Сергеем Викторовичем не встречалась, поэтому подтвердить или опровергнуть услышанное никак не могла.

Сейчас, судя по взгляду Беловой, ее неприязнь к окружающим и пропорциональная ей любовь к себе только выросла. На ее фоне в первый день нашего знакомства Ковалевский смотрел на меня как преданный песик на своего хозяина, который собирался угостить его сахарной косточкой. Учись, Виталик, твоя подруга знает толк в испепелении людей глазами.

По мере приближения парня к нам, у Лизы нашлись неотложные дела, которые именно сейчас ей понадобилось решить, так что прикрывать тылы стало некому. Ну ладно, разберусь сама, разве впервые.

— Привет, — я решила начать разговор. Вдруг Глеб прав, и мне просто стоит общаться по другому. — еще раз хотела поблагодарить за субботу.

— Обращайся, хотя, если в следующий начнешь с нанесения увечий, я еще подумаю, стоит ли тебя вытаскивать. — ухмыльнулся Ковалевский.

Нет, все же сосед ошибается. Передо мной стояло абсолютно невыносимое создание.

— А что ты после клуба делал? — не удержалась я.

— В смысле? — удивленно выгнув бровь, спросил Виталик.

— Ну, утопил парочку котят? Выпил чьей-нибудь крови? Должен же быть баланс добра и зла восстановлен. Мир ждет конец, если главный злодей вдруг перейдет на светлую сторону.

— Немного поразвлекался с куклой вуду и успокоился. — ответил мне в тон Ковалевский.

— Ах вот почему у меня спина все воскресенье болела. — мне показалось или он улыбнулся?!

— Я посмотрел, что отец там придумал. — резко перевел тему Виталик. — В субботу планировал заехать к Глебу, тогда же могли бы и обсудить всё.

— Отлично, идет.

— Постарайся до выходных не угодить ни в какую передрагу. — Ковалевский ухмыльнулся, и пока я пыталась придумать достойный ответ, удалился в сторону парковки.

Вот же ж блин! В этот раз выиграть словесную дуэль мне не удалось.

Набрав номер Лизы, я узнала, что она устроилась в кафе недалеко от универа, и решила присоединиться к ней, чтобы выпить чашечку кофе. Сперва мы разговаривали на какие-то отвлеченные темы, но мне не давало покоя, что подруга ведет себя как-то странно. После того как она в десятый раз за последние пару минут вновь кинула взгляд на экран телефона, я не выдержала и спросила:

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— О чем? — решила включить дурочку подруга.

— Ладно, на нет и суда нет. — констатировала я, может у меня уже паранойя.

Михайловская опустила глаза и начала внимательно изучать свою чашку:

— Хочу, но не знаю с чего начать. — не поднимая глаз ответила Лиза.

— Попробуй начать с начала. — излишне резко сказала я.

У Глеба объявился его невыносимый брат, Дима сперва оказался недоделанным маньяком, а теперь вообще куда-то пропал. А у нее-то что еще стряслось?

Но все же, я зря начала обвинять подругу во всех смертных грехах. Оказывается, что в отличии от меня, Лиза отлично провела вечер субботы, причем не одна.

После возвращения за столик, ребята обнаружили вместо нас только пустую посуду и подумав, что мы уехали домой, начали собираться сами. Дозвониться они так и не смогли — ни я, ни Волков трубки не брали. Но решив, что раз мы с Димой вдвоем, то волноваться не стоит.

Глеб проводил Лизу до дома, где, наконец-то перед подъездом осмелился и поцеловал ее. Хвала небесам! Я по такому поводу решила даже не подшучивать над Основским на тему того, что ждала развития их отношений не раньше пенсии.

Мое настроение значительно улучшилось от услышанного, я была рада за друзей вместе и за каждого из них в отдельности, потому что личная жизнь что Лизы, что Глеба упорно не хотела складываться, раз за разом подкидывая им абсолютно не подходящих людей.

Мы допили кофе, и я стала собираться домой. Михайловская же осталась ждать соседку, с которым они собирались прогуляться. Мне, конечно, было крайне интересно как они будут переводить свое общение, на восемьдесят процентов состоящие из взаимных подколов, в разряд нейтрального (как минимум) и комплиментов (как максимум). Но, отлично понимала, что сейчас я буду тем самым третьим, а мешать счастью друзей мне

абсолютно не хотелось.

В среду ко мне заглянул партизан — сосед, которого можно было ставить вместо новогодней елки на праздник, настолько он светился от счастья. От одного его вида всё стало понятно без слов — у них с Лизой все хорошо.

Глеб традиционно помогает мне с мытьем окон с наружной стороны, потому что я со своей боязнью высоты ни за какие коврижки не полезу их мыть. Основский же относился к тому, что до земли целых семь этажей абсолютно пофигистично, а мне нужно было представить в воскресенье квартиру хозяйке в наилучшем свете, так что такая бескорыстная помощь бесстрашного соседки мне была очень нужна.

Сейчас сложится впечатление, что я свинья какая-то, но это отнюдь не так. Просто нужно сделать поправку на то, у кого я снимаю квартиру. Всю сознательную жизнь Римма Филипповна проработала в театре, в гардеробе правда, но эту деталь она старается опускать, а самым настойчивым напоминать, что театр начинается именно с вешалки. Считает себя хозяйка исключительно опрятной и, при виде малейших пылинок, готова упасть в обморок.

Так что раз в несколько месяцев, когда она наведывается проверить живем ли мы с ее квартирой в полной гармонии и взаимопонимании, приходится наводить практически стерильный порядок. Такие небольшие странности моей хозяйки я готова терпеть без лишних слов, потому что снять такую хорошую квартиру в нашем районе за сумму, которую я отдаю Римме Филипповне, абсолютно невозможно.

— Глееееб, а ты Ромчика на воскресенье забереешь? — с надеждой посмотрела я на соседа.

— А что, театр на гастроли все-таки едет? — поинтересовался сосед, действительно ли я жду хозяйку.

— В яблочко.

Основский посмотрел на шерстяной комочек, посапывавший на диване, и с опаской спросил:

— А он меня не сожрет?

Я закатила глаза, а потом улыбнулась:

— Я знала, что ты спасешь меня от неминуемой гибели.

Всю оставшуюся часть недели я убиралась там, до куда обычно руки не доходили — двигала мебель и перемывала всё в тех местах, где нога человека обычно не ступает, разгребала завалы на лоджии, постирала шторы и даже купила новые в зал.

Возвращаясь в пятницу с занятий, меня прямо поманил гипермаркет товаров для дома, где я с удовольствием выбрала новые занавески и плед в холл. Погладив и развесив обновки, я оценила результат своей работы и удовлетворенно кивнула — комната стала выглядеть гораздо свежее.

Эту субботу и воскресенье я решила провести дома, тем более, что Лиза с семьей улетели на выходные в Прагу, Глеб собирался навёрстывать время, проведенное в разлуке с братом, а о местонахождении Димы никому из нас известно не было. Михайловская даже звонила его родителям, которые, хоть и искренне удивились ее интересу, но всё же сказали, что их сын уехал на какие-то сборы.

К обеду субботы я все таки решила, что вести абсолютно тюлений образ жизни, стараясь лишней раз не шевелиться еще и из-за опасений что-то испачкать становится практически невозможно, стала собираться в магазин. Запасы еды для меня и Ромыча стремительно подходили к концу.

Погода в городе портилась с космической скоростью. Если первую неделю сентября состояние за окном напоминало хоть и не полноценное лето, то бабье так точно, зато сейчас небо было затянуто плотными серыми тучами, и я очень надеялась успеть вернуться домой до дождя. Уют нового пледа и мягкость дивана манили меня назад в свои объятия.

Первые капли настигли меня на обратной дороге к дому, я ускорила шаг, надеясь не промокнуть до нитки. К моей удаче, в подъезд как раз кто-то заходил, и я окликнула входящего, прося придержать мне дверь.

Входящий, оказавшийся Ковалевским, чему я уже даже не удивилась, любезно пропустил меня в подъезд, даже не пытаясь придавить дверью или хлопнуть ей перед самым носом.

— Привет, подждал меня? — спросила я в привычной манере.

— Труп прятал в клумбе, сбежать не успел. — под стать мне ответил Виталик.

— Ну, раз уж теперь ты полностью свободен от скрытия улик, может зайдешь обсудить текст? Или остались еще какие криминальные дела?

— Нет, пожалуй на сегодня их хватит. — ухмыльнулся Ковалевский.

Мы поднялись наверх, я открыла дверь и пропустила гостя вперед.

— А у тебя всегда так ээээээ — замялся парень. — странно дома. — закончил он мысль, явно долго подбирая нужные слова.

Подразумевая, что он говорит о моей стерильной чистоте, я, взясь с замком, уверила Виталика о том, что это только на время приезда хозяйки и вкратце рассказала об ее странных взглядах, а после выглянула из-за спины гостя, который почему-то не проходил дальше, и замерла.

— Твою налево!!!

— Видимо, ты всё таки имела в виду немного другую чистоту. — заметил мою реакцию Ковалевский.

То, что я увидела в комнате, повергло меня в полнейший ужас. По ходу дела, всё то время, которое кот лежал на моих ногах, он вынашивал план мести новым занавескам, потому что иначе, чем кровавой расправой, я это назвать не могла.

В центре всего разгрома валялась поверженная штора, но не одна. Компанию ей составляли разбитые горшки с цветами, получасом ранее любезно мной политые, а завершал натюрморт покосившийся карниз. Самого же виновника этого беспредела видно не было, что, может, и к лучшему.

В тот момент, когда я начала успокаивать себя мыслями о том, что хозяйка придет только завтра, и я успею всё это разгрести, главное побыстрее выпроводить Ковалевского, который так и стоял в коридоре, не проронив не звука, раздался звонок домофона.

Ну кому еще что понадобилось, подумала я и нажала кнопку:

— Олесечка, это Римма Филипповна!

Это был конец!

Первым из ступора вышел Виталик:

— Я так понимаю, это и есть хозяйка квартиры.

Я молча кивнула. Пытаться что-то сделать, пока владелица жилья поднималась в лифте, было бесполезно, а идей, как объяснить произошедшее, не травмировав ее психику и не лишив себя привычных квадратных метров, у меня не было никаких.

И тут, забивая последний гвоздь в крышку гроба, на арену цирка вышел мой кот. Картина маслом.

В этот момент входная дверь распахнулась и в квартире появилась хозяйка:

— Римма Филипповна, я так рада вас видеть! — расплылась я в самой широкой улыбке, которую только могла себе позволить.

— Олесечка, ты еще и с гостем, ну я долго вас задерживать не буду, но должна же я проверить, что у моей девочки тут всё хорошо. — ответила хозяйка, одаривая меня добрым взглядом. — Это просто прекрасно, что я застала тебя сегодня, а то не культурно без предупреждения получилось, но судьба-злодейка распорядилась именно так. — закончила свою театральную речь женщина, снимая сапоги и переодеваясь в тапочки.

Владелица жилища проследовала дальше по коридору, и, обойдя Виталика, ее взгляду предстал холл во всей своей красе, с создателем той самой красы во главе.

— Оооооолесечка, — немного заикаясь, и нехарактерно высоким голосом позвала меня женщина, — а что тттут...

Вопрос хозяйке не дал закончить Ковалевский, наконец, вышедший из ступора:

— Ой, уважаемая Римма Филипповна, тут такая история приключилась, вы просто не поверите. — начал рассказывать парень.

Я посмотрела на Виталика и практически потеряла дар речи. Сказать, что это один и тот же человек с тем, которого я знаю, было практически невозможно. Вероятней было предположить, что это его брат близнец, которому достались все хорошие манеры.

Ковалевский смотрел на хозяйку квартиры, взглядом, полным сожаления и раскаяния, а тон его голоса практически заставлял прослезиться от жалости. Я очень надеялась, что у него есть план.

— Давайте пройдем на кухню и обсудим произошедшее недоразумение за чашечкой чая, в ногах ведь правды нет. — и, приобняв за плечи хозяйку, которая, на удивление, согласилась, повел ее в сторону кухни, благо планировка с квартирой Основского у нас была одинаковая и парень знал, куда нужно идти.

Следующие пол часа Виталик заливал в уши Риммы Филипповны абсолютную чушь, не делал это, надо признаться, просто блестяще. Я же большую часть времени просто скромно кивала и в нужных местах рассыпалась в извинениях. За время этого представления я уяснила для себя две вещи: во-первых, Ковалевский — отличный актер, его перевоплощение в искренне раскаявавшегося человека, который практически силой заставил бедную Олесю взять на денек, пока тот был в отъезде, любимого котика, было достойно Оскара. Ну и во-вторых, нельзя недооценивать обаяние молодого мужчины, которое подействовало на любящую внимание в свой адрес Римму Филипповну безотказно.

В итоге разговора мы получили следующее — “Виталечка” был приглашен на чаепитие домой к хозяйке квартиры, я оказалась “жертвой архинелепой ситуации”, кот, который по легенде, конечно, моим не являлся, добился разрешения на посещение квартиры, в случае если “он больше не будет наносить столь чудовищного ущерба комнатам”. О таком исходе событий я не могла даже мечтать.

В скором времени женщина уехала, предварительно получив от галантного Ковалевского поцелуй руки, после которого окончательно растаяла. Когда закрылась дверь, я почему-то ощутила себя безумно уставшей, но оставалось еще решить вопрос с текстом.

Однако, и тут Ковалевский взял ситуацию в свои руки, видимо слишком крепко вжившись в образ в идеального мужчины, он с помощью двух текстовыделителей грамотно поделил речь, и уже через 20 минут все было готово.

Мы договорились пересечься на следующей неделе, чтобы послушать, как всё это дело

звучит вместе, на этот раз, обменявшись номерами телефонов.

Провожая Виталика, я всё-таки решила его поблагодарить:

— Спасибо, за то, что снова вытащил меня из передрыги.

— Похоже, спасение тебя по субботам уже становится традицией. — улыбнувшись ответил парень.

— Главное, чтобы это не вошло в привычку, — пробубнила я, а затем добавила. — Вы уж постарайтесь сегодня с Глебом без музыки.

— В этот раз, я уже вооружен информацией о такой особенности брата. — с кивком ответил парень и скрылся за дверями.

А что оставалось мне? Всё верно, отправиться в душ и лечь в кровать. Правда в этот раз, несмотря на усталость, уснуть мне не удавалось достаточно долго. В голову непрерывным потоком лезли мысли о Виталике. В какой-то момент он перестал казаться таким напыщенным и заносчивым, я даже уже не замечала презрение в его взгляде. Хотя наши отношения нельзя было назвать даже приятельскими, но за время, которое мы были знакомы, Ковалевский уже дважды успел мне серьезно помочь, так что заключение к том, что ничего кроме трудностей он в мою жизнь не принес, уступило место мысли, что, наверное, Глеб прав, и его брат на самом деле не так уж плох, как я думала изначально. И когда мозг, наконец, сформировал более или менее осмысленное мнение о Виталике, я уснула.

Глава 4

Началась новая учебная неделя, а Дима так и не появился в универе. Его отсутствие уже начинало порядком напрягать, хотелось поговорить, потому что гаденькое чувство осадка после вечеринки посвящения нет-нет, да и проскакивало в голове.

А еще у Глеба в среду был день рождения, и, обычно, организацию всех праздников мы с Димой и Лизой брали на себя. Правда в этот раз соседка заранее сообщил, что хочет небольшую домашнюю вечеринку. Приготовим мы все с Михайловской без проблем, а вот поработать грузчиком и водителем теперь уже придется самому имениннику.

В среду с утра меня вызвали к ректору, которого я не видела уже практически полторы недели. Зайдя в кабинет, я увидела Ковалевского, привычно расположившего на бежевом диванчике, и суть визита мне стала ясна.

Бондарь выглядел крайне уставшим, под глазами у него залегли темные мешки, а взгляд был измученным, но, по крайней мере, он не жаждал нас убивать. Виталик же, наоборот, был зол. Судя по тому, как внезапно они замолчали, я только что прервала семейные разборки.

Я не знала, какие отношения связывали отца и сына. Глеб про эту часть биографии своих родственников никогда не упоминал, а мне до недавних пор это было абсолютно не интересно. Теперь же, я иногда задумывалась, почему Виталик вообще сюда приехал?

Львович устроился за своим столом и немного погонял нас по тексту для выступления, после чего устало, но удовлетворенно кивнул и сказал, что можем быть свободны. Я поспешила на волю, а Ковалевский остался в кабинете отца. Конечно, мне было интересно немного пролить свет на происходящее между ними, но погреть уши, не привлекая к себе внимания, было невозможно, в виду присутствия в приемной Лены. Поэтому, я приняла полагающиеся мне за вредность пару конфеток и отправилась на пары.

После учебы планы на вечер вторника были просто наполеоновские. Нужно подготовить все к предстоящему дню рождению. Для начала, Глеб должен был отвезти нас с

Лизой в магазин, где мы закупились продуктами и напитками для праздника, а после подготовили все, что можно было сегодня, чтобы на завтра хлопот осталось по минимуму.

Празднование Основский решил не переносить на другой день, потому что по счастливому стечению обстоятельств, на четверг выпадал день города, и все вузы, точнее самые заядлые активисты и те, кому просто не повезло, должны были участвовать в ежегодном параде, пройдя по главным улицам под эмблемой своего любимого учебного заведения, а остальные поддерживать их по ходу движения колонны.

Нам повезло, и в этом году наша группа была снята с занятий для просмотра парада. Не меньшая удача улыбнулась и Глебу, их пары завтра так же были отменены, потому что ВУЗ Основского, наравне с нашим, участвовал в шествии, а соседка со своими одноклассниками так же должен был стать зрителем парада.

Сев в машину к Глебу, я сразу поняла, что что-то не так. Я огляделась по сторонам и вскинув брови спросила:

— Это что, зеркала?

— Ага, я тоже просила ущипнуть меня, когда заметила сию красоту в первый раз. — откликнулась Лиза с переднего сиденья.

Основский же только молча закатил глаза и завел двигатель.

— Поговаривают, что добрый братец моего ненаглядного зеркалоненавистника поработал милой феей, и в одно прекрасное утро Глеб обнаружил всё это дело уже прилепленное к своей машине. — прояснила ситуацию Михайловская.

Я улыбнулась. Представляю как бесился Основский, увидев свою дорогую сердцу колымагу в таком виде. История умалчивает, почему сосед так ярко отбивался от установки зеркал на их законные места, кто его поймет, эту творческую натуру. А Виталик, конечно, молодец — двух зайцев разом. И отомстил, и сделал жизнь брата, да и окружающих, немного спокойней и безопасней.

Весь вечер мы с Лизой провели за нарезкой салатов. Компания планировалась не слишком большая, но поесть любившая. К Глебу обещали заскочить несколько одноклассников, пара друзей из компании, которая безумно любила слушать о моих фантастических приключениях, а, по совместительству, являвшихся коллегами Глеба из газеты, где он подрабатывал, Ковалевский и мы с Лизой. Всех присутствующих я знала и относилась к ним хорошо, за исключением, пожалуй, Виталика, о котором я еще не понимала, как думать.

День среды пролетел быстро, и вот я уже заканчивала последние приготовления, собираясь к соседу. Стол был накрыт, Лиза уже ушла в квартиру к Глебу, а я стояла перед зеркалом в коридоре, подводя губы блеском. На мне были одеты темно синие джинсы и персиковая кофточка, с вырезом. Достаточно глубоким, чтобы казаться женственной, но без фанатизма, чтобы не перевести предмет одежды в разряд эротического белья.

Я обернулась на кота, поглядывающего на меня из-за угла, и с мольбою в голосе попросила:

— Постарайся не уничтожить ничего до моего прихода.

И после этого закрыла дверь квартиры.

Дома у Глеба все уже были в сборе. Я зашла в зал и помахала рукой присутствующим. Вместе со мной нас было 8 человек: Кристина и Сережа — одноклассники Основского, еще один Сережа, компанию которому составляла Катя — любители невероятных историй с моим участием, Ковалевский, как всегда вольготно развалившийся на диване и, собственно,

сам виновник торжества с Лизой.

Такая компания меня более чем устраивала, но я не учла только одного. Был и девятый человек, вышедший на кухню поговорить по телефону. Он появился спустя несколько минут.

Когда я уже занимала место за столом, меня окликнул знакомый голос:

— Привет, Лесь. — сказал Волков, стоявший в дверях комнаты.

Я замерла на мгновение, а потом опустилась на стул. Проблемы надо решать по мере их поступления, но какого черта Основскому было не предупредить заранее, что они, то есть проблемы, поступили.

Дима пытался вести себя, как ни в чем не бывало. Мы расселись и выпили за здоровье именинника, парень сидел далеко от меня, поэтому пока непосредственного общения с ним удавалось избегать. Я уже отчаялась поговорить с Волковым за прошедшее время, которое он пропадал непонятно где, и отпустила ситуацию. Детали того инцидента размылись в памяти, но как я не старалась, назвать Диму другом больше не могла.

Слово за словом, тост за тостом, и наша компания за столом начала разделяться на клубы по интересам. Глеб знакомил Михайловскую со своими одноклассниками, сотрудники местной газеты о чем-то ожесточенно спорили с Виталиком, а я в какой-то момент осталась одна, залипнув в телефоне за просмотром соц сетей.

— Может поговорим? — отвлек меня от экрана голос Димы.

— Давно пора, — согласилась я, поднимая голову от телефона, хотя в глубине души надеялась, что разговора все таки удастся избежать. — на балкон?

Балконом наружную часть квартиры Основского назвать было трудно. По факту эта бонусная комната представляла собой длинную лоджию, оснащенную даже маленьким диваном, где было достаточно тепло, чтобы в тишине поговорить без куртки даже в глубокий мороз.

Мы оказались с Димой наедине, звуки музыки, игравшей в квартире, стихли после того как Волков закрыл дверь. Первые пару минут мы просто стояли молча, глядя через стекло на отличный вид вечернего центра города, который открывался из квартиры Глеба. Первым заговорил Дима:

— Мне жаль, что всё так получилось.

— Да ладно, главное, что ты всё таки вышел из сумрака. — попыталась перевести разговор в шутку я.

— Лесь, хватит.

— То есть? — я уже переставала понимать о чем конкретно хотел поговорить Волков.

— Либо ты будешь со мной, либо нет. Я пришел к Глебу ради тебя!

Вот это поворот, я и не думала, что всё настолько серьезно:

— Дима, ты хороший друг... — начала я, но парень не дал мне закончить:

— Но ни на что большее я не согласна, — передразнил Волков мой голос.

— Примерно так. — кивнула я, даже не пытаюсь спорить.

— Ну хорошо, только если я сейчас уйду, я уйду в последний раз. — сказал Дима. — В последний раз как твой друг. Просто скажи окончательно, ты будешь со мной?

Что, нафиг, за бред сейчас происходил. Я опять проморгала момент, когда превратилась в героиню дешевой мыльной оперы. Волков требовал от меня невозможного. Как я могла выбирать или парень, или никто. Без извинений. Без какой либо попытки прояснить ситуацию. Кто вообще этот человек, который сейчас стоял передо мной?

Я сделала глубокий вдох, а потом сказала:

— Прости Дим, но я уже даже не уверена, что могу предложить тебе дружбу.

Не сказав ни слова, Волков скрылся в квартире, захлопнув за собой дверь.

Внезапно мне стало душно. Я отодвинула окно, и вдохнула относительно свежий и не по-сентябрьски холодный воздух. Мне вновь стало обидно и грустно: почему моя среднестатистическая жизнь вдруг стала удосуживаться таких сюрпризов? Почему все так обернулось?

Поведение Димы не давало мне покоя. Я перебирала в голове, все наши встречи и диалоги, оставившие след в памяти и думала, как за один вечер все могло так измениться.

— Не боишься замерзнуть? — спросил голос сзади меня.

— Нет, Виталик, как раз собиралась вернуться ко всем. — ответила я закрывавшему за собой дверь Ковалевскому.

— Я уж начал волноваться, не выбросилась ли ты с окна, а то пятнадцать минут прошло как никак.

— Пятнадцать минут чего? — не понимала я.

— Ну, с тех пор как твой дружок ушел. — Слово “дружок” Виталик практически выплюнул.

— Дима ушел? — наконец осознав, что Волков не шутил, спросила я.

— А ты расстроилась? — и опять это презрение в голосе.

— А ты бы не расстроился, если бы вся твоя наверняка размеренная и благополучная жизнь в один момент начала рушиться как картонный домик? — с отчаянием спросила я Ковалевского.

— И сейчас ты, наверняка, пытаешься предложить мне мысленно поставить себя на твое место, чтобы оценить масштаб всей трагедии? — с усмешкой спросил сын ректора.

Да в кого ж ты такой пронизательный, блин, подумала я, а потом решила, наконец, перестать врать. Хотя бы самой себе:

— Этой осенью всё идет через задницу. — не поскупилась на выражения я.

— Вот тут даже спорит с тобой не буду. — ответил Виталик и подойдя к окну, протянул мне бокал с шампанским, который все это время держал в руках.

Я приняла его и сказала:

— За именинника! — и, коснувшись стакана с виски, который парень держал в руках, сделала глоток.

Виталик только кивнул и тоже поднес стакан к губам. Мы молчали, наверное, целую вечность, когда Ковалевский сказал, смотря на город, утопающий в огнях:

— Не считай себя эпицентром всех бед. Проблемы случаются постоянно, у всех и у каждого. Если вечно на них зацикливаться, то и шизофреничкой сделаться недолго.

После этого он взглянул на меня, снял свою кофту и накрыл ей мои плечи:

— Постарайся относиться к жизни проще, поверь, у тебя в ней далеко не худший сценарий. — добавил Виталик, теперь стоя уже в пол оборота ко мне, облокотившись на закрытую часть окна.

— А ты, как я посмотрю, прямо знаток — констатировала я, поняв, что действительно замерзла, закрывая створку лоджии, и оказываясь прямо напротив Ковалевского. — Спасибо за поддержку.

— Обращайся. В свободное от спасения тебя время, могу подрабатывать мотиватором. — отшутился Виталик и посмотрел на меня.

Я подняла свой взгляд на него, и наши глаза встретились. Прошла, казалось целая вечность, пока мы просто стояли и смотрели друг на друга. А потом, Ковалевский коснулся своей рукой моей щеки. Я не шевелилась. Он провел ладонью по моим волосам, наклоняясь еще ближе ко мне. Я по прежнему не двигалась и с трудом вспоминала как нужно дышать. Взгляд тоже не отводила. От высокомерности в красивых карих глазах парня не осталось и следа.

И вдруг, когда лицо Виталика оказалось в каких-то нескольких сантиметрах от моего, балконная дверь резко открылась:

— Уууууууупс. — сказала, появившаяся в дверном проеме Лиза, и, как ни в чем не бывало, продолжила — Ну раз уж я все равно вас отвлекла, то пойдемте внутрь. Старичок свечки на торте задуть изволил.

Судя по взгляду Михайловской, мне предстояли долгие объяснения.

— Ну, предположим, Ковалевский бы тебя поцеловал, и что дальше? — спросила подруга на следующее утро, попивая чай у меня на кухне.

Надо отдать Лизе должное, пятнадцать минут продержалась, прежде чем упомянуть то, что вчера случилось на балконе. Точнее не случилось.

— Мне тут умные люди посоветовали не заикливаться и проще относиться к жизни, так что давай не будем обсуждать то, чего не было. — и, уже про себя с некоторой ноткой обиды, добавила, и вряд ли уже будет.

Виталик уехал вчера практически сразу, сославшись на какие-то неотложные дела, появившиеся непонятно откуда. Я даже практически поверила.

— Уж не об одних и тех же людях мы сейчас говорим. — пробубнила подруга практически беззвучно.

— Я всё слышала. — сказала я в ответ, наливая уже вторую кружку чая.

— Не устану повторять, что ты — зануда.

Мы собирались на парад, который в добровольно-принудительном порядке должны были посетить. Желание забить на всё и остаться дома было безумно сильным, но мне, как старосте, просто была не положена такая роскошь. Подруга из солидарности тоже прогуливать мероприятие не собиралась, тем более, что Глеб так же должен был идти. Для ребят это было просто хорошей возможностью вместе прогуляться, хоть погода и не была в настроении. Небо оставалось по-прежнему затянутым низкими плотными тучами, но дождя не было. И на том спасибо.

До центра города мы добрались на метро. Поднявшись на улицу, у Лизы зазвонил телефон, и она отошла поговорить. Мы остались с Основским вдвоем, и я спросила о том, что не давало мне покоя со вчерашнего вечера:

— Почему ты не предупредил, что Волков придет?

— Лесь, прости. Но дело в том, что я и сам не знал.

Оказывается, Дима приехал буквально за несколько минут до моего прихода. Без предварительного звонка или предупреждения в соц сети. Точнее, Глеб звонил ему несколькими днями ранее, но известный нам телефон по-прежнему оставался недоступен. И теперь мы уже точно знали, что бывший друг сменил номер.

Тем временем сосед продолжил:

— Он выглядел весьма странно. Нервный какой-то что ли.

— Странно — это еще мягко сказано. — и я рассказала другу о диалоге с Волковым на балконе.

— Да уж, — не нашелся что ответить Глеб. — по ходу крышу у парня окончательно сорвало. Может и к лучшему, что он взял академ. Вам, наверное, лучше не видеться, пока у него мозги на место не встанут. — и немного подумав, добавил. — Если вообще встанут.

— Он взял академ? — не поверив, спросила я.

Это было настолько не похоже на Диму, которому учеба давалось легко. Он неоднократно говорил нам, что хочет скорей закончить ВУЗ, чтобы пойти работать по специальности. Его семья была далеко не богата, поэтому Волков, временами, просто грезил мечтами о том, чтобы добиться успеха в профессии, обеспечив родителям достойную старость, а себе светлое будущее.

— Да, он сказал об этом практически сразу, приехав вчера ко мне.

В этот момент к нам вернулась Михайловская, и мы сменили тему разговора. Хотя в голове у меня все еще шла напряженная беседа с самой собой. Что все-таки было на уме у бывшего друга? Я просто отказывалась его понимать.

Шествие не затянулось, и уже через сорок минут мы были абсолютно свободны. Глеб с Лизой решили еще погулять, а мне нужно было заскочить в универ, чтобы передать Лене список присутствовавших на параде. Просто так дарить дополнительный выходной студентам, университет был не намерен.

Друзья проводили меня до универа, который находился совсем недалеко от того места, где проходило мероприятие, и мы попрощались. Лена оказалась на месте, я быстро отдала ей листок, получила традиционные конфеты и вышла из приемной абсолютно свободным человеком.

После вчерашнего праздника, затянувшегося допоздна, я чувствовала себя абсолютно не выспавшейся, поэтому решила оставшуюся часть дня посвятить времяпровождению в теплой и мягкой кровати, предварительно заскочив в магазин, чтобы обзавестись едой для себя и домашнего шерстяного монстра.

Однако совсем без остановок добраться до дома не удалось. Уже на парковке ВУЗа меня окликнули. Я обернулась и не поверила своим глазам. Ко мне направлялась никто иная, как Диана Белова. Ей-то что от меня понадобилось?

— Ты ведь Олеся, верно? — спросила меня девушка, оглядывая придирчивым взглядом.

— Верно, чем обязана? — согласилась я с Беловой, посмотрев ей в глаза снизу вверх. На ее фоне я выглядела невзрачной маленькой букашкой.

— Я хотела тебя попросить. — сказала она тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Точнее даже посоветовать. Держись от Ковалевского подальше!

Моя челюсть с громким стуком упала на асфальт. Это что еще за прикол? Разгневанная подружка предъявляет свои права на парня, с которым у меня даже ничего нет?!

— А то что? — поинтересовалась я, чтобы не выглядеть совсем жалко.

Белова кинула на меня раздраженный взгляд:

— Я тебя предупредила. Держись. От него. Подальше. — после этих слов она развернулась и удалилась прочь, оставив за собой шлейф аромата дорогих духов.

Я лежала в кровати под убаюкивающее мурлыканье Ромео, но никак не могла уснуть. Начнешь тут проще относиться к жизни! Для полного комплекта мне не хватало только полоумной девушки Ковалевского со своими угрозами. Как она вообще про меня узнала?

Ну, ничего, до форума оставалось каких-то полторы недели, а там, если за совместное выступление с Виталиком Белова не выцарапает мне глаза, мы помашем друг другу ручками

и будем надеяться больше не пересекаться. Однако где-то в глубине души тоненький голосок едва заметно сказал: ты ведь не хочешь прощаться с ним навсегда. Я ругнулась себе под нос и совсем невежливо предложила этому голосу замолчать.

Дни потянулись одной бесконечной серой вереницей. Я проводила все свое время в универе, несколько вечеров задерживалась у Бондаря, чтобы в очередной раз повторить наше выступление. Ковалевского за пределами кабинета отца я не встречала ни разу. Сразу после очередной репетиции речи я практически мгновенно убегала из кабинета ректора, не давая возможности Виталику сказать хотя бы слово, если он вообще хотел о чем-то со мной говорить.

Мой ежедневный маршрут был отточен до идеала: дом — универ — магазин — дом. В прошлые выходные я выбиралась в кино с Глебом и Лизой, в остальное время компанию мне составлял кот. Начало сентября было настолько эмоциональным и выматывающим, что я просто выдохлась. А сейчас было проще забиться в кокон, не подпуская к себе практически никого. Мне нужен был отдых от проблем и переживаний, иначе голова бы просто взорвалась.

Время шло, и календарь безошибочно утверждал, что первый месяц осени подходил к концу. Завтра было 1 октября — начало строительного форума. Наше выступление было запланировано именно на день открытия, поэтому сегодняшней вечер был посвящен подготовке.

Я в очередной раз повторяла речь, а Лиза была традиционно занята моим внешним видом. Мы сошлись на том, что бордовое платье-футляр с длинным рукавом и черные сапоги на каблуке идеально подойдут для такого случая. Волосы планировалось убрать в свободный пучок, а мою шею должна была украсить тонкая жемчужная нить.

После долгих разговоров ни о чем, Лиза вызвала такси и, пожелав мне удачи, отправилась домой. Глеб, вышедший проводить девушку до машины, присоединился к ее напутствиям. Я поблагодарила ребят и, закрыв дверь, направилась в душ. Хотелось лечь пораньше, однако мозг воспротивился этой идее.

Часы показывали половину двенадцатого, когда я, потеряв всякие попытки уснуть, услышала вибрацию телефона.

“Завтра всё будет хорошо!”

Я улыбнулась, глядя на светящийся экран мобильного. Почему-то от этих простых слов мне стало гораздо спокойнее. Я отложила телефон и закрыла глаза. Раз Ковалевский уверен в успехе нашего выступления, значит и мне не стоит переживать. С этой мыслью я провалилась в сон.

Такси уже ожидало у подъезда. Я в последний раз критически осмотрела себя в зеркале. Вроде все в порядке, Михайловская была бы удовлетворена моим внешним видом, так что, накинув короткое серое твидовое пальто, взяв с тумбы сумочку, вышла из квартиры.

Экспоцентр находился на окраине города на достаточном удалении от жилых районов. Этот комплекс был построен относительно недавно, но уже пользовался достаточной популярностью. Созданные с учетом высоких требований просторные залы, идеально подходили как для проведения всевозможных выставок, так и для конференций.

Такси остановилось на парковке перед корпусом, в котором должно было проходить наше выступление. Возле входа меня уже ждал Виталик, держащий в руках бэйджи участников мероприятия.

— Привет. — сказала я, поравнявшись со своим сегодняшним коллегой.

— Отлично выглядишь. — сделал мне в ответ комплимент Ковалевский.

Я скромно улыбнулась, получить даже такой маленький комплимент от Виталика было приятно:

— Спасибо, пойдем внутрь, у нас не так много времени осталось.

Наши десять минут пролетели мгновенно. Ни разу не запнувшись, мы рассказали присутствующим о состоянии школ в нашем городе, уступив место основному докладчику.

Выйдя из зала, в котором проходило выступление, я с облегчением вздохнула. Теперь я была абсолютно свободна, оставалось только попрощаться с Ковалевским и забыть все, что было с ним связано.

— И что теперь? — спросил меня как будто прочитавший мои мысли парень, только что вышедший в коридор.

— А теперь домой, молясь по дороге, что кот не приготовил очередной сюрприз.

— Он у тебя тот еще массовик-затейник. — улыбнулся Ковалевский, а потом спросил. — Может, немного пройдемся?

К комплексу сооружений экспоцентра прилегал прекрасный парк. Он был достаточно ухоженным, всё-таки близость важного для города объекта накладывала некоторый отпечаток. Но одновременно с этим там никогда не было многолюдно. Удаленность от жилых кварталов так же давала о себе знать.

Первые несколько минут мы просто шли молча, слушая шорох разноцветных листьев под ногами. Погода, наконец, сменила гнев на милость, и сегодня горожан радовали яркие лучики осеннего солнца.

Первым тишину нарушил Ковалевский:

— Люблю это место, раньше мы часто приезжали сюда с семьей. Отец лично следил за реконструкцией парка и строительством беседок.

Действительно, в парке находилось несколько беседок, расположившихся на вершине склона, откуда открывался потрясающий вид на город. Они пользовались большой популярностью у местных молодоженов и являлись практически обязательной точкой для остановки свадебного кортежа по пути из загса в ресторан. К одной из этих беседок мы сейчас и направлялись.

— Я и не знала что Льво... — тут я немного замялась и исправилась. — Николай Львович принимал в этом участие.

— Раньше отец вообще очень интересовался жизнью города, часто помогал с различными проектами. — с небольшой грустью в голосе пояснил парень.

Беседка-ротонда была расположена на самом краю холма. Ее белые колонны особенно эффектно смотрелись именно осенью, оттеняемые пестрыми красками опадающих листьев. Мы зашли под куполообразную крышу и застыли, наслаждаясь великолепным видом расположившегося у подножья города.

И вновь первым заговорил Виталик:

— Лесь, я хотел поговорить о том, что произошло у Глеба.

— У Глеба ничего не произошло. — ответила я, сделав акцент на слове ничего.

Мы стояли рядом, смотря в направлении города, когда вдруг парень взял меня за руку. Не оборачиваясь, он продолжил:

— Я буду говорить честно, ты мне не безразлична.

Мое сердце начало биться чаще, а Ковалевский продолжил, поворачивая меня лицом к себе:

— Да, поначалу ты меня просто разозлила, и я вел себя как самовлюбленный кретин, но потом тогда в клубе, я просто не смог пройти мимо. Каждый раз, сталкиваясь в тех местах, где тебя не должно было быть, я все яснее понимал — ты мне нравишься.

Он сделал шаг навстречу, и его рука, как и в тот раз на балконе Глеба, опустилась мне на волосы:

— Ты не возражаешь, если мы продолжим с того момента, на котором нас прервали? — спросил парень.

Я молча смотрела ему в глаза и не понимала, как в первый раз смогла разглядеть в них только высокомерие. Сейчас я как будто видела другого человека — мягкие черты лица, легкая усталость, а в голосе нежность и забота. Я не стала возражать, а Виталик, наконец, поцеловал меня.

Сперва поцелуй был легкий и нежный, а я просто ждала дальнейших действий парня. Он же, наоборот, не торопился, смотря на мою реакцию. И я ответила. Виталик сразу стал настойчивей. Я почувствовала себя в его власти, а мое тело предательски отказывалось слушаться, и если бы парень не держал меня в своих объятиях, то, наверное, уже бы сползла на землю.

Ковалевский не был первым парнем, который меня целовал, но он был единственным, на кого мой организм так реагировал. Никогда еще обычный поцелуй не заставлял мое дыхание замирать, я практически теряла над собой контроль. Когда Виталик провел своей рукой по ткани платья, как будто по магии оказавшейся под моим пальто, по коже пробежали тысячи мурашек.

Но одновременно с этим, внезапно, в голове возник образ черноволосой подружки Ковалевского, а еще я вспомнила, каким хорошим он был актером. Оттолкнув от себя парня, я сказала резким голосом:

— Знаешь, я не готова быть запасным вариантом, пока твоя стервозная Барби занята. — и с этими словами направилась к выходу из парка.

Глава 5

Парень так и остался стоять в беседке. Он несколько раз ругнулся себе под нос, а затем достал телефон. Трубку на том конце взяли практически сразу:

— Ди, какого хрена?! — без приветствия начал разговор Ковалевский.

— И тебе доброго дня. — ответила Диана Белова.

— Я повторю вопрос, зачем ты влезла?! — парень был очень зол, его подруга опять лезла не в свое дело.

— Виталь, не вмешивай ее сюда. — попросила девушка.

— Я никуда ее не вмешиваю! А сейчас я уже вообще начинаю жалеть, что рассказал тебе о Лесе. — взбесился парень.

Однако девушка, являвшаяся его собеседницей, не разделяла такой эмоциональности:

— Остановись, пока не испортил ей жизнь. — спокойно сказала Диана. — Не будь эгоистом.

— Давай в этот раз я сам как-нибудь разберусь. — ответил Ковалевский и прервал вызов.

Теперь он точно знал, кому обязан такой резкой переменой настроения Олеси.

Спасибо участникам форума за то, что парковка экспоцентра была практически забита машинами такси. Я без проблем нашла свободную и, назвав адрес, достала из сумки

телефон. Подруга взяла трубку не сразу, но после нескольких гудков я услышала саркастичное:

— Звонишь мне рассказать, как позорно провалилась на своем форуме?

— Лиз, мне нужно выпить. — прямо сказала я подруге.

— Прямо совсем выпить? Реально что ли запорола всё?

Я не стала рассказывать всех подробностей сегодняшнего дня по телефону. Михайловская быстро догадалась, что мне жизненно необходимо ее плечо, а в придачу к нему пара пачек влажных салфеток и бутылок вина.

В восемь вечера Лиза стояла на пороге моей квартиры, сжимая в руках пакет с яблоками, виноградом, сыром и красным полусухим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Чтобы добыть этот сыр, мне пришлось покалечить несколько человек, поэтому если ты позвала меня просто со скуки, я даже немного расстроюсь. — сказала подруга, но, взглянув на меня, спросила. — Всё что, настолько хреново?

Мой видок, наверное, действительно оставлял желать лучшего. По возвращению домой меня хватило только на то, чтобы стянуть платье и переодеться в домашние штаны с майкой. После этого я приняла горизонтальное положение на диване, где ожидала приезда подруги. Пряди из моей некогда симпатичной прически повыбивались, и теперь, картина на голове больше напоминала птичье гнездо. Макияж, с такой тщательностью нанесенный с утра, размазался, и под глазами организовались темные круги из скатавшейся туши.

— Сейчас ты идешь в ванную и приводишь себя в человекоподобный вид, и только потом я буду с тобой разговаривать. Не привыкла общаться с пандами. — тоном не терпящим возражений заявила Михайловская.

Через пятнадцать минут я сидела за барной стойкой с замотанными в полотенце влажными волосами и чистым от остатков макияжа лицом. За время моего отсутствия подруга успела нарезать фрукты и сыр, достать бокалы и откупорить вино. Лиза произнесла тост за женскую дружбу, мы глотнули рубинового напитка, и я начала рассказ.

К моему удивлению, после окончания повествования Михайловская не накинулась обвинять Виталика во всех смертных грехах, а абсолютно спокойно спросила:

— Ты вообще уверена, что у них с Беловой что-то есть? — и потом добавила. — Может она у себя в голове уже замужем за Ковалевским, а он даже не в курсе.

— Я не знаю, Лиз. Стал бы он просто так мило обнимать прямо под носом у отца дочку его злейшего врага? Я сомневаюсь, что Бондарь будет прыгать от счастья, когда узнает об их отношениях

— Судя по твоим рассказам, у Львовича и так напряженка в отношениях с сыночком, так что действительно, может дело в Беловой. Хотя, Лесь, заканчивай гадать. Не ты ли была ярым фанатом простого отношения к жизни? — спросила подруга, припоминая наш разговор после дня рождения Глеба.

— Ну тогда за жизнь без проблем? — произнесла я тост и подняла бокал.

Больше к теме Ковалевского мы не возвращались. Лиза пожаловалась, что уже скучает по Глебу, который только с утра уехал на неделю к родителям. К середине второй бутылки мы переместились в холл и, лежа на диване, обсуждали последние университетские сплетни, как вдруг раздался звонок в дверь.

Первой моей мыслью был очередной внезапный визит Риммы Филипповны, но вспомнив, что она обычно не использует ключ от домофона и попадает в подъезд с моей

помощью, я выдохнула с облегчением. Второго стресса подряд, в виде пьющих девушек, она бы точно не пережила. Скорей всего кто-то из соседей. Гадать было бессмысленно, и я открыла дверь:

— А ты-то что тут забыл? — спросила я у стоящего в коридорчике Ковалевского.

Парень изучающе на меня посмотрел, видимо, с каждой секундой становясь уверенней в том, что я далеко не трезва. Мне же не оставалось ничего другого, как попытаться сделать максимально серьезный вид, предварительно оперившись спиной на дверь, чтобы зафиксировать себя в вертикальном положении, и ожидать окончания немой сцены.

— Проверял, выключил ли мой дорогой братец утюг. — процедил сквозь зубы парень и без разрешения прошел в квартиру.

Я только пожалала плечами и, закрыв входную дверь, последовала за ним. Моя стратегия заключалась в том, чтобы обращать на Виталика как можно меньше внимания, тогда он поймет, что здесь лишний и уйдет восвояси. Однако на деле все опять пошло не по плану.

Лиза к нашему возвращению тихо посапывала на диване, а я, мысленно поблагодарив подругу за такую подставу, вернулась за барную стойку, где под пристальным взглядом молчаливого Ковалевского, допивала свое вино. Это было последним четким воспоминанием вечера.

Пункт программы о том, чтобы напиться до потери памяти я выполнила с блеском. Правда сейчас вечернее желание отвлечься от проблем именно таким методом меня уже совершенно не радовало. Я открыла глаза и осмотрелась по сторонам. В кромешной тьме мне, наконец, удалось понять, где нахожусь. Я лежала в своей кровати, одна, и это уже не могло не радовать. Через несколько секунд зрение адаптировалось к отсутствию света, и я предприняла попытку сесть. Мне понадобилось еще около минуты, чтобы картинка остановилась, и комната перестала кружиться. Голова просто раскалывалась. Я посмотрела на прикроватную тумбочку и обнаружила там стакан воды и лежащую рядом таблетку. Ох, Лиза, знала бы ты, как я тебя люблю! Я проглотила таблетку, запив содержимым стакана, и поняла, что было бы неплохо еще и умыться лицо.

Споткнувшись о тазик, любезно оставленный рядом с кроватью, я побрела в ванную. В холле я заметила, что диван занят, значит, подруга все-таки решила остаться на ночь. Но каково же было мое удивление, когда, поравнявшись с ним, я поняла, что это далеко не Михайловская. На диване, укрывшись пледом, мирно спал Виталик, а у него в ногах, вольготно растянувшись, сопел Ромео. Вот же предатель!

Мне было настолько плохо, что устраивать разбор полетов сейчас я просто была не в состоянии. Тем более будить Ковалевского, который так мило и беззаботно выглядел во сне, просто не поднималась рука. Поэтому из ванной я направилась напрямиком назад в кровать, где практически моментально уснула.

Утром мое состояние немного улучшилось, спасибо волшебной таблетке и воде, в нужный момент оказавшимся рядом. Теперь мой организм отчаянно нуждался в кофе, запах которого я практически ощущала в воздухе.

Когда я вышла из спальни, то поняла — аромат бодрящего напитка не был галлюцинацией, а еще мозг подкинул воспоминание о том, что в квартире я не одна. Бежать назад в спальню, точнее ползти, потому что это максимум, на что было способно сейчас мое тело, чтобы хоть как-то улучшить внешний вид было уже глупо. Тем более, я искренне сомневалась, что расческа и лосьон для лица смогут мне сильно помочь. Так что я пригладила выбившиеся из хвоста пряди волос и вошла в холл.

Ковалевский сидел на диване и, как будто так и должно быть, играл с моим котом. Это рыжее чудовище в свою очередь радостно носилось вокруг парня, пытаясь поймать шуршащую игрушку, прикрепленную к веревочке.

Постоять в проходе незамеченной мне не представилось ни малейшей возможности, Виталик моментально почувствовал мое появление и посмотрев в глаза, поинтересовался:

— Кофейку?

— Было бы неплохо. — кивнув, ответила я.

— А может чего покрепче? — не удержался и все-таки съязвил парень.

Этой фразой он вывел меня из относительного спокойствия. Какого фига он вообще делает в моей квартире? Мало того ведет себя как хозяин, так еще и упрекать будет. Его вообще здесь быть не должно. Ни вчера, ни, тем более, сегодня. Придя к такому умозаключению, я поспешила поделиться им и с Ковалевским:

— Спасибо, конечно, за заботу, но, по-моему, тебе пора.

— Я пришел поговорить. — ответил парень, делая вид, что в упор не понимает мой намек.

— Ты мог бы поговорить со мной вчера, оставаться на ночь было совсем не обязательно.

— Я привык разговаривать с людьми, когда они находятся хотя бы в состоянии слушать и воспринимать информацию.

Этой фразой Виталик меня осадил, и я все-таки села за барную стойку, приняв чашку с горячим кофе. Пару минут мы молчали, но потом я решила заговорить:

— Спасибо за целительную таблетку и воду. — решила я поблагодарить парня, понимая, что это всё же его рук дело.

— Это максимум, что я мог сделать в такой ситуации. — ответил Ковалевский, и не удержавшись улыбнулся, видимо вспоминая мое вчерашнее поведение.

Я же чувствовала себя, глупей не придумаешь, так как после прихода нежданного гостя, я не помнила ровным счетом ничего. Поэтому все козыри были в руках у Ковалевского, ведь только ему было точно известно, что же я вытворяла. Предугадывая мой следующий вопрос, Виталик продолжил:

— За Лизу можешь не переживать, я посадил ее в такси практически сразу после того как приехал. Так что с ней всё в порядке за исключением, предполагаю, головной боли и желания выпить всю воду из крана.

— Спасибо. — пробубнила я, уткнувшись в свою кружку. С каждой фразой Ковалевского, мне становилась все более неудобно, и я решила сменить тему. — Так о чем ты хотел поговорить?

К моему облегчению, парень не стал больше стыдить меня вчерашним поведением и, пожав плечами, сказал:

— Диана не моя девушка. — и видя как я закатываю глаза, добавил. — Я не знаю, что она успела тебе наплести, но между нами ничего нет.

— Пожалуйста, не надо оправдываться.

— Я не оправдываюсь, просто хочу, чтобы ты поняла. Ди — моя хорошая подруга. Больше нас ничего не связывает.

Тут я уже не выдержала:

— Ты меня совсем за дуру держишь? Я в курсе, кем является отец Беловой, и после этого ты продолжишь уверять меня в том, что вы с дочерью главного конкурента твоего

папы за место ректора отличные друзья? Это уже смешно.

Виталик потер руками виски и продолжил:

— Знаю, что звучит всё по-идиотски, но это действительно правда.

Он замолчал, а я даже не знала, как ему объяснить, что не верю ни единому слову. Видимо, понимая это, Ковалевский, сделав глубокий вдох, сказал:

— Отцу угрожали, поэтому я здесь. Диана помогает мне разобраться, кто за этим стоит.

Я не верила своим ушам:

— То есть Белова шпионит за собственным папой?

— Ты много не знаешь об их семье. — с отвращением в голосе сказал Виталик. — Но, если опустить детали, то да, она шпионит за Сергеем.

Теперь я почувствовала себя полной дурой. Ковалевский изначально не врал мне, а я вела себя как клиническая идиотка, подозревая его в том, о чем он даже не догадывался.

— Прости, я даже подумать не могла, как обстоят дела на самом деле.

Виталик обошел барную стойку, остановился напротив меня и, положив руки мне на бедра, ответил:

— Не вини себя. Зная Ди, я даже не хочу думать, что она тебе сказала.

Я провела рукой по груди парня и посмотрела ему в глаза:

— Думаю, что это уже не имеет значения.

Виталик оторвал взгляд от моего лица и перевел его на свою руку, улыбнулся и не смог воздержаться от комментария:

— Вчера ты была гораздо смелее.

Я практически подавилась собственным языком:

— Чтооо? — я с ужасом посмотрела на парня.

— Не переживай, меня не привлекают девушки, которые даже не соображают как стоять на ногах. — ответил он и, не выдержав, рассмеялся.

Мне же хотелось провалиться сквозь землю от стыда, и я попросила:

— Пообещай, что никто, включая меня, не узнает о том, что я вчера вытворяла, и ты унесешь эту тайну в могилу!

Виталик вновь сосредоточил свой взгляд на моих глазах:

— Обещаю. — сказал он.

Ковалевский сидел на диване в холле, а я, удобно устроив голову на коленях парня, заняла горизонтальное положение. Одной рукой он гладил меня по волосам, а в другой держал лазерную указку, которая заставляла кота исполнять фигуры высшего пилотажа.

Я готова была размурчаться от удовольствия, когда Виталик в очередной раз запускал пальцы мне в волосы. Общее состояние же до сих пор оставляло желать лучшего, но получая такой своеобразный массаж, лежа в непосредственной близости от человека, присутствие которого сейчас заставляло биться сердце немного чаще, значительно облегчало мое самочувствие.

— И всё же, как ты вчера тут оказался? Мне с трудом верить, что Глеб вообще знает, что такое уют, поэтому озвученная легенда звучит не слишком убедительно.

— Всё гораздо более скучно. Брат действительно мне звонил. Он рассказал о том, что Лиза собирается к тебе, потому что ты вроде как “в петлю лезть собралась”. Ну, это если цитировать твою подругу.

— Я выглядела менее безнадежно, чем она описала. — сказала я в свое оправдание,

разведя руками.

В разведку с Михайловской я бы точно не пошла. Подруга могла сдать нас с потрохами при первой же возможности.

Виталик уехал от меня поздним вечером. Закрыв за ним дверь, я опустилась на пуф в коридоре. Рассеянно проведя рукой по лицу, мои пальцы остановились на губах, которые еще немного горели от последнего поцелуя. Я улыбнулась самой себе, вернулась в холл, взяла телефон и набрала Лизу.

По голосу, ответившему мне, было ясно — день подруги прошел не слишком хорошо:

— Чтобы я еще раз послушалась тебя! Тройное ха! Найди себе другую жертву для уничтожения вина в промышленных масштабах! — сокрушалась Лиза. — Если ты не расскажешь сейчас что либо, что может поднять мне настроение сегодня вечером, то можешь считать, что у тебя больше нет подруги.

Конечно, Михайловская шутила, но у меня на самом деле было, чем порадовать девушку. Я рассказала ей практически всё, опустив детали своего поведения вчерашним вечером о которых я сама, к счастью, знала только в общих чертах, и истории об угрозах Бондарю, это подруге точно было знать необязательно.

— Кто бы мог подумать, что я буду встречаться с Глебом, а ты с его братом. — резюмировала Лиза. — А вообще, я рада за тебя, Виталик, действительно неплохой парень.

— Я знаю. Меня по-прежнему немного напрягает присутствие в его жизни Беловой, но стараюсь верить в то, что между ними на самом деле ничего нет. Хотя я до сих пор не понимаю, почему по ее мнению должна держаться от Виталика подальше.

— Думаю, рано или поздно вам придется познакомиться официально, если ты конечно, хочешь быть с Ковалевским. Тогда-то тебе и представится возможность спросить у нее лично.

Я, конечно, с Виталиком быть хотела, но вот в том, что нужно было знакомиться с Дианой, крайне сомневалась. Хотя, если она на самом деле его хорошая подруга, то это было скорей всего неизбежно.

Мы еще немного поболтали с Лизой, после чего попрощались до завтра. Пары в универе никто не отменял. Я посмотрела на свои ноги, на которых Ромыч с усердием вил гнездо. С одной стороны, мне было жалко кота, который только удобно улегся, ну а еще я немного побаивалась его мести, а с другой стороны, я еще не простила рыжему зверю ночное предательство. Мог бы и ко мне спать прийти, полечил бы голову своей кошачьей магией. Поэтому я опустила ноги с дивана и, почесав животное за ухом, направилась в душ, оставив обиженного Ромео выбирать себе новое уютное местечко для сна.

От солнца, встретившего с жителями города первый день октября, не осталось и следа. Хорошая погода вновь взяла отпуск, и небо опять затянуло свинцовыми дождевыми тучами. В принципе, в этом не было ничего удивительного — типичная осенняя погода для наших мест. Я не люблю это время года, но никакого выбора кроме как смиренно ожидать улучшения метеоусловий, посильнее укутавшись в объемный шарф, у меня нет. В такую погоду особенно ощутимо было отсутствие соседа, который, зная мою нелюбовь к холодам, становился несказанно добрым и благородным, подвозя на учебу чуть ли не каждый день. Тем более, что теперь поездка к нашему универу означала еще и возможность встретиться с Лизой, которую Глеб упускать не хотел.

Хоть голова сегодня уже не болела, ощущение усталости и недосыпа еще присутствовало, поэтому пары, которые сегодня и так были не особо интересными, тянулись

практически вечность. После занятий мне нужно было забежать к Лене, чтобы проставить очередные печати в студенческих. Дело на 5 минут, но даже этим заниматься было лень. Но все мы знаем такое слово — надо. Иногородние одноклассники итак уже были готовы съесть меня живьем за отсутствие штампов, когда им не продавали льготные билеты по непродленным студенческим. Так что, серьезно опасаясь за свою жизнь, я понимала — тянуть больше нельзя.

Лиза не стала дожидаться меня после пар, а сразу поехала домой. Ее состояние сегодня было примерно таким же, как у меня. А я отправилась к владениям Лены, где меня ждал тот, кого я меньше всего уже рассчитывала встретить в универе.

Волков стоял перед дверью приемной, переминаясь с ноги на ногу. При виде меня, он даже сделал попытку улыбнуться. Я уже не знала, что можно ожидать от этого человека, поэтому решила не испытывать судьбу и улыбнулась в ответ.

— Привет, Дима. — сказала я, поравнявшись с бывшим другом.

— Привет. — ответил мне парень. Он выглядел немного взволнованным, но по крайней мере не был агрессивен. После всего случившегося я его даже немного побаивалась

— Какими судьбами здесь? Глеб говорил, что ты академ взял. — я решила поддержать беседу.

— Да вот, документы и справки принес Бондарю. — ответил Волков и показал на пакет с объемной папкой, который он держал в руках.

— А чего не заходишь?

Дима опасливо оглянулся по сторонам, после чего немного растерянно сказал:

— Так его на месте нет.

— А ты передай Лене, пусть она отдаст Львовичу, как тот появится.

— Да нет, мне б лично в руки. — ответил он, опять посмотрев вокруг, а после на экран мобильного, который держал в другой руке.

Создавалось ощущение, что Дима куда-то опаздывал. Я решила помочь бывшему другу. С одной стороны я не могла просто так взять и вычеркнуть из головы время нашей дружбы. Даже не смотря на то, что происходило сейчас. А с другой стороны, мне просто не хотелось больше находиться рядом с ним. В глубине души, я боялась, что после того, как он передаст документы, увяжется за мной.

— Давай я передам, мне всё равно железно надо к нему попасть сегодня, — соврала я. — а ты, мне кажется, спешишь.

— Ты правда сможешь? — Волков практически просиял.

В ответ я кивнула. Он передал мне пакет с папкой и поспешил удалиться. Сделав несколько шагов по направлению к выходу, Дима обернулся и сказал:

— Лесь, прости. Мне действительно жаль, что всё так получилось.

А после скрылся в толпе студентов.

Бондарь появился буквально через несколько минут после того, как ушел Волков. Лена еще даже не успела закончить перебирать зачетки нашей группы. Я отдала пакет, кратко объяснив что это и от кого, он занес его в кабинет, забрал свои вещи и сообщил помощнице, что в университете его сегодня можно уже не ждать. Спустя пару минут следом за ректором из кабинета вышла и я.

Уже подходя к метро, у меня в кармане завибрировал телефон. Звонил Ковалевский:

— Привет! — начал он, и не давая мне вставить хотя бы слово, продолжил. — Есть предложение, от которого ты просто не сможешь отказаться.

— Давай ты сперва его озвучишь, а там уже разберемся. — ответила я с улыбкой в голосе и добавила. — Хотя, бесспорно, заинтриговал.

— Как ты смотришь на то, чтобы в выходные выбраться на природу? Поехать с Лизой и Глебом в коттедж за городом, пока окончательно не наступили холода.

Я прекрасно смотрела на эту идею. Во-первых, это целые выходные в компании Виталика, с которым на буднях пересечься было практически невозможно. Учитывая размах интриг, в которые оказался впутан его отец из-за приближающихся выборов, Ковалевский постоянно где-то пропадал. Судя по всему против Львовича плелись серьезные козни, а Бондарь, несмотря на это, ни в какую не хотел отказываться добровольно от ректорского кресла. Именно с этим я и связывала постоянные конфликты отца и сына.

Ну, а во-вторых, в пятницу возвращался Глеб, от тоски по которому Лиза уже практически сходила с ума. Так что выходные в хорошей компании, подальше от проблем и городской суеты было именно тем, что нам нужно.

— Конечно, я согласна.

— Глеб тоже был уверен, что тебе понравится.

— А он уже в курсе?

— Еще бы, это дача его родителей, ключи от которой он, кстати, практически потом и кровью выбивает уже несколько дней. — пояснил детали Виталик.

Мы поболтали еще немного, потом я отключилась и, наконец, зашла в метро. Уже доехав до нужной станции, я позвонила Лизе, чтобы обрадовать ее таким вариантом отдыха на выходных, однако подругу эта новость не удивила, оказывается последней, кто узнал об этих планах, была я.

Оставалось только решить, что делать с моим маленьким квартирным дьяволом. Я зашла в зоомагазин и по совету продавца обзавелась автоматической поилкой и мисочкой для корма, так что склеить лапки домашнему питомцу точно не грозило. Больше я переживала за сохранность квартиры. О том, что за два дня одиночества мог сотворить с нашим жильем Ромчик, я даже не хотела думать. В способностях животного сомневаться не приходилось, он уже не раз доказывал свое умение нанести максимальный ущерб за минимальное время, а тут целые выходные. Но все же я заставляла себя верить в лучшее.

Утра субботы я ждала с нетерпением. И когда оно наступило, моя радость была удвоена хорошей погодой. Она как будто прислушалась к нашим мольбам и расщедрилась на безоблачный денек. Ни о каком тепле речи уже не шло, но солнечная и безветренная погода — это был максимум из того, что мог предложить октябрь в наших широтах.

Ехать было решено на машине Виталика. Глеб, конечно, отчаянно пытался уговорить нас выбрать его транспорт, но здравый смысл победил и мы, заявив, что, несмотря на то, что в машине Основского появились такие предметы роскоши как зеркала, всё же едем на ешке его брата.

Соседушка по началу, конечно, обиделся, но потом, видимо, сам понял, что добираться полтора часа и придерживать всю дорогу детали типа обшивки потолка или подголовников) которые машина считала лишними, и отчаянно хотела от них избавиться, будет не слишком удобно. Так что в итоге сменил гнев на милость.

Вы, наверное, удивитесь, откуда у семьи, где сын ездит на раритете, который по всем законам жанра уже должен был попасть в автомобильный рай, отличный загородный дом. Дело в том, что родители Глеба весьма обеспеченные люди. Тут собака зарыта в жизненной позиции соседа, которую он озвучил маме и папе практически сразу после окончания

ШКОЛЫ.

Парень хотел жить отдельно и всего в жизни добиваться самостоятельно. Сколько бы не вздыхала, не плакала и не обещала лечь в больницу со слабым сердцем Анна Степановна, Глеб был непреклонен и на угрозы матери не реагировал. Виктор Олегович же к желанию сына относился вполне спокойно. В свое время, еще будучи совсем молодым, он уехал от родителей в другой город и всем своим достижениям был обязан исключительно самому себе.

После долгих безуспешных уговоров со стороны мамы и паре не слишком настойчивых попыток от отца, который не хотел окончательно портить настроение своей возлюбленной, семья пришла к компромиссу. Родители купили соседусшке ту самую квартиру, в которой Основский проживал и по сей день, а также выделили смешную по их меркам сумму, озвученную Глебом, для покупки машины (того самого с производства автопрома) и деньги на проживание в течение первого месяца. Сын же со своей стороны получал полную свободу в выборе места учебы и дальнейшего развития своей жизни.

В глубине души Анна Степановна и Виктор Олегович думали, что Глеб вернется домой практически сразу, но мало того, что этого не произошло, те деньги, которые выдали ему родители перед отъездом, стали последними, что Глеб у них брал. Наоборот, при каждом приезде домой, Основский привозил какие-то, пусть даже символические, подарки для своей семьи. Отношения между сыном и родителями оставались очень теплыми, поэтому при первой же возможности, Глеб ехал проведать родных.

Дача семьи Основских находилась примерно на середине пути между городом, где остались родители соседусшки, и тем, где жили мы. Дорога по нашим подсчетам должна была занять около полутора часов, поэтому планировалось выехать пораньше, чтобы успеть прогуляться и пожарить шашлыки до наступления темноты.

В восемь утра на пороге нашего общего с Глебом коридора организовались Виталик с Лизой, которую он забрал из дома по пути к нам. Вид у ребят отличался кардинально. Ковалевский был жизнерадостен и бодр, Елизавета Андреевна же была его полной противоположностью. Для профессиональной совы, коей являлась Михайловская, ранний подъем, тем более в выходной день, был сущим кошмаром.

Так как вещи были практически сложены, сборы у нас не затянулись. Мы выпили кофе и уже к девяти утра выехали из дома. По пути нам нужно было остановиться возле гипермаркета на выезде из города, чтобы закупиться напитками и продуктами, а дальше уже без остановок держать путь на дачу.

С дорогой нам повезло не меньше, чем с погодой и уже в одиннадцать утра машина Виталика заезжала на территорию коттеджного поселка. Мы добрались спокойно, если не считать постоянных пререканий Лизы с Глебом. Но если честно, то я уже поставила крест на возможности когда-нибудь услышать от них типичный для пары ласковый разговор. Это было их особенностью. На заправке они даже успели поспорить, какой именно донатс взять, но уже через пять минут в машине, я наблюдала в зеркало заднего вида как Лиза, чей вариант, кстати, победил, с улыбкой кормила пончиком Глеба.

Оставив вещи в холле, мы решили сперва прогуляться. Места в которых расположился загородный дом были просто сказочными. Небольшой сосновый бор, к которому примыкал поселок, упирался в извилистую достаточно широкую речку. Для владельцев домов здесь была оборудована лодочная станция и удобный небольшой пляж, которые наверняка пользуются популярностью в теплое время года. Сейчас, не считая нас и охранника, на

берегу было пустынно.

Мы немного побродили по лесу, после чего вернулись в дом. Учитывая ранний подъем и достаточно долгую дорогу, усталость давала о себе знать, поэтому было решено пару часиков подремать. В доме была спальня хозяев, а так же две гостевых, в которых мы и решили обустроиться. Нарушать покой комнаты родителей Глеба не рискнул никто.

Наша спальня находилась на втором этаже, из ее окон открывался прекрасный вид на сосновый бор, создавалось ощущение, что кроме нетронутой природы вокруг нет абсолютно ничего. Виталик занес сумки и закрыл за собой дверь. Парень подошел ко мне, наблюдавшей за неспешным колыханием сосновых веток на ветру, сзади и обнял за талию, положив голову на плечо.

— Правда здесь чудесно? — спросил он.

В ответ я кивнула, а а Виталик продолжил:

— Раньше мы часто приезжали сюда семьями, а потом эта традиция как-то пропала.

Он договорил, а после, убрав мои волосы, нежно поцеловал в шею. Я почувствовала знакомое ощущение сладкой слабости во всем теле и закрыла глаза. Виталик плавно развернул меня лицом к себе и коснулся своими губами моих. В этот раз в поцелуе не было нерешительности или скромности. Он целовал меня с напором, а я отвечала с не меньшим энтузиазмом, осознавая, как скучала по его губам, по нему. Одна рука парня оставалась на моих волосах, а второй он скользнул под свитер. Когда Виталик коснулся рукой моей кожи, я почувствовала, как под его пальцами разгорается пожар, не удержалась и издала тихий стон, понимая, что еще немного, и просто растаю в его руках.

Услышав этот звук, парень чуть дернулся и начал целовать с еще большей страстью. В какой-то момент, я оказалась на подоконнике, а рука Виталика медленно заскользила по моему животу в направлении к груди. Это было так сладко и мучительно одновременно, что я уже была практически готова переместить наше общение в горизонтальную плоскость, как вдруг краем уха услышала непонятный шорох.

Кажется, этот звук слышала не только я, по остановившейся резко руке Ковалевского, который прервал поцелуй и стоял не шевелившись, вслушиваясь в нарастающий треск, я окончательно убедилась, что это не было галлюцинацией.

— Оставайся здесь. — скомандовал парень и быстрым шагом вышел из комнаты.

Я же, в силу своей природной нетерпеливости и любознательности, просто не могла остаться на месте. Подойдя к перилам, я посмотрела вниз: в холле стояла вся наша компания и смотрела на заезжающую во двор, с характерным звуком хрустящего под колесами гравия, иномарку.

Я спустилась и встала рядом с ребятами, переводя по очереди взгляд с Глеба на Виталика и обратно, ожидая хоть какого-то объяснения.

— Ты же сказал, что договорился? — наконец, прервал тишину Ковалевский.

— Нууууу, как сказать, их здесь точно быть не должно. — замялся сосед.

— Да, и тогда какого ж хрена мы все сейчас наблюдаем? — поинтересовался Виталик, а потом, повернувшись к Лизе, спросил. — Ну что, мечтала познакомиться с родителями своего избранника в неформальной обстановке?

После чего не выдержал и заржал.

— Ррррродителями? — заикаясь, спросила подруга, с ужасом взглянув на Глеба.

Тут уже я не выдержала нелепости сложившейся ситуации и рассмеялась вместе с Ковалевским.

Глава 6

То, что Основские старшие спокойно вышли из машины, уже являлось хорошим знаком. Вариантов было два: либо они узнали машину Виталика и догадались, что здесь как минимум он. Либо специально, зная, что здесь будет Глеб, приехали на дачу. Хотя, судя по лицу соседа, который прибывал в полнейшем шоке, я больше склонялась к первому варианту. Мы вышли на порог, чтобы встретить родителей, которые были удивлены не меньше нашего, увидев компанию, стоявшую на пороге их дома.

Первым нарушил молчание Виктор Олегович:

— Какая неожиданная встреча. — сказал отец соседа, ожидая, видимо, объяснений сына.

— Да, Глеб, какая неожиданная встреча. — весьма язвительно подметил Виталик, после чего спустился по ступенькам, чтобы поздороваться с родственниками.

Он пожал руку дяде и обнял тетю, получив от нее теплый поцелуй. Не смотря на то, что Анна Степановна пребывала как минимум в состоянии глубокого удивления, было заметно, что она рада видеть племянника.

— Марина говорила, что ты временно перебрался к отцу. — сказала женщина, разжимая объятия.

— Да, есть несколько вопросов, в которых необходимо мое участие.

Мать Глеба с пониманием кивнула, после чего вновь наступила тишина.

«Временно» — это слово укололо меня, словно игла. Я действительно не знала, сколько Виталик пробудет в нашем городе, мы никогда не обсуждали этот вопрос, да и когда было его обсудить, если по факту мы были вместе без малого неделю. Я вообще не знала, чего можно ждать от наших отношений, если их вообще можно было назвать таковыми. Забросив эту мысль подальше в самый темный угол головы, мысленно обещая себе обязательно поговорить об этом с Ковалевским позже, я опустила взгляд, делая вид, что меня безумно заинтересовал пол под ногами.

Когда молчание уже стало невыносимым, наконец, взял слово предполагаемый виновник сложившейся ситуации:

— Мама, — с кивком обратился к Анне Степановне Глеб, — папа, — переведя взгляд на отца, продолжил он, — вы же должны быть в Москве. — сказал соседка так, как будто после этих слов родители внезапно вспомнят о своих планах и, пожелав нам приятного отдыха, уедут прочь.

— А ты собирался писать дома статью. — сообщил сыну Виктор Олегович.

— А в итоге мы стоим все вместе на пороге вашей дачи. — стараясь вновь не рассмеяться, констатировал факт Ковалевский.

Понимая, что пока добиваться вразумительного объяснения от сына бесполезно, мужчина решил перевести тему:

— Ну, раз уж так получилось, может вы представите нам своих спутниц. — предложил он, а потом, посмотрев на меня, добавил. — Хотя с Олесей мы уже знакомы.

Да уж, история нашего знакомства с родителями соседки тоже попадает в раздел дурацких.

Меньше чем через неделю, после того как я арендовала квартиру у Риммы Филипповны и переехала в нее, мы с Глебом вместе поднимались в лифте. К тому времени мы уже несколько раз сталкивались в общем коридорчике, но толком так и не были знакомы.

Наше общение тогда сводилось к вежливым кивкам головой в знак приветствия. Кто

знает, сколько бы мы еще оставались просто соседями по квартирам, если бы наш старичок-лифт не решил заглухнуть в пролете между шестым и седьмым этажом.

Всё бы было ничего, если бы не моя боязнь остаться когда-нибудь в темном лифте, который после моих отчаянных криков о помощи, не выдержал бы и полетел вниз, открывая передо мной отнюдь не радостные перспективы.

И вот, когда мозг уже дорисовывал картину моей скорой воображаемой кончины, Глеб решил познакомиться. Я до сих пор помню его: «судя по твоему лицу, сейчас не самый подходящий момент, но меня Глеб зовут, и если ты вдруг не поняла, я твой сосед».

Я, конечно, понимала, кем был Основский, но сейчас мне было совершенно не до того, моя голова была занята, ища варианты возможного спасения. И хоть в нашем случае, в отличие от моего кошмара, в лифте горел свет, а голос диспетчера уверял, что ремонтная бригада приедет в течении получаса, меня это, откровенно, не утешало.

В тот момент, когда я уже начинала метаться по лифту и призывать соседей вытащить нас отсюда, не реагируя на попытки Глеба успокоить меня, парень понял, что действовать надо по-другому. Он поймал меня и практически силой усадил на свою куртку, разложенную на полу злосчастной коробки, в которой мы оказались заперты. А после сделал то, чего я ожидала меньше всего — достал из пакета, который нес домой, бутылку шампанского и, быстро ее открыв, заставил сделать несколько глотков.

По мере того, как игристая жидкость растекалась по моему организму, страх начинал отступать. Глеб практически без перерыва о чем-то меня спрашивал и рассказывал сам, его целью было не дать мне снова уйти в себя и продолжить крушить лифт. Я же отвечала весьма немногословно, крепко сжимая бутылку, не забывая время от времени уничтожать ее содержимое. В какой-то момент лифт практически незаметно для меня поехал, и через несколько секунд его двери открылись. На нас смотрели несколько пар глаз собравшихся зевак — соседей, а так же родители Глеба, приехавшие навестить сына.

Я даже не хочу думать, как выглядела та ситуация с их стороны, когда сын, ушедший за шампанским для Анны Степановны в магазин, находящийся в нашем же доме, вдруг пропал. Благо, связь в лифте ловила, и Глеб объяснил родителям, что произошло.

Переживая за сына, Основские старшие вышли на лестничную площадку, где и стали свидетелями целого представления, устроенного мной.

Ну, а когда оживший лифт распахнул свои двери, они увидели своего сына в компании не совсем адекватной девицы, которая сидела в углу кабинки на его куртке и практически допивала бутылку шампанского.

Глеб же, не растерявшись, решил сразу представить меня матери с отцом:

— Мам, пап — это Олеся. Моя соседка.

И вот теперь я вновь стояла перед родителями парня в не менее дурацкой ситуации. Радовало то, что в этот раз я была трезвой. Хоть какой-то прогресс.

Когда моя личность была идентифицирована, очередь дошла до Лизы. От обычной взбалмошности подруги не осталось и следа, по-моему, она была готова провалиться сквозь землю, лишь бы не присутствовать сейчас здесь. Не буду утверждать, но мне показалось, что это первое знакомство подруги с родителями, какого бы то ни было молодого человека.

Раньше отношения Михайловской не доходили до такого этапа, и я сомневаюсь, что на данный момент Лиза была в восторге от открывшейся возможности близкого общения с родителями своего нынешнего парня.

— Это Лиза, — взял слово, вместо временно потерявшей дар речи Михайловской, Глеб.

После чего добавил. — Моя девушка.

В этот момент Лиза, подняв брови до такой степени, насколько только позволял лоб, посмотрела на нас, как бы спрашивая, реально ли речь идет про нее. Надо отдать должное соседке: учитывая то, как он накосычил, держался Основский более чем уверенно.

Поступок Глеба с натяжкой можно было назвать адекватным, но, так как под косыми взглядами с обеих сторон выстоять долго было весьма проблематично, парню всё же пришлось признаться. Как оказалось, никакие ключи соседка не просил, он просто взял запасной комплект, не сказав об этом родителям. Какие тараканы правили балом в голове Основского в тот момент — сказать сложно. Но факт остается фактом: узнав, что в эти выходные родители улетают в столицу, парень решил, что дача будет полностью в его распоряжении. Ну, а не сказать об этом родителям, которые бы, естественно, разрешили воспользоваться коттеджем, не задавая лишних вопросов, Глебу не позволила всё та же мания самостоятельности. Ну что, молодец, дружок, расхлебывай теперь.

Как не сложно догадаться, планы на поездку в Москву у Основских старших сорвались, поэтому Виктор Олегович с Анной Степановной решили провести выходные вдвоем на природе.

После такой детективной истории отец Глеба сообщил, что ему нужно выпить, а мать, заметив, что уезжать кому-то из нас сейчас уже глупо, предложила пойти готовить ужин. Мы с Лизой вызвались помочь на кухне. Хотя правильной будет сказать, что я просто вытолкала донельзя молчаливую подругу, до сих пор непонятно почему прибывавшую в ступоре, в нужном направлении.

Мужская же половина нашей не совсем обычной компании под практически непрерывающиеся подколы Глеба Виктором Олеговичем, к тому моменту уже добывшему виски, занялась растопкой мангала.

Обстановка на кухне была достаточно непринужденной. Анна Степановна, которая исключительно настойчиво попросила называть ее просто Анной, оказалась очень приятной и легкой в общении женщиной. Даже Лиза начала потихоньку отходить.

Воспользовавшись моментом, когда мама Глеба ушла в машину за забытым там зарядным устройством, я сказала подруге:

— По твоему виду можно подумать, что ты никогда не знакомилась с родителями своих парней.

— А ты с ними как будто каждый день знакомишься. — съязвила Михайловская, что было весьма хорошим знаком. Если к подруге возвращается привычная манера общения, значит ситуация не безнадежна.

— Но если быть честной, то ты права. А еще я безумно зла на Глеба, если я и думала про знакомство с его родителями, то хмммм, представляла его немного иначе.

— Да ладно, — решила приободрить подругу я, по-моему, всё весьма неплохо.

— Ну, учитывая, что с нами ты, нужно радоваться, раз дело обошлось без парочки трупов и уничтоженного имущества. — ответила Лиза, намекая на мои таланты попадать в дурацкие ситуации. — Нужно будет Сереге начать продавать истории о твоих приключениях. Когда-нибудь он напишет книгу, и ты станешь знаменитой. — резюмировала подруга.

— О да, это Олеся удастся мастерски. — прокомментировала Анна, услышавшая конец нашего разговора.

Я немного покраснела, вспоминая свой звездный час в лифте, а потом ответила,

пожимая плечами:

— Оно всегда как-то само получается. — вызвав своим заявлением общий смех.

Тем временем мясо было готово, и мы расположились в гостиной за большим обеденным столом. Атмосфера переставала быть напряженной. Всем, кроме, пожалуй, Глеба, которому приходилось терпеть постоянные подколы отца и испепеляющий взгляд Лизы, было весело.

Анна предложила нам с Лизой вина, и в этот момент уничтожающего взгляда Лизы удостоилась уже я, чем изрядно удивила маму Глеба. Ковалевский пояснил такую реакцию внезапно появившейся у Лизы аллергией на красное полусухое. Я не удержалась и тихонько прыснула.

Вечер подходил к своему логическому завершению, и было решено отправиться спать. Старшее поколение Основских уезжали завтра практически с рассветом из-за дел, ждавших их в городе, мы же планировали остаться хотя бы до обеда, поэтому на всякий случай заранее попрощались. Краем глаза я заметила, как тепло прощается Анна с Лизой, из чего сделала вывод, что девушка маме соседа понравилась.

Я вернулась в комнату около одиннадцати вечера. Виталик остался что-то обсудить с Анной, а я, воспользовавшись его отсутствием, пошла в душ. По моему возвращению, Ковалевский уже сидел на кровати. Мне даже удалось украдкой изучить его, пока парень был чем-то увлеченно занят в своем смартфоне. Виталик выглядел расслабленным, но немного уставшим.

Я не понимала, почему меня так тянет к человеку, которого я практически не знаю. Головой я осознавала, что всё это временно, как мне четко дали понять, но на деле ничего не могла с собой поделать. Я подошла к Виталику и села на кровать рядом с ним, обняв за плечи и практически повиснув на его шее.

Легкий свет ночника в комнате позволял видеть выражение его лица, однако глаз не слепил. Ковалевский отложил телефон и, улыбнувшись, посмотрел на меня:

— Я планировал провести сегодняшний день по-другому, но брат оказывается способен на сюрпризы.

Я улыбнулась, вспоминая события сегодняшнего дня. Пожалуй, Глебу это еще долго не забудут обе участвовавших стороны.

Рука Виталика опустилась на мое бедро, и он вопросительно посмотрел на меня. Не дожидаясь дальнейших действий, я повернулась и поцеловала его. Через считанные секунды, оказавшись поваленной на кровать.

У меня просто отключался мозг от его поцелуев и прикосновений. Это было каким-то наркотиком. Чем ближе был парень, тем большего мне от него хотелось.

В этот раз нам никто не помешал.

Уже ночью, лежа на груди Виталика я спросила:

— Ты ведь всё равно уедешь? — в моем голосе было столько детской наивности и надежды, что стало просто смешно.

— Я всё равно уеду. — повторил он мои слова уже с утвердительной интонацией.

— И ничего нельзя сделать? — с нарастающей обидой спросила я.

В ответ Ковалевский только крепче обнял меня и поцеловал в макушку.

Еще какое-то время мы лежали молча, а потом Виталик неожиданно сказал:

— Мои родители развелись четыре года назад.

Я не сказала ни слова, понимая, что это только начало истории. Перебивать парня,

внезапно решившего поделиться рассказом о своей семье, мне абсолютно не хотелось.

— Был громкий скандал. Мать внезапно стала жутко недовольна отцом, обвиняла в том, что абсолютно не уделяет ей времени. — продолжил Виталик, чуть поежившись. — Он долго не хотел соглашаться на развод, уверял, что они смогут все исправить, но мама была непреклонна, и, в итоге, он все-таки подписал документы. Мы переехали в Москву.

Виталик взял паузу, а я вспомнила слова Глеба о том, что к строительству или архитектуре Марина Степановна Виталика ни за что не подпустит. Теперь становилось понятно почему.

— Но практически никто не знает, что всё это было абсолютной ложью. Моя мать больна. Она просто не смогла сказать об этом отцу, поэтому придумала всю эту историю для того, чтобы оказаться от него подальше. — он замолчал, а через несколько мгновений продолжил. — Я знал обо всем практически с самого начала, но пообещал ничего не рассказывать. Я не могу ее осуждать, но, если честно, было невыносимо смотреть на то, как она мучается от потери отца. Знаю, что он переживал не меньше, но я просто не мог ничего сделать. Я пообещал быть с ней до самого конца. Но сейчас дела пошли лучше, благодаря зарубежным врачам появилась надежда на выздоровление. Поэтому нет, ничего сделать нельзя, и я никак не смогу остаться.

Я долго не могла уснуть, просто лежала, практически не шевелясь, в объятиях Виталика и смотрела в окно. К такому повороту событий я была не готова, и речь сейчас вовсе не об его скором отъезде.

Не зря говорят, что чужая семья — потемки, хотя, что говорить о других, если иногда даже в делах собственной разобраться весьма проблематично. За последние несколько недель я убедилась в правильности этой фразы уже, как минимум, дважды.

Сперва была история Беловой, которая, конечно, до сих пор мне окончательно не ясна, но сказать что у них дома обычные для простой семьи отношения, я уже не могла. А теперь еще Виталик. Я предполагала, что причина его отъезда может быть какой угодно — работа, учеба, да хоть жена с пятью детьми. Моя фантазия рисовала много вариантов развития сюжета, в котором мне места не находилось.

Рассказ о матери стал полной неожиданностью. В сумме с проблемами, которые навалились на Львовича, делам Виталика точно нельзя было позавидовать. С одной стороны больная мать, оставшаяся в другом городе, а с другой отец, который из-за своей принципиальности рискует навлечь на себя серьезные неприятности.

А главное для меня — я была абсолютно бессильна в этой ситуации. Как не посмотри, я ничего не могла сделать. Единственное, что было в моих силах — поддерживать Ковалевского и помогать ему в том, чем смогу. При этом стараясь не влюбиться в него. Главное просто постоянно напоминать себе, что он обязательно уедет. С этими мыслями я уснула.

Утро наступило практически мгновенно. Я открыла глаза и поняла, что в комнате одна. Потянувшись в кровати, я подумала о том, как стоит себя вести в виду свалившейся на меня вчера информации. Приняв решение не акцентировать на этом свое внимание, стараясь вести себя, как ни в чем не бывало, я отправилась в душ.

Виталика я обнаружила в гостиной, он разговаривал по телефону сидя на диване. Заметив меня, парень улыбнулся и поманил к себе, параллельно заканчивая разговор.

Я села рядом с ним, забираясь с ногами на диван. Ковалевский обнял меня и поцеловал: — Выспалась?

Я кивнула, удобней устраиваясь рядом с парнем. Знать о моих ночных размышлениях ему было совсем не обязательно.

— Извини, если вчерашний разговор был тебе совсем не нужен. — сказал Виталик, как будто прочитав мои мысли. — Не знаю почему, но я решил не скрывать от тебя павду.

— Все в порядке, и тебе, действительно, не за что извиняться. — немного подумав, я всё таки решила спросить, чтобы вдруг не взболтнуть лишнего. — Глеб в курсе?

Ковалевский отрицательно покачал головой:

— Анна знает, на счет Виктора я не уверен, но подозреваю, что он по меньшей мере догадывается, что история с разводом не совсем правдива.

Вот как, Основский даже не предполагал какие дела происходили в его семье.

— Всё будет хорошо. — сказала я парню, прижимаясь к его груди.

Больше к этой теме мы не возвращались.

Спустя где-то полчаса спустились Лиза с Глебом. К тому времени мы уже успели сделать кофе и приступили к завтраку. Судя по виду парочки, Михайловская уже давно не обижалась на парня, а соседка перестал комплексовать по поводу своей вчерашней оплошности. Хотя целиком реабилитироваться Глебу всё-таки не удалось. В очередном диалоге, Лиза не смогла отказать себе в маленькой колкости, понадеявшись не встретить родителей Глеба в очередной раз приехав к нему домой, чтобы потом выяснилось, что они живут вместе с ним, о чем он просто забыл сказать. Парень сделал обиженный вид, но промолчал.

Анна Степановна и Виктор Олегович уехали пока мы спали, так что вчерашнее прощание оказалось совсем не лишним. Меня, практически, переполняла гордость, что в этот раз родители соседа увидели меня в приличном виде, а источником всех косяков была отнюдь не я. Вскоре нам самим пришло время собираться домой.

До города мы добрались быстро. Самые отважные дачники, которых не страшили даже прогнозы о надвигающихся заморозках, еще не успели выехать обратно в город, поэтому дорога была практически пустой.

Первой мы высадили Лизу. Хоть девушка иногда еще пыталась сделать вид, что задета поступком Глеба, ей это плохо удавалось. По виду Михайловской было легко определить, что отдых ей понравился.

Потом мы подъехали к нашему дому, и Виталик согласился немного задержаться у меня.

Заходя в квартиру, я сразу поняла, что что-то не так. Эволюция еще не дошла до того, чтобы Ромчик смог включить свет в коридоре.

Так как следов взлома на первый взгляд видно не было, у меня оставался один вариант, и он меня совсем не радовал. Я осторожно зашла в квартиру, Ковалевский же, не придав значения горящему свету, проследовал за мной, не ожидая подвоха.

Когда я заметила на тумбочке пустую бутылку от коньяка, мои сомнения окончательно развеялись. Вот тут уже настала очередь Виталика удивиться. Он проследил за моим взглядом и вопросительно поднял брови, обнаружив пустую тару.

Не снимая обуви, я прошла в холл, где увидела мужчину, лежащего на моем диване в обнимку со второй аналогичной бутылкой:

— Олесииииииик. — раздался его радостный, но не слишком разборчивый крик.

Мы что-то говорили про семейные тайны?

— Знакомься, мой отец. — сказала я стоящему за спиной парню.

Глава 7

По-моему, я уже видела Ковалевского в таком виде в коридоре этой квартиры. Дежа вю какое-то.

— Привет, пап, какими судьбами? — сказала я, уже убирая оставленный за отцом бардак.

Надеюсь, он не додумался закусить котом, потому как Ромео свое местоположение до сих пор не выдал, и я серьезно начинала опасаться за его судьбу. Или мало ли папа решил, что это белочка, на несчастье кота, имевшего схожий с животным окрас, и решил расправиться с коварным спутником любителей спиртного.

— Милая, я тут мимо шел, и дай, думаю, загляну.

— Вот так вот шел, шел и незаметно прошел пару сотен километров?

Тут родитель заметил Ковалевского, не совсем въезжающего в суть происходящего, и решил сменить невыгодную для него тему:

— Может, познакомишь меня со своим кавалером?

— Может я лучше маме позвоню? — и уже обращаясь к Виталику добавила, — Ты проходи, не переживай — он не буйный.

При упоминании о маме, мой милейший отец поменялся в лице:

— Лисенок, может не надо мамы?

Здесь, думаю, нужно немного подробностей, чтобы рассказать, что же это за зверь такой Дмитрий Васильевич Воронцов, в народе известный как мой отец.

По своему мироощущению этот экземпляр является натурой творческой и крайне ранимой, ну и в поисках вдохновения частенько прибегает к помощи алкоголя. В защиту отца можно сказать, что картины, которые он пишет, весьма неплохи, однако это не дает оправдания его поведению.

И есть у нас традиция семейная. Пару — тройку раз в год, этот великий художник в порыве чувств ссорится с моей мамой, кстати, единственным человеком, которого он боится, и сбегает, куда бы вы думали? Правильно, в дом к единственной горячо любимой дочери, где напивается до беспамятства, после чего пристыженный, поджавши хвост, возвращается домой к маме.

А теперь представьте мое удивление, когда, являясь студенткой первого курса, в один осенний вечер зашла домой и обнаружила на том же самом месте, что и сегодня своего папу в далеко не самом свежем состоянии.

Конечно, у родителей был запасной комплект ключей от квартиры, но встретиться с отцом в таком скором времени после отъезда, а тем более в таком состоянии я не ожидала. Сперва мы с мамой думали, что это разовая акция, но весной я вновь встретила папу при таких же обстоятельствах.

С тех пор это вошло в традицию. Я приезжала домой, наблюдала папу, звонила маме, сообщая, что ее пропажа нашлась, а на следующий день отправляла отоспавшегося родителя домой. И сейчас меня уже терзали сомнения, переедь я на другой край света, что однажды, вернувшись домой, я не обнаружу там старого доброго Дмитрия Васильевича, уничтожающего очередную бутылочку спиртного.

— Ладно, — сменила я гнев на милость, — чтобы через пятнадцать минут ты был бодр и помыт, а пока я приготовлю чай. — скомандовав это отцу, я, наконец, сняла обувь и направилась в направлении кухни, показав жестом Виталику, чтобы шел за мной.

Обернувшись, я заметила как отец, недовольно пробурчав себе что-то под нос, всё-таки

поплелся в направлении ванной.

— Только ничему не удивляйся. — сказала я вошедшему на кухню Ковалевскому и рассказала историю о странной привычке отца со всеми вытекающими последствиями.

После того, как парень смог остановить смех, он сказал:

— Ничего другого я от тебя уже и не ожидал. Признайся честно, у тебя в жизни вообще бывают адекватные ситуации?

Я насупилась, чем еще больше развеселила парня. Он обнял меня за плечи и чмокнул в макушку:

— Ладно, не обижайся. Твой отец весьма хмммм веселый мужчина. — он не выдержал и снова усмехнулся, за что получил честно заработанный своим поведением пинок.

— Всё-всё, я молчу. — сказал Виталик и развел руки в примирительном жесте.

Для приличия я пару секунд постояла с крайне обиженным видом, а потом прыгнула в распахнутые объятия. Получив заслуженный поцелуй, я спросила:

— Останешься на чай?

— Пожалуй, я поеду домой. Чувствую, что после дороги мне уже жизненно необходимо отдохнуть. — а потом все таки не сдержался и добавил. — Тем более чувствую себя лишним в такой трогательный момент воссоединения семьи.

Вот же засранец!

Проводить парня незаметно для отца мне все-таки не удалось. Он вышел из душа как раз в тот момент, когда Ковалевский застегивал куртку. Вид папы был уже более похож на человеческий. Он подошел и пожал руку парню:

— Дмитрий Васильевич. — представился мой донельзя галантный папа. — Отец Олеси.

От такого официоза мне стало смешно, однако Ковалевский не растерялся:

— Виталий, ее молодой человек.

Значит даже так? Я улыбнулась и закатила глаза, однако на душе стало безумно тепло. А парень продолжил:

— Жаль, но, к сожалению, вынужден вас покинуть.

Он еще раз пожал руку отцу, тот же кивнул, считая знакомство состоявшимся. Потом Ковалевский скромно и быстро поцеловал меня в губы, после чего покинул квартиру.

— Наконец-то ты нашла себе кого-то стоящего. — прокомментировал мой отец, после того как дверь квартиры закрылась.

— Ой, не начинай. — взмолилась я.

Слушать про то, какая мы с Виталиком прекрасная пара не было никакого желания, но отец был неугомонен.

— Я же видел, как вы друг на друга смотрели. Люди, которым всё равно, никогда не смогут похвастаться такими взглядами.

И за что ж ты свалился такой пронцательный на мою голову именно сегодня? От слов отца мне стало грустно. Скорей всего он был прав, во всяком случае, на мой счет, но рассказывать ему всю историю абсолютно не хотелось, поэтому я сделала глубокий вдох, потом выдохнула и сказала:

— Пап, пойдем лучше чай пить.

Я проводила отца утром понедельника. Мама уже философски смотрела на столь странное поведение своего супруга, поэтому, когда я назвала номер поезда и время прибытия папы, она, как ни в чем не бывало, сказала, что к этому времени борщ будет готов.

Знаете, она всегда говорит об этом таким тоном, как будто выходки отца равносильны

походу в магазин или на работу. Иногда, глядя на родителей, я даже перестаю удивляться, почему в моей жизни постоянно происходит какая-то фигня.

Зайдя в универ, я сразу поняла — что-то не так. Таких бурных обсуждений среди полусонных студентов в обычное утро понедельника услышать невозможно. Я шла в аудиторию, где должна заниматься наша группа, по пути вслушиваясь в разговоры попадавших мне на ходу людей. Ничего толкового, кроме того, что речь шла о Бондаре, я понять не могла.

Зайдя в нужный кабинет, я без приветствия спросила у Лизы:

— Что случилось?

Подруга молча протянула мне утреннюю газету.

«Ректор архитектурного университета пойман на крупной взятке» гласил заголовок первой полосы. Кому принадлежало это издание, догадаться было несложно. Руку Белова было видно за версту.

— Твою налево... — не смогла я удержаться от комментария.

Пробежавшись глазами по тексту статьи, я отложила газету. В целом, вся суть была изложена в заголовке, сам текст только более детально разжевывал преступление Львовича.

Оказывается, вчера вечером в его кабинете был обыск, где и были найдены деньги. Сам ректор признался, что пакет не был подброшен.

Я отложила газету и посмотрела на Лизу:

— Не верю, что это правда.

— А ты думаешь, я верю? — скептически спросила подруга. — Из всех грехов, в которых можно было бы подозревать Львовича, взяточничество явно стояло на одном из последних мест.

— Всё дело в выборах.

— Открыла америку! Ковалевский не звонил? — спросила Лиза.

— Я думаю, что сейчас ему не до меня. — ответила я подруге, а сама подумала, каково сейчас Виталику.

Всё, что он пытался сделать, чтобы оградить отца от грязи в последний месяц с небольшим, пошло насмарку. Было обидно и за Львовича. Белов всё-таки нашел, как подобраться к нынешнему ректору и подставить его. Хоть убейте, но я ни на секунду не верила в правдивость написанного.

Виталика я встретила после четвертой пары, он ждал возле нашей аудитории. Сказать, что парень был зол — было бы просто ничего не сказать, однако, увидев меня, выражение его лица мгновенно смягчилось.

— Привет. — сказала я и поцеловала Виталика.

Мне хотелось этим поцелуем дать понять, как мне хочется, чтобы сейчас все вдруг стало хорошо. Но, к сожалению, у меня не было сверхспособностей, благодаря которым я бы смогла исправить события. Помощи от меня тоже в сложившейся ситуации также было не больше, чем от мебели. Надеюсь, что он хотя бы чувствовал мою поддержку.

— Уже в курсе? — спросил парень, даже не уточняя о чем речь. Все было понятно и без лишних слов.

Я кивнула, а Виталик продолжил:

— Пообедаем?

Такого предложения я сейчас не ждала, но отказываться, конечно, не стала.

Мы заняли угловой столик с диваном в дальнем углу небольшого ресторанчика,

расположенного недалеко от универа. Заказав кофе и дождавшись, пока официант отойдет, Виталик спросил:

— Ну и что ты думаешь по этому поводу?

— А должны быть другие варианты, кроме того, как его подставили?

Возможно, мне показалось, но парень как-то облегченно выдохнул. Неужели он всерьез думал, что я поверю в эту газетную историю? Я взяла его за руку и продолжила:

— Я скорей поверю, что мой папочка перестал пить, чем твой начал брать взятки.

— Спасибо. — Виталик улыбнулся и добавил. — У отца подписка о невыезде до окончания следствия. Ну и временное отстранение от должности как бонус.

Ситуация была просто отвратительной. Вдобавок ко всему, я не знала как себя вести. Будучи мастером попадания в дурацкое положение, я не имела не малейшего понятия, как поддержать человек, у которого действительно серьезные проблемы в жизни. Ну а на десерт — я была абсолютно бессильна.

Во время нашего молчания зазвонил мой телефон:

— Он сейчас с тобой? — спросил Глеб.

— Ага. — ответила я соседу, считая излишним уточнять про кого именно идет речь, это было ясно.

— Мать себе места не находит, пусть позвонит ей. — сосед немного помолчал, а потом спросил — Как он там?

— Можешь передать, что он его отлично слышит и в петлю пока лезть не собирается.

Я не смогла удержаться и усмехнулась. Сосед не понял такой резкой перемены моего тона и с тревогой поинтересовался:

— Лесь, скажи сразу, если тебе там уже тоже помощь нужна. — чем вызвал смех еще и у Виталика.

— Всё хорошо, он наберет Анну. — и не дожидаясь дальнейших вопросов нажала отбой. Я обязательно позвоню ему позже.

Виталик вышел на улицу, чтобы позвонить тете, а я осталась за столиком одна. Передо мной лежала та самая злосчастная газета, и, от нечего делать, я по новой начала изучать статью про ректора.

Только на этот раз мое внимание привлек отнюдь не текст. Я внимательно рассмотрела фотографию. И как я не заметила этого с утра?!

Конечно, дальний край картинки абсолютно теряется на фоне внушительной стопки иностранной валюты, но для меня суть снимка сосредоточилась именно в правом верхнем углу.

Я отлично помнила, где видела эту папку и пакет. Могу сказать даже больше — я держала их в руках.

В этот момент за столик вернулся Виталик, а мне не оставалось ничего иного, чем сказать:

— Я знаю, кто передал деньги твоему отцу.

— В смысле? — Виталик, судя по взгляду, по меньшей мере, думал, что я бредила.

— Это я передала деньги Львовичу.

В этот момент Ковалевский уже серьезно начинал злиться:

— Лесь, если ты решила пошутить, то сейчас, во-первых, не лучшее время, а во-вторых, ты выбрала самую тупую тему.

— Я не шучу.

Это заявление заставило парня, наконец, прийти в себя и начать меня слушать. А я в свою очередь рассказала все: про свой визит с зачетками к Лене, про Волкова и его нервозность, про чертов пакет, который нужно было передать Бондарю в руки.

— Вот, сука! — не выдержав, после моего рассказа сказал Ковалевский. — Надо было сильнее ему морду бить в клубе, сейчас бы хоть не так обидно было.

Я ничего не могла ответить. Он был прав до последнего слова. Но проблем это не уменьшало.

Я зарылась руками в волосы и склонила голову:

— Прости.

— Ты же сама сейчас понимаешь, что ни в чем не виновата, зачем ты извиняешься? — достаточно резко спросил Виталик.

Мне снова захотелось извиниться, но я понимала, что этим только сильнее разозлю Ковалевского. Наверное, он практиковал телекинез, потому что сказал:

— Просто поезжай домой. — а после уже более ласково добавил. — Я сейчас попробую всё разрулить, а попозже приеду. Хорошо?

Он спросил меня это, тоном, каким ребенку в саду предлагают манную кашу, есть которую, он совсем не настроен. Я кивнула головой, потому что ответить было абсолютно нечего.

— Я вызову машину. — сказал Виталик кивнув, а я просто сидела и смотрела в стену.

Дальше события развивались как в тумане: вот Ковалевский говорит, что машина подъехала, мы выходим на холод, я застегиваю куртку, поеживаясь от пронизывающего ветра. Дальше теплые руки, коснувшиеся моего лица, и уже до боли родной голос, утверждающий, что всё будет хорошо.

Очнулась я только дома, понимая, что срочно нужно выпить. Я на автопилоте дошла до кухни и взяла бутылку бэйлиса, которая теоретически предназначалась для кофе, но сейчас меня это волновало меньше всего. Даже тот факт, что я ненавижу сладкий ликер в чистом виде, меня особо не заботил. Я щедро налила тягучего напитка в винный стакан и упала на диван.

Еще один новоявленный экстрасенс появился буквально через мгновение. Ромчик выпрыгнул из ниоткуда, вальяжно потянувшись на спинке дивана, а потом, потершись мордочкой об мое лицо, спрыгнул на колени, мгновенно свернувшись калачиком в районе колен.

Это было последней каплей. Я не ожидала от невыносимого рыжего кота такой ласки. Видимо, мои нервы были уже на пределе, потому что, дотронувшись до мягкой шерстки Ромео, я просто разрыдалась.

— Как можно быть такой дурой! — сказала я, не обращая ни к кому конкретно.

Мало того, что я ничем не могла помочь Виталику с его проблемами, так еще и умудрилась влезть в новые.

Стакан ликера подошел к своему логическому завершению, и передо мной открылся выбор: пойти за новым или попробовать прекратить истерику и взять себя в руки. Разум победил, и я, редко всхлипывая, отправилась в душ. О моей истерике Ковалевскому знать было необязательно. Сомневаюсь, что его обрадует такое мое поведение.

После душа я была подобна своему отцу, внезапно увидевшему мир четче. Сил даже хватило на маску для лица и большую кружку горячего чая. Через пятнадцать минут я была похожа на человека, в жизни которого сегодня не было места стакану бэйлиса, получасовой

истерике, осознания предательства одного из лучших друзей и неприятностей, не суливших ничего хорошего близкому человеку.

Спасибо небу, что в момент, когда я в очередной раз начала себя накручивать, наконец, раздался звук вызова домофона.

— Лесь, это я. — сказал голос, который я больше всего сейчас мечтала услышать.

Хотелось просто прижаться к Виталику, мне было нужно знать, что у нас всё в порядке. И абсолютно плевать, насколько мы вместе — день, неделя, месяц. В данный момент он стал для меня если не воздухом, то, по крайней мере, чем-то практически жизненно необходимым.

Когда в наш общий с Глебом коридор зашел Виталик, я не смотря ни на что вокруг, бросилась к нему на шею. Виталик обнял меня в ответ, и мы просто молча стояли не шевелясь, до тех пор, пока я не заметила девушку, стоящую на лестничной площадке.

Я разжала руки, вопросительно глядя на Ковалевского:

— Лесь, это Диана. Но, по-моему, вы уже и так знакомы. — сказал парень с некоторым холодком в голосе, благо на этот раз он был адресован не мне.

У меня не оставалось выбора, как впустить обоих в квартиру, а через пару минут формат нашей компании расширился еще и Основским, наверняка услышавшим шум в коридоре. Я сделала кофе, и мы расположились за барной стойкой.

Разговор начал Виталик:

— Лесь, у тебя есть фотографии Волкова?

Не долго думая, я сходила за мобильным телефоном, где достаточно быстро мне удалось найти прошлогоднюю фотографию с нового года, где, широко улыбаясь, была запечатлена наша дружная на тот момент компания — Лиза, Глеб, Дима и я.

Ковалевский взял телефон и показал снимок Диане, которая в ответ лишь кивнула головой. Если я только теперь начала терять нить событий, то на Основского было откровенно смешно смотреть. Парень рассеяно переводил взгляд по кругу на каждого из присутствующих за столом.

Виталик заметил такое поведение брата и сжалившись кратко ввел его в курс дела, а после чего прояснил уже и для меня:

— И как выяснилось, этот урод работал на Белова.

Тут в разговор вступила Диана, утвердительно кивнув головой:

— Я много раз сталкивалась с ним в редакции.

И снова, только сложившаяся картина в моей голове, начинала рушиться. Не смотря на все факты, мне было тяжело заставить себя поверить, что сейчас речь идет о том самом Диме Волкове, с которым мы были так дружны. И судя по лицу соседа, осознание трудно давалось не мне одной.

А еще я искренне не понимала Белову. Зачем ей было играть против собственного отца? Успокаивал только умиротворенный вид Виталика, который, кажется, на сто процентов был уверен в Диане.

После нескольких минут разговоров практически ни о чем, девушка поинтересовалась, где здесь можно покурить, и я провела ее на балкон. Уже собираясь вернуться назад на кухню, я услышала оклик девушки:

— Составишь компанию?

Я, конечно, на такое предложение не рассчитывала, но отказываться и поспешно удирать к парням было бы глупо, поэтому, пожав плечами, я вышла на лоджию следом за

Беловой. Наружное пространство моей квартиры было в разы скромнее соседской, однако, здесь тоже имелся диванчик, на который я и присела.

— Прости, что в тот раз была такой резкой.

А вот и поворот номер два, которого я тоже никак не ожидала.

— Забей. — а потом не выдержала и спросила. — И все-таки, почему я должна была держаться от него подальше?

Диана усмехнулась и ответила вопросом на вопрос:

— А ты до сих пор не поняла? — вскинув брови, спросила девушка и посмотрела на меня.

А я что? Я вновь почувствовала себя полной дурой, и, судя по взгляду девушки, Диана поняла, что до меня, наконец, дошло, поэтому она продолжила:

— Виталик — мой очень хороший друг, и я просто старалась оградить его от лишних проблем. В такой ситуации отец не будет смотреть на чувства, он будет бить по самому больному. Так что ничего личного, я просто хотела предупредить тебя доступным мне тогда способом. — закончила Белова.

А мне не давал покоя еще один вопрос, который в итоге все-таки задала:

— Почему ты помогаешь Виталику, идя против собственного отца?

Диана на секунду задумалась, а потом сказала:

— Ну, ты можешь считать мне кем-то средним между Робин Гудом и святой инквизицией, своими методами я не даю папе полностью перейти на темную сторону. — девушка улыбнулась и продолжила уже серьезным тоном. — Я уже говорила, что Ковалевский мой хороший друг, да и, к тому же, с чего ты взяла, что я иду против отца? Я никогда не причиню вреда своей семье, какой бы она не была, но, пока в моих силах хотя бы немного сгладить отвратительные поступки папочки, я буду этим заниматься.

И, пожав плечами, девушка удалилась, оставляя меня наедине со своими мыслями. Личность Беловой оставалась для меня загадкой, но, по крайней мере, некоторые моменты она прояснила, хотя как к ней относиться, я до сих пор абсолютно не понимала.

Поджав ноги, я удобней устроилась на диване и достала телефон. На засветившемся после разблокировки экране до сих пор висела наша старая новогодняя фотография. Я разочаровано взглянула на нее последний раз, после чего свернула и открыла записную книжку. Найдя нужный номер, я помедлила пару секунд, а затем, особо ни на что не надеясь, нажала вызов.

Но в этот раз удача вдруг решила мне улыбнуться. После нескольких секунд тишины, я услышала длинные гудки.

Я нажала отбой и вернулась на кухню. Хоть мой разговор и занял не больше пяти минут, в квартире обнаружился только Виталик. Услышав мои шаги, он оторвался от телефона, который не выпускал из рук практически в течении всего дня, и устало посмотрел на меня. Не дожидаясь вопроса, парень пояснил:

— Глеб ушел к себе, сказал, что должен переварить информацию. С уверенностью ответить, куда уехала Ди, я не возьмусь, но, по крайней мере, она помогла, чем могла.

Я кивнула и подошла к парню вплотную. Сидя на высоком барном стуле, он был практически одного роста со мной. Я заглянула в его карие глаза и на секунду даже испугалась своих чувств. От одного взгляда на парня, притягивающего меня за талию к себе, у меня вновь сбилось дыхание.

Я просто не могла с собой ничего поделать! Весь мой план о том, что главное не

влюбляться, стремительно летел ко всем чертям, но если быть честной до конца, меня это сейчас практически не волновало. Под действием моего личного наркотика здравый смысл, махнув ручкой, покидал голову.

Последним гвоздем в крышку гроба самоконтроля стала фраза Ковалевского, который снова решил отличиться своим способностями к телепатии:

— Когда ты рядом, у меня просто сносит крышу.

Всё, с этого места я за себя уже не ручалась. Парень притянул меня к себе настолько близко, насколько это было возможно, сжимая мои ноги между своих бедер, после чего поцеловал.

В этот раз место нежности и заботе уступила страсть. Яркая, безудержная и просто невыносимая. С каждой секундой, с каждым движением, мне хотелось большего. Я нащупала пальцами край футболки Виталика и потянула ее вверх. Через секунду этот ненужный предмет одежды упал серым комком к нашим ногам.

Не прерывая поцелуй, парень нащупал пуговицы на моей кофте и, торопясь, начал их расстегивать. Через несколько мгновений очередная вещь полетела на пол. Я резко выдохнула, когда почувствовала руки Ковалевского на моей голой спине, чем, кажется, завела его еще больше. Парень быстро встал со стула и, схватив меня за бедра, поднял над полом. Всё так же, не прерывая поцелуй, он понес меня по направлению к спальне.

Через несколько секунд Виталик опустил меня на кровать. Нависая надо мной, он оторвался от моих губ, и, заглянув в глаза, прошептал:

— Ты лучшее, что могло здесь со мной случиться.

От этих слов мозг, который только начинал осознавать происходящее, снова отключился, в голове не осталось ничего кроме нестерпимого желания.

Я потянулась к пряжке ремня, понимая, что еще немного, и я просто умру в мучительном ожидании. Губы Виталика начали чертить дорожку, спускаясь от моего лица к груди, параллельно нащупывая застёжку лифчика. С моих губ сорвался стон, эта пытка была практически бесконечной.

Кажется, это поняла не только я, потому что парень начал действовать быстрее. Через несколько мгновений в сторону полетели мои шорты и оставшееся нижнее белье.

Виталик отстранился от меня, и эти секунды показались мне вечностью. Затем послышался шорох разрываемой упаковки, после чего я вновь ощутила тепло, исходящее от тела парня, вернувшегося ко мне.

А еще через секунду, все мои муки ожидания, наконец, были вознаграждены. Это было не похоже ни на что из того, что у меня было до этого момента. Тело парня как будто было идеально предназначено для моего, каждое его движение, поцелуй, шепот — всё это моментально находило отзыв с моей стороны.

Ковалевский был одновременно страстным и нежным, понимал, в какой момент нужно сбавить темп, а в какой стать более настойчивым, вознося меня к вершинам и даря непередаваемое наслаждение.

Мне было настолько хорошо, что я даже боялась подумать о том, что будет дальше. И хотя в глубине души противный голосок уже начинал шептать о том, как больно мне будет впоследствии, я старалась заглушить его звуки, понимая, что влюбилась. Окончательно и бесповоротно.

Я не знаю, сколько прошло времени, пока мы просто лежали в кровати, переплетая пальцы и изредка целуя друг друга. Когда я поняла, что молчать больше не имеет смысла,

произнесла:

— Волков согласился со мной встретиться.

От одного упоминания об этом человеке, Виталик напрягся, а я стала рассказывать все с самого начала.

После разговора с Дианой, я осталась на балконе в одиночестве. Не знаю, какая внутренняя сила двинула мной в тот момент, но я решила набрать старый номер Димы, на который мы безуспешно в течение пары недель пытались дозвониться, но абонент был недоступен.

Я даже не успела удивиться начавшимся гудкам, когда услышала в трубке:

— Я знал что ты мне позвонишь. — некогда дружеский голос сейчас казался мерзким и абсолютно чужим.

— Давно в экстрасенсы записался? — я не удержалась и съязвила.

— То есть я могу сейчас повесить трубку? — услышала в ответ чуть ли не насмешливый ответ парня.

Вот сволочь! Он отлично понимал, зачем я звонила.

— Подожди. — сказала я более мягким тоном. — Я хочу с тобой встретиться

— Мажорчик тебя утомил, и ты, наконец, пришла к выводу, что со мной будет лучше? — спросил Волков, после чего сухо и холодно рассмеялся.

Я сильнее стиснула зубы, чтобы не послать его в те места, откуда обычно не возвращаются. Мне нужно было держаться. Если он согласится на встречу, у нас появится шанс все исправить.

Тем временем Дима продолжил:

— Ладно, расслабься. Я отлично понимаю, зачем ты звонишь. — он сделал паузу, а я выдохнула с облегчением. Хотя бы рассыпаться в дальнейших унижениях мне не придется. — В среду. В три часа дня.

Он назвал адрес известного в городе торгового центра и в конце добавил:

— Если Ковалевский попробует приблизиться ко мне, о возможном успехе наших переговоров можешь забыть. — после чего телефон звуковым сигналом сообщил об окончании разговора.

Я закончила рассказ, после чего Виталик громко ругнулся.

— Жадный мудака! — я дернулась от резкого звука, а парень, заметив это, сильнее прижал меня к себе и поцеловал в волосы. — Прости.

Я немного расслабилась. Реакция Ковалевского дала понять, что, по меньшей мере, он не злится на меня, и, возможно, я все сделала правильно. Поэтому, перевернувшись на живот и посмотрев в лицо Виталику, я спросила:

— Как думаешь, он правильно меня понял?

— Я думаю, что этот, — парень немного замялся, долго подбирая слово и, видимо, пытаясь не сорваться в очередной раз на ругательства, потом выдохнул и продолжил. — Волков далеко не глуп.

На это утверждение я кивнула, а он стал говорить дальше:

— Он заранее знал, что сможет заработать на обеих сторонах, и сейчас я оцениваю наше положение даже как более выгодное, а на то, что потом с ним попытается сделать Белов, когда узнает, а он, наверняка узнает, мне глубоко плевать. Сейчас главное, чтобы в среду всё получилось.

Виталик замолчал, а я понимала, что хоть радоваться еще рано, но всё-таки у нас

появилась хоть какая-то возможность на выход из тупика. Вновь расслабившись, я поудобней устроилась на груди парня, и поняв, что места лучше его объятий для меня просто нет, улыбнулась самой себе.

Смысла раньше времени начинать истязать себя за чувства я больше не видела. Я влипла, влипла с такой силой, что выбраться без боли уже просто не выйдет, но сейчас думать об этом мне абсолютно не хотелось. Я просто лежала и получала удовольствия от близости и тепла, подаренных любимым человеком.

Уже в полудреме, чувствуя легкие прикосновения к своей спине, я услышала голос Виталика:

— Кажется, я с треском провалил все попытки не влюбляться в тебя.

Я не знаю, было ли это проделками моей фантазии, или парень действительно так сказал, но после услышанного, я перешагнула через тонкую границу яви и сна и окончательно отключилась.

Глава 8

Я открыла глаза и поняла, что уже второй раз после ночи в постели с Ковалевским, я просыпаюсь одна. Это традиция такая? Оглядевшись, я обнаружила, что вещей парня, раскиданных вчера по комнате так же не наблюдалось. Я встала с кровати и вышла в холл, а затем в коридор, оценив ситуацию и там, я окончательно убедилась, что нахожусь в квартире одна.

Однако, вместо привычно брошенных на тумбочке ключей, я обнаружила записку:

«Даже не вздумай надеяться, что я сбежал»

Я улыбнулась, хотя мерзкий голосок внутри с уверенностью заявлял: «согласись, уже успела испугаться, что он ушел навсегда». Я вновь постаралась выкинуть эту фразу из головы, однако к своему ужасу осознала еще и то, ведь я на самом деле испугалась, что Виталик сейчас ушел насовсем.

Дернув плечами, как бы сбрасывая с себя дурные мысли, я отправилась в душ. Я успела привести себя в порядок, сделать две кружки кофе, хоть и не знала, когда вернется Ковалевский, и начать изучение ленты соц сетей, в тот момент, когда услышала звук открывающейся в квартиру двери.

В нетерпении я вышла в коридор и откровенно офигела от увиденного. В коридоре стоял Виталик, держащий в руках приличную такую охапку роз.

— Сегодня какой-то праздник? — не удержалась и с ухмылкой спросила я.

— Нет, — как ни в чем не бывало, ответил парень, пожимая плечами, — просто я тут понял, что у нас с тобой не было ни одного нормального человеческого свидания.

— Чего? — спросила я, чувствуя, как мои брови в удивлении уползают с их законного места.

— Ну свидания, — не растерялся парень, разжевывая как пятикласснице, объяснил он. — развлекательная программа, ресторан...

Не дожидаясь окончания списка, я его перебила:

— Да знаю я, что такое свидание. Я просто не понимаю, зачем? — спросила я без упрека.

Ковалевский подошел ко мне, вручил цветы и сказал:

— Потому что я так хочу, — а, немного помедлив, добавил, — и ты хочешь. Ну же, признайся!

Я посмотрела на парня и, не выдержав, рассмеялась. Он же подождал, пока я

успокоюсь, потом задумчиво посмотрел на меня, перевел взгляд на цветы, потом снова на меня, а дальше, не долго думая, забрав букет из моих рук, швырнул на диван, и, обхватив мою голову руками, с чувством поцеловал.

Я же, ощутив уже знакомое ощущение уходящей из под ног земли, даже не пыталась сопротивляться.

— Ладно, уговорил. — согласилась я, взяв себя в руки и направившись к барной стойке. — И какой план?

Ковалевский хитро улыбнулся:

— Ну, для начала, попить кофе и поехать домой. Я заберу тебя, — он ненадолго задумался. — в семь?

— В семь, значит в семь. — я спокойно пожала плечами, стараясь не выдать накрывавшей меня эйфории.

Через полчаса Виталик уехал, а я, вооружившись телефоном, начала спешно набирать номер подруги. Телефонные боги на этой неделе были ко мне благосклонны, и Лиза ответила уже через пару гудков. Не дожидаясь слов Михайловской, я протараторила:

— Не думала, что когда-нибудь это скажу, но мне нужна твоя помощь со всей этой девчоночьей фигней.

— И тебе привет. — лениво ответила подруга. — Будем считать, что ты меня слезно упрашивала полчаса, и в итоге, сжалившись, я согласилась.

Я улыбнулась, талант подруги мне сейчас был нужен позарез.

— Обещаю в этот раз обойтись без красного полусухого.

— Фу, Воронцова, я так и передумать могу.

Но всё же подруга ограничилась просто угрозами, и уже в четыре часа, она, расположившись на моем диване, почесывая за ухом Ромео, ждала от меня подробностей сегодняшнего вечера.

Меня вообще удивляла лояльность этого шерстяного создания к моим друзьям. Иногда мне начинало казаться, что кот способен на ласку в мой адрес, только в том случае, когда я нахожусь в абсолютно упадническом настроении. Пожалуй, если я начну биться в конвульсиях, рыжий зверь от жалости сможет меня даже лизнуть. Хотя нет, скорей всего вид моего дергающегося тела только разозлит животное, и он просто добьет меня, ну чтоб не мучилась.

Видя, что я опять ушла куда-то в свой мир, Михайловская звонко щелкнула пальцами перед моим лицом:

— Хьюстон, у нас проблемы. Пилот потерял связь с землей.

Я отмахнулась от подруги как от назойливой мухи, но про свидание с Виталиком всё таки рассказала. После чего Лиза резюмировала:

— То есть, к чему готовиться, ты не знаешь.

— Ну, я сомневаюсь, что он в лес по грибы меня позвал.

— Да кто его знает. — не прибавив мне решительности, ответила Михайловская.

— Ну, возможно, увидев меня в платье, он по крайней мере сжалится и передумает волочь в лес...

— Ладно уже, героиня мыльной оперы, иди в душ и будем из тебя человека делать.

Я отсалютовала Лизе и послушалась ее приказа, чтобы уже через двадцать минут подруга принялась за непосредственное выполнение цели своего визита.

Мои верхние веки украсили аккуратные, но достаточно яркие черные стрелки, тон лица

был идеально выровнен, а на губы нанесена красная матовая помада. По началу, я отговаривала Лизу, утверждая, что я и красная помада должны существовать в разных реальностях, но подруга достаточно резко осадил меня, предложив не возникать и дожидаться итогового результата.

На моей голове вновь был собран небрежный пучок с выбивающимися прядями, которые удачно обрамляли лицо. Ну а изюминкой образа стало платье, которое Лиза приволокла с собой. Как вы понимаете, никакие возражения подруга, носившая со мной один и тот же размер одежды, не принимала.

Это было простое черное платье на тонких бретелях, длиной чуть выше колена. Оно сидело не плотно по фигуре, а чуть свободней, женственно подчеркивая все изгибы, но в тоже время не делая образ пошлым и вульгарным. На моей шее обосновалось достаточно увесистое кольцо, а в ушах весьма большие серьги-камни из того же комплекта, обрамленные металлом бронзового цвета.

Я смотрела в зеркало в полный рост, а Лиза стояла чуть поодаль, рассматривая результат своей работы. Судя по выражению лица, подруга осталась довольна. Ладно, признаюсь, красная помада была как раз в тему.

Я поблагодарила Михайловскую, которая, заметив, что мы с Глебом очень удачно живем, быстро ретировалась в квартиру к соседу.

Часы показывали половину седьмого. С момента ухода подруги время потянулось безумно медленно. Я сидела на диване и практически гипнотизировала секундную стрелку висящих в зале часов, не забывая время от времени отбиваться от атак Ромео, явно имевшего виды на мое, точнее Лизино, черное платье.

После пары миллионов лет ожидания, раздался звонок домофона. Я последний раз внимательно изучила свое отражение в зеркале, и придя к выводу, что лучше из имеющихся данных уже просто не сделать, всунула ноги в черные туфли-лодочки с острым носиком, искренне моля всех, кого только было можно, что мой путь по улице будет минимальным, а место, в которое мы отправимся, будет, по крайней мере, отапливаемым.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Отбросив все бредовые мысли, я сняла трубку домофона.

— Такси заказывали? — раздался знакомый голос с улицы.

Я улыбнулась и нажала кнопку. Повесив трубку, я открыла дверь квартиры и заняла ожидающую позу в дверном проеме.

А время как будто снова решило надо мной поиздеваться. В какой-то момент я даже подумала, что Виталик либо передумал, либо просто напросто застрял в нашем многострадальном лифте. Из размышлений меня вывел скрип двери, ведущий с лестничной площадки в наш общий с Основским коридорчик.

Я посмотрела на Виталика, а мои внутренние органы в этот момент, по-видимому, решили поменяться между собой местами. Дыхание сбилось, ноги немного подкосились, в общем, обычный букет симптомов, накрывавших меня при виде Ковалевского.

На нем была простая белая рубашка с небрежно расстегнутой верхней пуговицей и идеально сидящие черные брюки. Накинуть что-либо сверху по пути от машины до моей квартиры парень, видимо, счел лишним. В руках же он держал уже второй за день букет роз, на этот раз они были насыщенно бордовыми.

Я отвела взгляд от цветов, и заметил, а с каким удивлением и долей чего-то, что я еще не могла понять, на меня смотрит Ковалевский. Я вопросительно подняла брови, а в ответ на

это парень только улыбнулся.

Он подошел ближе и нежно коснулся пальцами моей шеи, плавно перемещая их на скулу. Я потянулась за его рукой, как кот, отчаянно напрашивающийся на ласку. Видимо у Виталика я вызвала примерно такую же ассоциацию, потому что он в очередной раз улыбнулся. После чего, наконец, поцеловал.

— Ты великолепна. — сделал комплимент парень, закончив поцелуй, и протянул цветы. Я приняла букет и улыбнулась:

— Учти, скоро я привыкну и без букета цветов просто не буду к себе подпускать.

— Приму на заметку. — ухмыльнулся Ковалевский, проходя следом за мной в квартиру, давая время поставить в воду цветы.

Ромчик, пронюхав появление в квартире одного из тех людей, которого он любил больше меня, мигом оказался возле ног Виталика и, помуркивая, обтерся об его брюки. Мне оставалось только хмыкнуть.

Я определила цветы в вазу и вернулась в коридор. Стягивая с вешалки пальто, я спросила у Ковалевского:

— Мы же не поедem в лес за грибами?

Теперь настало время удивиться Виталику:

— В лес? — переспросил парень, откровенно не понимая, серьезно ли я сейчас говорю.

Я утвердительно кивнула и в доказательство своей серьезности добавила:

— Пока мы дома, я бы еще успела переодеться во что-то более подходящее.

Парень не выдержал и рассмеялся:

— Нет, я, конечно, думал на счет колеса обозрения или корабля, но потом, вспомнив, с кем я всё-таки буду, поменял свое мнение. Не хотелось встретить ночь на вершине колеса, замершего в самый неподходящий момент, или чего хуже — на дне реки.

Я пихнула парня локтем под ребра, а он в ответ только сильнее рассмеялся.

— Не волнуйся, твой наряд более чем подходит, и нет, мы не едем за грибами.

С видом великой скорби, я произнесла, накидывая пальто:

— А я только на счет грибного супчика мечтать начала.

— Нуууу, мы всегда можем поменять планы. — заговорчески предложил Ковалевский.

— Ненене, это я так к слову.

Я выключила свет, и мы вышли из квартиры.

Машина остановилась на подземной парковке одной из высотных башен нового бизнес-центра. Виталик заглушил двигатель и посмотрел на меня.

— Сиди на месте. — указал мне улыбающийся парень, а сам вышел из машины, подбежал к моей двери и, распахнув ее, протянул мне руку.

Я рассмеялась, но потом сделала важное лицо и приняла предложение выйти из машины. Наши попытки казаться серьезными людьми рухнули меньше чем через минуту, когда, не сговариваясь, мы практически одновременно прыснули со смеху. Ковалевский обнял меня за плечи и уже привычно поцеловал в макушку. Так в обнимку мы и двинулись к лифту.

В этот момент я начала понимать, куда мы все-таки направляемся, вспомнив, что в одной из этих башен находится ресторан, из окон которого открывался просто потрясающий вид на город. И если мои догадки верны, то сейчас Виталика будет ждать небольшой сюрприз.

— Кажется, я догадываюсь, куда мы направляемся. — начала я издалека.

— Ну здесь вариантов уже маловато осталось. — усмехнулся парень

— А наш столик ммм — я не знала как сформулировать вопрос. — у окна?

Ковалевский удовлетворенно кивнул, а потом всё-таки заметил подвох в моем вопросе:

— Только не говори... — я не дала парню закончить, перебив.

— О том, что до смерти боюсь высоты? — закончила я за него.

Немая сцена, а потом Виталик рассмеялся. Успокоившись, он продолжил:

— Ну, хорошо, что идею колеса обозрения я отмел одной из первых.

В этот момент лифт остановился и двери распахнулись. Нас встретила приветливая девушка — хостес и, узнав детали брони, дождавшись, пока мы оставим верхнюю одежду в гардеробе, повела в направлении заказанного столика.

Раньше я никогда не была в этом месте. Ресторан оформили в бежево-кофейных тонах. Здесь было много стекла, а столы были покрыты безупречно белыми скатертями. Ну а главным элементом помещения, бесспорно, являлись панорамные окна, благодаря которым, в сумме с приглушенным светом и темнотой на улице, создавалось полнейшее ощущение, что ты просто паришь над городом.

Девушка подвела нас к столику, выбранному Виталиком, и поспешила удалиться, уступая место официанту. Я села, старательно изучая меню, пытаюсь не смотреть в сторону окна. Когда, наконец, выбор был сделан, прятать взгляд было уже невозможно, и я посмотрела на Ковалевского. Парень внимательно изучал меня.

— Что? — я не выдержала его взгляда и спросила.

В ответ он улыбнулся и покачал головой:

— Как тебе это удастся?

— О чем именно речь? — уже догадываясь, что сейчас будет какой-нибудь подвох, уточнила я.

— Находить приключения даже в тех местах, где это практически невозможно. Даже сейчас, ты сидишь и старательно избегаешь лишних движений и еще ни разу не посмотрела в сторону окна.

— Я просто смотрю на тебя. — попыталась отмазаться я, но видя, как Виталик вновь расплывается в улыбке, поняла, что парень нифига мне не поверил.

Принесли напитки. Проследив за моим вопросительным взглядом, направленным в сторону стакана с виски, Ковалевский ответил, избавляя от лишних вопросов:

— Назад на такси, если ты не против.

Я кивнула, беря в руки бокал с ярко рубиновой жидкостью, а Виталик продолжил:

— За тебя. Пожалуй, самую удивительную девушку, которую я встречал.

Сердце снова предательски ёкнуло. Сейчас мне было абсолютно плевать, что конкретно Ковалевский подразумевает под моей удивительностью, пусть даже в виду имелось мое уникальное умение оказываться в ненужное время в ненужном месте или фантастический навык попадать в дебильные истории.

Я сделала пару глотков и, наконец, посмотрела в окно. Надо отдать Виталику должное, он действительно выбрал самый лучший столик в ресторане. С нашего места открывался поистине чарующий вид на исторический центр города. Подсвеченный тысячами разноцветных огоньков, в темное время суток он смотрелся крайне эффектно, особенно с такой высоты. Благодаря тому, на каком этаже мы находились, на горизонте был даже заметен экспоцентр, на подсветку которого также не поскупились, и теперь он виднелся

ярким кораблем, среди темноты примыкавшего к нему парка.

От увиденного, захватывало дух, и не только по вине моей дурацкой фобии. Это просто было безумно красиво.

Подали ужин. Думаю говорить о том, что кухня в таком заведении была безупречной, излишне. Мы разговаривали на самые разные темы, понемногу, узнавая друг о друге больше. Профессия Ковалевского, наконец, перестала быть для меня загадкой. Он уже закончил университет, и, как я предполагала, его специальность была далека от архитектуры. Выучившись на кафедре финансового менеджмента, Виталик получил работу в одной из корпораций, как-то связанных с семейным бизнесом по материнской линии. Так же тайной перестал быть и возраст парня. Ему было 25 лет.

В какой-то момент Ковалевский сказал, что ему надо отлучиться, а через несколько минут вернулся с заговорчески веселым видом.

— Пойдем. — сказал он и протянул мне руку.

Я откровенно не понимала, что могло прийти в его не совсем светлую голову, но руку все-таки приняла.

— Только придется накинуть пальто. — добавил Виталик, поясняя нашу остановку у гардероба.

Мне оставалось только пожать плечами. Бежать с подводной лодки было уже некуда.

— А еще ты закроешь глаза.

Тут мои брови покинули отведенные для них привычные места и двинулись вверх, однако, ничего не сказав, я накинула пальто и зажмурилась. Ковалевский, по всей видимости, остался доволен, поэтому взял меня за руку и повел в известном только ему направлении.

Переступив порог, за нами хлопнула дверь, приглушая звуки музыки. Зал ресторана остался позади. Перехватив мою руку другой, Виталик положил вторую мне на талию и аккуратно, ни на секунду не отпуская, повел вверх по лестнице. Через пару пролетов мы остановились. Ковалевский встал позади меня, одной рукой обнимая за талию, второй же для полной надежности, прикрыл мои глаза.

Он открыл дверь и в лицо ударил холодный ветер, однако после первого порыва, на улице стало спокойно и практически тихо, только где-то далеко внизу слышались звуки проезжающих машин.

— У моей мамы есть одна теория, которую я с недавних пор полностью разделяю. Она считает, что для того, чтобы избавиться от страха, нужно просто понять, что ничего пугающего в нем на самом деле нет. — начал говорить Виталик.

— Если это боязнь пауков, — продолжил он, медленно двигаясь вперед, — то тебе просто необходимо пойти в террариум и найти там самого милого и мохнатого, — усмехаясь говорил парень, а я задумалась. Уж не про себя ли он сейчас рассказывает, а Ковалевский продолжал, — и ты должен испытать к нему как минимум нейтралитет.

— А как максимум? — спросила я.

— Как максимум, наверное, проникнуться теплыми чувствами и прикупить себе парочку. — ответил Виталик со смехом в голосе.

А я начала говорить с небольшой дрожью в голосе, понимая, к чему он ведет:

— А если у тебя страх высоты... — начала я, но Ковалевский не дал мне закончить предложение, убирая руку от моего лица, перемещая ее на талию, где сомкнул плотным кольцом, уверенно и крепко держа меня. Его голова в этот момент легла на мое плечо, а я,

сделав глубокий вдох, открыла глаза.

Первым моим желанием было закричать. Но Виталик надежно держал меня в своих объятиях, тихо нашептывая на ухо о том, что всё в порядке, и я решила осмотреться.

Мы стояли на летней террасе, которая сейчас, естественно, не работала. Края ее были надежно защищены сплошными периллами с деревянной отделкой, которые на уровне талии переходили в высокие прозрачные экраны, из-за которых на крыше было так тихо и практически безветренно.

И в этот момент, я поняла, что мне не страшно. Абсолютно. Я не знаю, чем обязана такому умозаключению. То ли виной всему было вино, выпитое в ресторане, то ли присутствие парня, который ни на мгновение не отпускал меня, иногда прижимаясь губами к моей шее, а может дело и вовсе в здравом смысле, который подсказывал, что конструкция террасы абсолютно безопасна. Так или иначе, я поймала себя на мысли, что стою и получаю удовольствие.

В какое-то мгновение руки парня скользнули вдоль моей кисти, и я ощутила небольшой предмет на своем запястье. Я подняла руку на уровень глаз и обнаружила изящную золотую цепочку — браслет, сомкнувшуюся на моей руке.

Это была в меру толстая ниточка аккуратного плетения без всяких узоров, но почему-то я понимала, что здесь есть что-то еще. Всё прояснилось, когда я развернула руку тыльной стороной к лицу. Дело было в замочке. Аккуратная маленькая машинка, под которую была стилизована застежка, надежно соединяла две части цепочки.

Я не смогла сдержать улыбку, а Виталик прошептал мне на ухо:

— Чтобы ты не забывала, с чего всё началось.

Глава 9

Еще не открыв глаза, я поняла, что система дала сбой, и я лежала в кровати не одна. Я аккуратно повернулась, пытаясь особо не шевелить руку Ковалевского, лежащую у меня на бедре. Однако, перевернувшись лицом к парню, я увидела, что он уже не спит.

— Доброе утро. — потянувшись, сказала я с улыбкой.

— Доброе. — парень подвинулся ко мне ближе и потерся головой об мою щеку

— Ты этот прием у Ромчика перенял? — спросила я у Виталика, сильно напоминавшего сейчас моего, кота, отчаянно любившего таким образом привлекать мое внимание по утрам.

— Он сказал, что это рабочий метод. — усмехнулся Ковалевский.

— Ууууу, как всё плохо, уже и с котом заговорил. — прокомментировала я, параллельно перебираясь на Виталика.

— К такому повороту событий он меня не готовил. — в ответ на мое поведение заметил он, притягивая меня к себе за вырез майки, в которой я спала.

И вновь, как в первый раз, я абсолютно теряла над собой контроль. Мозг переставал реагировать на команды и просто уходил в автономный режим. Интересно, когда-нибудь к этому выработается привыкание?

Через пол часа, приняв душ, мы сидели на диване в холле и пили кофе. Компанию нам составлял Ромео, который, как легко догадаться, занял место отнюдь не на моих ногах.

— Лесь, — голос Ковалевского внезапно стал серьезным, что меня абсолютно не радовало, — ты же понимаешь, что сегодня будешь не одна?

Я старательно отгоняла от себя мысль о сегодняшней встрече. Конечно, я понимала, что это неизбежно, и остановить время я не в силах, но размышления о предстоящем разговоре с Волковым я откладывала до последнего.

Я молчала, а Виталик продолжил:

— Мы сделаем так, как он хочет. Ты встретишься с ним, но всё это время я и еще несколько моих, — он на пару секунд замялся, — знакомых, будем за тобой наблюдать.

— Это те самые знакомые, с которыми в свободное от работы время, вы прячете трупы под подъездом? — я пыталась пошутить, но мой голос предательски дрогнул, что не осталось незамеченным Ковалевским.

Он поставил кружку на журнальный столик, повернулся ко мне и, нежно взяв мою голову в свои руки, посмотрел мне в глаза. А потом сказал:

— Если этот мудака хотя бы пальцем притронется к тебе, мне действительно придется искать место для того, чтобы спрятать труп.

Почему-то от этих слов мне стало смешно, видимо, нервы работали уже на пределе своих возможностей, иногда давая такие сбои. Убедившись, что я успокоилась и могу адекватно воспринимать информацию, Ковалевский четко и ясно объяснил, что будет от меня требовать Волков. Он дал мне полный инструктаж как, что и когда отвечать.

Мы договорились, что при малейшем неадекватности со стороны бывшего друга, я просто уйду, а при попытке Димы меня задержать, вмешается Виталик со своими «знакомыми». Я молча кивала головой, отчаянно надеясь, что никаких «если» у нас не будет, и всё пройдет хорошо.

Без пяти минут три, я стояла на пороге большого торгового центра в самом сердце города. Людей, не смотря на будний день и далеко не позднее время, было более чем достаточно. Я сжимала телефон, стараясь не оглядываться по сторонам, потому что судя по моему внутреннему состоянию, мой взгляд сейчас далек от адекватности, поэтому лишней раз пугать людей своим видом я не решалась.

Ровно в три часа мой мобильный заиграл своей привычной мелодией, и я увидела имя абонента, желавшего со мной поговорить. Волков. Какая пунктуальность, ровно в три! Я нервно усмехнулась и нажала на зеленый значок.

— Привет подружка, — сказал мой собеседник, и не давая ответить, продолжил.

— Видишь на противоположной стороне дороги небольшое кафе с фиолетовой вывеской?

Я кивнула, а потом, понимая, что Дима меня не видит, хотела ответить, но он опять опередил:

— Как ты понимаешь, я жду тебя там. — на пару секунд замолчал, а потом продолжил. — И давай без глупостей, я знаю, что ты не одна, поэтому, если сейчас ты начнешь кому-то позвонить, я просто уеду. И да, я тебя вижу.

Без всяких «если», говорите? Ковалевский и компания ждали нас где-то на территории торгового центра, и наш блестящий, теперь уже в кавычках план, даже не предполагал такого варианта, что мы с Волковым можем просто пойти в другое место.

Я выругалась себе под нос и направилась в указанное бывшим другом кафе. Этот чертов криминальный авторитет, судя по всему, не один десяток фильмов про преступников пересмотрел, готовясь к нашей встрече. Мозг отчаянно твердил, что пора сваливать, но я заставляла ноги нести меня в нужном направлении.

Через пару минут я была уже у входа в заведение. Еще раз ругнувшись, я открыла входную дверь. Дима сидел за столиком расположенным в углу возле окна. Он, как ни в чем не бывало, потягивал кофе, а увидев меня, приветливо помахал рукой.

Меня слегка передернуло и захотелось снова выругаться, вспоминая все эпитеты,

которыми Виталик обычно одаривал Волкова, но я понимала, что такими действиями сделаю только хуже. Поэтому я выдавила из себя некое подобие улыбки и направилась к столику.

Я повесила пальто на вешалку, расположенную неподалеку, и заняла место напротив Димы.

— Отлично выглядишь, — парень пытался показаться обаятельным, но, даже не смотря на теплый свитер, в котором я осталась, хватило пары его слов, чтобы по моей коже пробежался ледяной морозец.

— Спасибо. — я снова натянула на лицо что-то похожее на улыбку.

Подошла официантка, и я заказала зеленый чай, а после того, как она удалилась, начала разговор. Долго любезничать с Волковым в мои планы не входило, наоборот, хотелось бежать от него со всех ног.

— Чего ты хочешь, Дима? — я собрала остатки самообладания и посмотрела ему в глаза. От его холодного взгляда меня еще раз передернуло.

— Правильнее спросить, чего ты хочешь, Леся? — ответил вопросом на вопрос Волков.

Он точно пересмотрел какой-то детективной фигни. Меньше всего мне сейчас хотелось вновь чувствовать себя героиней какого-то дешевого фильма. Поэтому я сделала так, как говорил Виталик — перешла сразу к делу.

— Ты должен дать показания против Белова. Сказать, что это он стоит за всей историей.

Нет, всё же я вновь ощутила знакомое чувство и ждала, пока режиссёр скажет: «Воронцова, больше экспрессии». Всё звучало настолько глупо, что я сама слышала свой голос как будто со стороны. Однако Виталик вчера дал понять, что ему эта история понятна, как ясный день.

Сажать Львовича за решетку никто не собирался, сутью было его отстранение от выборов. Сейчас же Ковалевский делал с моей помощью практически тоже самое, но в направлении конкурента отца.

Если Волков даст показания против Белова, то дело, якобы открытое на Бондаря будет закрыто, и его честное имя восстановлено. Сергей Викторович, естественно, так же ни к какой ответственности за это не привлечётся. Вопросы стояли только в суммах, потраченных обеими сторонами для решения своих проблем.

— И что же мне за это будет?

— Ты хотел сказать, во сколько нам это обойдется? — в этот раз не выдержала и исправила его уже я.

Мой голос находился на опасной границе грубости, поэтому я была очень благодарна официантке, которая именно в этот момент принесла мне чай. Сделав глоток горячего напитка, я немного успокоилась. А в это время Волков достал ручку и написал на салфетке желаемую сумму. Я кинула взгляд на цифры, выведенные Димой, и первые мои мысли были выплеснуть содержимое кружки ему в лицо, а потом я посмотрела в его глаза и окончательно всё поняла.

Судьба сыграла с Волковым злую шутку. Парень, который все последние годы мечтал о красивой жизни, наконец, дорвался до денег и некого подобия власти. Весь тот блеск в его глазах, являлся не чем иным, как огромной человеческой жадностью. В какой-то момент мне даже хотелось попросить его одуматься, но потом воспоминания с того самого злополучного вечера в клубе захлестнули в мою голову, и я засунула все свои высокие

моральные принципы куда подальше. С этого момента я была полностью солидарна с Виталиком. Мне было абсолютно все равно, что может случиться с этим человеком в дальнейшем.

Я молча кивнула, соглашаясь с условием Волкова. Парень улыбнулся, весьма гадко, как мне уже казалось, а потом спросил:

— Может, как всё закончится, уедешь со мной, я теперь тоже весьма обеспечен. — закончил он, после чего мерзко хохотнул.

Эта его фраза окончательно подтвердила все мои предположения.

— Спасибо, но воздержусь. — псевдо улыбка уже надежно приклеилась к моему лицу.

— Он тебе так важен?

— Да, с первой лекции так зацепил, теперь просто не представляю универ без Львовича. — я решила включить дурочку. Волков был последним человеком, с которым я бы стала обсуждать Ковалевского.

Хвала небесам, но до него это, кажется, дошло, и мы вернулись к основной теме:

— Я даже согласен пойти на уступки.

Я вскинула брови в знак вопроса, а Дима пояснил:

— Пятьдесят на пятьдесят. Половина до моих показаний, половина после.

Что ж ты будешь делать с этими деньгами, если тебя повяжут, недоделанная звезда преступного мира? Однако, о таком варианте Виталик меня также предупреждал. Так как выбора у нас не было, пришлось согласиться.

Я в очередной раз кивнула в знак согласия, а Волков, указав взглядом на мой телефон, сказал:

— Звони своему ненаглядному.

Крепко сжав кулаки под столом, я успокоила себя мыслью о том, что осталось совсем немного. Я набрала Ковалевского, который, судя по голосу, пребывал просто в бешенстве, однако от лишних высказываний смог воздержаться.

Моя миссия на этом еще не была закончена, но дальше, всё на удивление, шло по первому варианту нашего плана. Волков направился в свою машину. Я уже даже не задавалась вопросом, за какие заслуги парень удостоился автомобиля. Я же в это время забрала у Виталика первый конверт. Столько волнения во взгляде Ковалевского, чем в момент, когда он передавал мне деньги, я не видела никогда. Я попыталась ласково улыбнуться, показывая, что всё в порядке и направилась в автомобиль Волкова.

Пересекаться с Виталиком он по-прежнему отказывался на отрез, в принципе, я его понимаю. В полной тишине мы приехали к нужному зданию, и я осталась в машине одна.

В планы Ковалевского не входило подставлять Волкова, по крайней мере, сейчас. Его целью было снятие обвинений с отца. Дима в этот раз так же соблюдал свою часть обязательств честно. Через полчаса он вернулся в машину, а еще через пять минут раздался звонок моего телефона, и Виталик сообщил, что всё в порядке.

Спустя десять минут, я уже передавала второй конверт довольному Волкову.

— Вот и всё. — подвел итог парень.

— То есть, претензий к Ковалевскому у тебя нет? — спросила я.

— Будем считать, что нет. Думаю, мы остались довольны сотрудничеством и больше не увидимся.

Я ухмыльнулась и, облизнув губы, произнесла:

— Тогда это лично от меня.

И резко ударила парня коленом между ног. Пока он стоял согнувшись, я развернулась и гордо расправив спину, направилась к машине Виталика. После содеянного мне заметно полегчало.

Когда я открыла дверь в машину Ковалевского, он просто откровенно ржал. А мне оставалось пожать плечами и сесть рядом. Однако, веселье длилось недолго. Виталик быстро вспомнил, почему мы здесь оказались, и поспешил поскорей убраться подальше от мест недавних действий.

Только остановившись на парковке моего дома, он заговорил:

— Прости, что втянул тебя во все это.

— По-моему, я сама начала. — встряхнув браслетом, ответила я.

— Ты не понимаешь. — вдруг тон Ковалевского стал очень серьезным, и я поняла — он действительно сильно переживал за меня.

Я сделала уже привычное действие: вдох — выдох. А потом продолжила:

— Я все понимаю. Но у нас ведь получилось?

На несколько секунд мне показалось, что Виталик думает с ответом, но потом я услышала уверенное:

— Да, теперь всё хорошо.

Он притянул меня к себе через ручку переключения передач и нежно поцеловал. Всё вроде было так, как и обычно, но какая-то мысль на задворках сознания навязчиво твердила: что-то изменилось. Этот поцелуй был каким-то другим.

Мы поднялись в квартиру, но в этот раз на ночь Виталик не остался. Он пробыл у меня около часа, после чего уехал домой. Хотя убейте, может я параноик, но мне показалось, что он чего-то недоговаривает.

Весь остаток недели я провела в забегах по универу, пытаясь внятно объяснить свое отсутствие в течении двух дней. Для старосты — бюджетницы, затраты на чье обучение покрывает попечительский совет, поверьте, это дело не из легких. С Ковалевским после событий среды я виделась один раз в универе.

В пятницу вечером с учебы нас с Лизой забирал Глеб. Я удобно развалилась на заднем сиденье его машины, когда парень спросил:

— Какие планы на выходные?

Я пожалала плечами и ответила:

— Лежать с котом на диване и надеяться, что, наконец, включат отопление? — у меня получилась слишком вопросительная интонация, как будто я спрашивала у соседа, нормальный ли это вариант.

— Как всё запущено.

Мои плечи во второй раз дернулись:

— Виталик еще занят делами отца, — я посмотрела в зеркало заднего вида, в отражении которого виднелись глаза соседа и, судя по азартному блеску, он явно спрашивал это не просто так, — Основский, говори по хорошему, что ты задумал!

— Нууууу тут в редакции... — начал издали Глеб, но я сразу поняла, к чему он клонит.

— Нет! — в миг резко отреагировала я.

— Ну Лесь, последний раз!

— Даже не проси! — я была непреклонна.

В этот момент дверь машины открылась, и Михайловская села на переднее сиденье. Она

посмотрела на меня, потом на Глеба, а затем спросила у парня с улыбкой:

— Что, не соглашается?

— И ты туда же? — я думала, что хотя бы подруга будет на моей стороне.

— Кстати, почему бы тебе самой не пойти и не поддержать его? Он твой парень как-никак.

— Я пас. — сказала подруга, изобразив жест говорящий о том, что она умывает руки. — У нас семейный выгул спиногрыза, так что на этих выходных я абсолютно недоступна. Да и так эффектно с предложенной ролью я не справлюсь никогда. Эта игра просто создана для тебя. — закончила Лиза и рассмеялась.

Дело в том, что у друзей Глеба с работы была традиция. Ну как традиция, вариант проведения досуга. Несколько раз в год они собирались компанией, чтобы поиграть в некое подобие фантов. Как легко догадаться, в один из таких раз, Основский, черт его за ногу дернул тогда, решил взять с собой меня. Ну а я, будучи молодой и наивной, легко согласилась, не почувствовав подвоха. Ну, говорю же, зеленая еще была.

Правила мне показались до безумия простыми, а суть игры веселой. Все участвовавшие писали на листочках задания, которые нужно было выполнить. Счастливчик, который будет вытягивать фант, определялся очень просто — обычной партией в дурака.

Соглашаясь тогда, я не учла двух моментов. Первое — это фантазия горе — журналистов, которая, как оказалось, не знает ни конца, ни края. А еще жалости и пощады. Ну и второе — я абсолютно паршиво играю в карты.

Ну что, вы уже догадались, кто лез на руки к памятнику Пушкина, чтобы поцелуем выразить свое почтение Александру Сергеевичу? А кто пару месяцев рисовал себе брови, потому что со старыми пришлось распрощаться? Ну и, наконец, кто заходил в рай отдел прокукарекать, заработав потом долгий разговор с Алексеичем, нашим местным добрейшим участковым, который по жизни искренне не понимал, откуда же такие придурки на его голову берутся.

С тех пор я самый желанный гость этого мероприятия, потому что, какие бы мне задания не выпадали, я никогда не устраивала сцен, а придерживалась принципа — если согласилась, тогда делай и не ной. А ну и еще потому, что я была сказочной неудачницей в игре в дурака.

— Глеб, я сказала, отстань.

— Последний раз! Я потом даже не буду приставать к тебе с этим вопросом! И даже внепланово помою окна перед очередным приездом театра.

Это был весомый аргумент, однако, улыбнувшись к удивлению Основского, добавила:

— Думаю, в следующий раз я справлюсь с ними сама. И у тебя каждый раз последний!

Сосед вопросительно посмотрел на меня, но потом отмахнулся, и спрашивать ничего не стал. Мы тронулись, а Глеб всё не унимался:

— Значит завтра в шесть.

Я понимала, что с тем же успехом я могла начать спорить с деревом, да откровенно говоря, и сама уже думала, не согласиться ли. До откровенного членовредительства дело никогда не доходит, всё-таки существует негласное правило не перегибать палку, ведь суть игры — развлечение, а не порча отношений и нанесение травм. Ну а еще, относительно первого раза, я стала значительно реже оставаться в дураках, поэтому теперь могла позволить себе повеселиться, наблюдая за тем, как выполняют свои задания другие, а не отдуваться в одиночку за всю честную компанию.

— Всю следующую неделю ты отвозишь меня в универ! — озвучила я свое условие.

Глеб засветился, как новенькая лампочка, понимая, что победил в наших маленьких дебатах:

— Могу даже до машины доносить. — со смехом добавил сосед.

А Лиза, закатив глаза, прокомментировала:

— Мало тебе дозы приключений на задницу, запланированных твоей судьбой на регулярной основе, ты еще и дополнительную программу выполнить решила.

Основский шикнул на свою девушку, боясь, видимо, что от ее слов я передумаю, однако, отказываясь от предложения Глеба я уже не планировала. После такой недели бездумные развлечения в компании подвыпивших журналистов уже не казались настолько плохим вариантом.

Вечером приехал Ковалевский, вид у него был достаточно усталым, однако весьма довольным.

— С отца сняли все обвинения. — начал парень с порога.

Сказать, что эта новость меня обрадовала — это практически ничего не сказать. Я обняла его и с облегчением выдохнула. Если Белов больше не предпримет никаких попыток устранить конкурента, то всё будет хорошо. До выборов оставалось меньше трех недель.

Ковалевский не стремился отпускать меня, и я уже начала думать, не уснул ли он грешным делом. Однако, Виталик развеял мои сомнения, негромко сказав:

— Если бы не ты, ничего бы не получилось. Спасибо!

Я подняла голову и посмотрела ему в лицо. Парень убрал прядь волос, упавшую мне на глаза и поцеловал.

— Какие планы на выходные? — поинтересовался Виталик, отпуская меня.

Я немного замялась, надеясь, что мой рассказ о развлечениях компании Глеба не повергнет его в шок.

— Думали с Основским встретиться с ребятами из редакции. — начала я издали.

— Только не говори, что тоже участвуешь в этой дурацкой игре. — посмотрел на меня Ковалевский с нескрываемым удивлением.

— А ты то хоть откуда знаешь?

— Нуууу, — как-то неопределенно ответил Виталик, проходя в холл.

Я не отставала, поймав его за руку, развернула лицом к себе и, заглянув в глаза, настоятельно посоветовала:

— Рассказывай!

Ковалевский рассмеялся, но сопротивляться не стал:

— Года три назад имел несчастье принять в этом участие.

— И как?

Вместо ответа, Виталик освободил свою руку и, потянув свитер вверх, обнажил правый бок. Я пригляделась и не смогла сдержать хохот.

Как я ее раньше не заметила? Сбоку на ребрах в таком незаметном месте на теле Ковалевского притаилась маленькая татуировка с изображением, внимание, профиля мужского лица.

Я присмотрелась и рассмеялась еще сильнее.

— Ну что, узнала? — с усмешкой поинтересовался парень.

Пытаясь перестать давиться смехом, я кивнула. Не узнать очертания человека, рядом с которым живешь уже не первый год весьма сложно.

— С этого мгновения я официально перестаю считать себя неудачницей в этой игре. — мне, кажется, удалось немного успокоиться.

— А ты, видимо, та самая ценительница золотого века русской литературы, решившая сообщить Пушкину о своих чувствах лично?

— Твой брат — трепло. — констатировала факт я. — В свое оправдание могу сказать, что на твоём фоне мои скромные достижения просто меркнут.

Я не выдержала и чмокнула Ковалевского в кончик носа, пока парень думал, чего бы мне ещё ответить.

— В принципе, — к моему удивлению заговорил Виталик, — я бы мог составить тебе завтра компанию. — он выжидающе посмотрел на меня, после чего добавил. — ну чтобы доказать, что пальма первенства в выборе самых отборных заданий неоспоримо принадлежит тебе.

И не дожидаясь моего ответа, схватил на руки и завалил на диван.

Когда в пять часов вечера следующего дня Основский увидел нас с Виталиком вдвоём на пороге своей квартиры, он едва сдерживал смех:

— Я не ошибусь, если скажу, что сегодня нас ждёт битва титанов?

— Смотри, как бы не стал в ней победителем. — осадил брата Ковалевский.

Глеб одел куртку, и мы выдвинулись по направлению к метро. За руль сегодня никто не собирался садиться, потому что без употребления некоего количества горячительных напитков, вдохновения выполнять задания не было ни у кого.

Осень уже окончательно чувствовала себя хозяйкой положения. Воздух редко прогревался больше чем на пять градусов выше нулевой отметки, а деревья практически окончательно расстались с некогда пышным летним убраньем, устелив остатками листьев тротуары и газоны.

В целом, погода сегодня была к нам благосклонна, дождя не ожидалось, а это значило, что дополнительных трудностей при выполнении заданий на улице, которые, наверняка будут, не возникнет. Я поправила воротник куртки, поежившись от внезапно налетевшего порыва ветра, и взяла Виталика за руку. Прикосновение его теплых пальцев к моей ладони мгновенно подарило ощущение счастья и уюта.

Мы зашли в метро, и я сняла капюшон, встряхнув распущенными волосами. Моя одежда сегодня была по максимуму практичной — кожаные сапожки на плоской подошве, синие джинсы, бежевая теплая куртка до середины бедра и оливковый свитер крупной вязки, прекрасно подчеркивающий цвет моих глаз, за что я его безмерно любила.

К назначенному времени мы приехали в бар в центре города, где обычно встречались с ребятами. Сегодня нас собралось шесть человек — Сережа и Катя, неразлучная парочка, которая была на дне рождения соседа, а так же Андрей — достаточно молчаливый коллега Глеба, который, однако, в нужный момент мог рассказать какую-нибудь невероятную историю, которую все бы слушали затаив дыхание, собственно сам Глеб и мы с Виталиком.

Мы поздоровались с ребятами, а Андрей, глядя на наши переплетенные с Ковалевским пальцы заметил:

— Резонно было предположить, что эти двое рано или поздно сойдутся. Даже не знаю, кто является более ценным экспонатом.

Я улыбнулась, но мерзкий голосок в душе не забыл намекнуть о том, что особенностью наших отношений является срок годности. Мы расселись за круглым столом, заказав пиво, Сережа достал большой блокнот и ручку, в котором что-то написал. Оторвав листок, он

сложил его и положил в свою бессменную шляпу, передав блокнот Кате, которая написала свое задание следующим.

К тому времени, когда нам принесли напитки, все листки с заданиями были спрятаны, и, произнеся тост за удачу, мы начали игру. Сперва нас ждало шесть раундов карточного поединка, после которых по количеству проигрышей, каждый вытаскивал необходимое количество фантов.

Удача сегодня, наконец, вспомнила о моем существовании. И к моменту раздачи заданий я сидела всего с одним поражением. Я первой, сильно зажмурившись, вытянула свой листочек. Следом за мной свои карточки в количестве одной штуки вытянули Андрей и Катя. Ковалевский с улыбкой чеширского кота чокнулся своим бокалом с Серегой, который сегодня так же остался без наказаний. Ну а звездой вечера стал Основский, который своим неумным сарказмом, видимо, разгневал своих небесных покровителей и умудрился схлопотать целых три фанта.

Первой листок развернула Катя, и, пожав плечами, произнесла:

— Выпить три «ерша»? Глеб, ты серьезно? — спросила она, одарив соседа скептическим взглядом.

— Я думал, что сам вытащу ее. — стушевался Основский, вызвав хохот остальной компании.

Дальше шел Андрей, которому полагалось станцевать стриптиз на барной стойке. Прочитав текст, парень посмотрел на Серегу, который развел руками и произнес:

— Я надеялся, что этот листок вытянет Леська.

Я чуть не подавилась пивом, а ребята вновь засмеялись. Настала очередь Глеба, вид у которого напоминал заключенного, ведомого на эшафот. Основский с шумом выдохнул и начал зачитывать свой список наград.

— Сделать эпиляцию ног.

Он сглотнул, а потом посмотрел на Катю, которая, как ни в чем не бывало, сказала:

— Я тоже думала, что она попадется мне.

Хохот уже практически не прекращался, а сосед продолжил:

— Пройтись по центральной пешеходной улице в костюме госпожи (господина).

Андрей, пытаясь успокоиться, пробубнил:

— На самом деле, я тоже надеялся на Лесю.

Я отсалютовала ему бокалом и приготовилась выслушать третье желание Глеба.

— Сделать пирсинг пупка? — вопросом зачитал Основский содержимое третьей бумажки.

Я растянула губы в самой обворожительной улыбке и сказала:

— Ты сам умолял меня пойти с тобой.

Не озвученным остался только мой фант. Я развернула листок и сразу поняла, кому принадлежит задание.

Я знала все подчерки ребят, этот же ровный и красивый, я видела в первый раз.

Я подняла глаза на Ковалевского и по его взгляду поняла — он отдавал полный отчет в том, что это задание может достаться мне. Сердце сделало несколько звучных ударов, и я произнесла:

— Прыгнуть с парашютом.

Глава 10

Мы выпили еще по бокалу пива, а я до сих пор пребывала в состоянии транса. Он знал,

он абсолютно точно знал, что я могу вытащить эту чертову бумажку. Более того, он надеялся, что я ее достану.

Когда компания начала потихоньку вываливаться на улицу, я улучила момент и оттащила Виталика подальше от шумного обсуждения предстоящей расправы над Основским и спросила:

— Зачем ты это сделал? — я видела улыбку парня, которая сейчас только распалила мое недовольство.

— Ты отлично понимал, что я могу вытянуть этот несчастный листок!

— Я на это и рассчитывал.

Эти слова были точкой моего кипения. Ковалевский же, по-видимому, совсем не понимал, что стоять на крыше отлично спроектированного бизнес центра и прыгать в чертову бездну с мать его парашютом, было абсолютно разными вещами.

Я судорожно выдохнула, после чего посмотрела на парня. Он был спокоен как слон, меня же, наоборот, переполняли эмоции.

— Ты до сих пор думаешь, что будешь там одна?

Эти слова выдернули меня из гневных мыслей.

— В смысле? — я с недоверием уставилась на Виталика.

— Ну как ты там себе уже накрутила? Помирать?

Я в непонятках моргала, но сказать хоть слово не решалась, а парень продолжил:

— Ну, вместе помирать будем. Разобьешься ты — разобьюсь я, раз тебе так уже решила закончить жизнь обычным прыжком.

Я переваривала сказанное:

— То есть ты прыгнешь со мной?

— Ну, правильное было бы сказать наоборот, но глядя на то, что ты выбираешь, как бы разнести мою голову, я позволю согласиться.

В этот момент мне вновь показалось, что я ничего не знаю о человеке, который сейчас стоял напротив меня, но посмотрев в его глаза, я поняла, что просто не могу больше бояться или злиться.

Мы вернулись к ребятам, которые как раз заталкивали Катю в такси. Сережа руководил процессом, одновременно успевая проклинать Основского, что лишил его возможности посмотреть за дальнейшими действиями. Однако, придя к выводу, что Глеб сам себя наказал, уселся в машину и, пожелав веселого вечера, уехал укладывать не совсем вменяемую невесту.

Мы вернулись домой глубоко за полночь. Соседушка был просто блистателен, его образ в блестящей коже еще долго не выйдет из моей головы, а Лизу, наверняка, порадуют его безупречно выбритые ноги и аккуратное розовое сердечко в пупке. Думаю, это внесет в их эротическую жизнь новые краски.

Как только дверь в квартиру Основского захлопнулась, Виталик резко притянул меня к себе, не дав даже повернуть ключ в замке входной двери.

— Я мечтал об этом весь вечер. — сказал парень, и жадно поцеловал

Я, прижатая спиной к двери, пыталась открыть замок, который как назло никак не хотел поддаваться, в итоге, не прерывая поцелуй, далеко не с первой попытки, мне это удалось.

Первые ненужные вещи упали на пол уже на пороге. Ромео, вышедший в коридор, чтобы встретить пришедших, мигом понял, что сейчас является лишним, и быстро поспешил

удалиться. Я ногой захлопнула дверь, параллельно стягивая свитер с Ковалевского.

Я хотела его. Сильно. А он хотел меня. Мы даже не успели добраться до кровати. Диван оказался таким удобным, а плед чрезвычайно мягким. Оставшаяся одежда полетела прочь практически с космической скоростью. Это была чистая страсть.

Каждым касанием Виталик давал мне понять, насколько я нуждалась в нем. Я выгибалась навстречу ему, стараясь ни на секунду не отрываться от его тепла. Я любила каждой клеточкой своего тела и души.

Получасом позже, мы уже лежали в кровати, Ковалевский привычным движением накручивал мои волосы себе на палец, а другой рукой нежно щекотал мою талию.

— Мне нужно будет завтра улететь.

Страх ледяным комком сковал мои легкие. На секунду я забыла, как дышать. После чего всё-таки осмелилась спросить:

— Навсегда?

Реакция парня была для меня абсолютно неожиданной. Он улыбнулся и притянул меня ближе к себе:

— Всего на неделю.

Я почувствовала полную беспомощность, но потом сильные руки подхватили меня, перетянув на себя. Я посмотрела на Ковалевского сверху, а он улыбнулся и нежно сказал:

— Просто не переживай.

Вся следующая неделя прошла как в тумане. Я ходила на учебу, Глеб исправно отвозил меня до универа и даже, по мере возможностей, назад домой. Каждый вечер я разговаривала с Виталиком, но всё равно чувствовала, что у меня отобрали кусочек чего-то важного, что делало мою жизнь моей.

Ковалевский не прилетел в субботу, не прилетел и воскресенье. А в понедельник Лиза удивила меня новым витком своей осенней депрессии. После пар подруга, пребывающая явно не в самом добром расположении духа, попросила посидеть с ней в кафе.

По просьбе Лизы мы не пошли в наше обычное послеуниверское место, Михайловская поволокла меня в одну из многочисленных кофеен в центре. Я опустилась на уютный черный кожаный диванчик и с тревогой посмотрела на подругу, устроившуюся напротив.

— Лиз, что случилось? — я не стала откладывать в долгий ящик суть проблемы.

На подруге откровенно не было лица:

— Я беременна.

Я зажмурилась, перевела дыхание, а потом посмотрела в ее серые глаза. В них стояли слезы, и я откровенно впервые видела Михайловскую такой беззащитной. Я не спрашивала ничего, подруга начала рассказывать сама:

— Ночь, когда мы остались на даче Глеба. Я сразу поняла, что-то не так, но постоянно отгоняла от себя эти мысли. — подруга нервно усмехнулась, не переставая перебирать в руках пакетик с сахаром. — А вчера с утра догадки подтвердились.

Она посмотрела на меня с надеждой, а я действительно не знала, что сказать. Я никогда не стану великим философом, потому что в нужный момент даже не смогу связать двух чертовых слов. Я проклинала свою неспособность поддержать близких, а Лиза продолжила:

— Мы не случайно сюда приехали. Лесь, — она с надеждой посмотрела на меня. — я сделаю аборт. Клиника через дорогу.

Всё это было просто дурацким сном, от которого я опять не могла отделаться. Никто не

хотел дать мне пощечину, чтобы выдернуть, наконец, в реальность, где у нас всё было как раньше спокойно и хорошо. В какой-то момент я поняла, что всё же это явь, и никто кроме меня Лизе не поможет:

— Глеб знает? — я оторвала глаза от кофе, которое без перерыва мешала последние минут пять, и поняла, что попала в точку. Основский ничего не знал.

Лиза молчала, бегая глазами между кружкой своего чая и салфеткой, которую теперь принялась дергано перебирать в руках.

— Ему это не нужно. Его семья... — подруга сбивалась, перепрыгивая с мысли на мысль. — моя семья. Боже, Лес, я такая дура!

— Почему ты не рассказала ему? — я настаивала на своем.

— Какой ребенок, подумай сама! — практически переходя на плач, говорила подруга. — Я всё решила. Через сорок минут меня ждет врач. Мне нужна твоя поддержка!

Я кивнула, в очередной раз заглядывая в красивые Лизины глаза, имевшие свойство менять цвет, перебирая все оттенки серого. Сейчас они были беспокойно темные, оттенка грозовой тучи.

Михайловская немного успокоилась, и я вышла в туалет. Дрожащими пальцами я держала перед лицом телефон и понимала, если сейчас ничего не сделаю, то буду винить себя до конца жизни.

Я не с первого раза попала в записной книжке по нужному контакту, руки отчаянно не хотели слушаться. В трубке заиграла знакомая мелодия.

Наступила тишина, и, не дав соседу ответить, я сказала:

— Лиза беременна. Если ты не приедешь в ближайшие пол часа, она сделает аборт.

Я продиктовала адрес и скинула вызов, поспешив вернуться к подруге, пока та не заподозрила неладное в моем затянувшемся отсутствии.

Вернувшись за столик, я почувствовала, что меня откровенно потряхивает. Я ясно понимала, что сейчас своими действиями могла не просто поставить крест на отношениях Глеба и Лизы, но и на нашей дружбе.

Но я просто не могла сделать по-другому! Если в ситуации с семьей Ковалевского у меня просто не было никакого морального права лезть, и свое отношение к этой ситуации я могла засунуть куда подальше, то здесь я просто не могла промолчать.

Глеб имел право знать правду! Они могут в общем итоге обвинить меня во всем и, возможно, даже будут правы, но сейчас я сидела и надеялась, что всё обойдется. Время от времени я вырывалась из душащих меня мыслей и пыталась как-то разговорить Лизу, всячески стараясь оттянуть момент выхода из кафе.

Подруга уже начала собираться, когда я предприняла последнюю попытку всё исправить:

— Лиз, может не надо принимать таких поспешных решений?

Продолжить развивать мысль Михайловская мне откровенно не дала, резко перебив:

— Лесь, пожалуйста, я уже все решила. Не надо... — подруга опустила глаза и уже гораздо тише продолжила. — Я бы никогда не пошла на такое, окажись в другой ситуации.

Лиза смахнула слезу ладонью и уже уверенно сказала:

— Если ты меня осуждаешь, я всё пойму. Ты можешь не ходить со мной.

Я боялась, что осуждать в скором времени Михайловская будет меня, но, естественно, эту мысль не озвучила, а просто спокойно кивнула головой и потянулась за своей курткой.

Через пять минут мы вышли на улицу. Начиравшийся мелкий дождь полностью

соответствовал моему настроению. Машин, как назло, практически не было, и мы быстро перешли через дорогу, оказавшись на пороге небольшой частной клиники.

Я бегло осмотрела улицу — никаких признаков присутствия Глеба не было. Я очень боялась, что он опоздает. Я боялась, как отреагирует Лиза. Да что скрывать, я вообще просто боялась дальнейшего развития событий.

Подруга замерла на несколько секунд перед входной дверью, после чего потянула ручку на себя, и мы зашли внутрь клиники. Администратор на ресепшене приветливо нам улыбнулась. Лиза назвала свои данные, а также время записи и фамилию врача. Женщина сверила названую Лизой информацию с тем, что видела на мониторе своего компьютера, после чего, вежливо кивнув, предложила оставить куртки в гардеробе и надеть бахилы.

Посетителей в клинике практически не было и, если на первом этаже, нам еще встретила пара людей, ожидающих своего приема, то в коридоре на втором этаже, где располагался нужный подруге кабинет, не было ни души. Мы заняли место на нежно сиреновом диванчике напротив двери, за которой ее должны были принять через несколько минут.

Меня вновь начинало конкретно потряхивать, я беспомощно крутила в руках мобильный телефон, мечтая о том, чтобы Основский всё-таки появился, хотя в голове уже плотно засела мысль, что сосед либо не успеет, либо просто решил не ехать. Я не могла предположить, о чем думал Глеб, и какое решение он для себя принял.

Мы сидели молча. Лиза, зарыв голову в ладонях, а я, рассматривая помещение, в котором мы находились, ожидая приема. Теплый и светлый коридор с уютными диванчиками, расположившимися вдоль стенок, парой больших напольных горшков с растениями, напоминающими фикусы, и фотографиями с умиротворяющими видами природы на стенах, конкретно контрастировал с моим нынешним мироощущением. На душе было абсолютно паршиво.

За своими наблюдениями я не заметила, как дверь кабинета открылась, и девушка в розовом медицинском костюме произнесла:

— Елизавета Юрьевна, проходите, пожалуйста.

После чего она скрылась в кабинете.

Лиза рассеяно кивнула и встала со своего места. Подруга посмотрела на меня и спросила:

— Дождешься меня?

Я сделала усилие над собой и ответила:

— Конечно.

Девушка вымучено улыбнулась и направилась в сторону кабинета. В тот момент, когда ей оставалось сделать буквально пару шагов, раздался голос с противоположного конца коридора:

— Если сейчас ты зайдешь в эту дверь, то больше меня не увидишь.

Я обернулась и, наконец, смогла нормально вздохнуть. Глеб успел.

Таким я не видела соседа никогда. Основский был невероятно зол и напуган одновременно. Он быстрым шагом преодолел разделяющее нас расстояние и остановился в паре метров от Лизы. Девушка так и стояла не шевелясь.

Через несколько секунд, которые, однако, казались мучительно долгими, Лиза развернулась и посмотрела на Глеба, спросив:

— Как ты узнал? — по щеке девушки скатилась непрошенная слезинка, а в глазах было

отчаяние.

— Не так как должен был. — резко ответил сосед, после чего задал Михайловской встречный вопрос.

— Зачем?

Теперь слезы по лицу подруги текли уже уверенными ручьями, однако парень не подходил ближе.

— Я испугалась. — чуть слышно ответила девушка.

— И ты действительно этого хочешь? — кивнув головой в сторону двери кабинета, поинтересовался Глеб.

Лиза спрятала лицо в ладонях, изредка всхлипывая. А потом, едва заметно, отрицательно качнула головой.

— Я бы сейчас мог устроить длинную лекцию о том, насколько неправильно ты себя повела, — вновь заговорил Основский, и я почувствовала, тон его голоса плавно менялся. — однако, заставляя нервничать маму нашего будущего ребенка, наверное, неправильно.

И он улыбнулся! Я не верила своим глазам, а Лиза, по-моему, вообще на какое-то время потеряла связь с реальностью. Когда девушка, наконец, пришла в себя, то, не переставая всхлипывать, кинулась на шею Глебу.

— Всё хорошо. — негромко сказал парень, обращаясь в равной мере ко всем присутствующим.

Они стояли обнявшись, а я понимала, всё будет в порядке. Всё уже в порядке.

Я почувствовала себя лишней и, взяв сумку, стараясь быть максимально незаметной, направилась к выходу. Уже в конце коридора я позволила себе оглянуться, и встретилась глазами с соседом, который беззвучно одними губами прошептал:

— Спасибо.

Я вышла на улицу и вдохнула холодный октябрьский воздух. Дождь прекратился, поэтому можно было спокойно стоять, не боясь промокнуть. Я не знаю, сколько минут мне потребовалась провести, стараясь успокоиться и выровнять дыхание. Когда ко мне все таки вернулась возможность относительно здраво мыслить, я подняла глаза и осмотрела улицу.

На обочине перед клиникой я заметила припаркованную машину соседа и человека, которого здесь не должно было быть.

Ковалевский стоял на тротуаре в нескольких метрах от автомобиля Глеба, запустив руки в карманы теплой куртки, и смотрел на меня. Я подошла к парню и вопросительно взглянула на него.

— Хотел сделать сюрприз. — пожав плечами сказал он. — Когда ты позвонила, он забирал меня из аэропорта.

На дальнейшие расспросы у меня просто не было сил, и я прижалась к груди парня. Он обнял меня, и в этот момент, чувствуя такое близкое и уже родное тепло, я поняла, что просто не могу больше сдерживать копившиеся весь день эмоции, которые сейчас просто переполняли. И расплакалась.

Виталик нежно поглаживал меня по спине, давая возможность успокоиться, и тихо повторял:

— Ты всё сделала правильно.

Мы не стали дожидаться Лизы и Глеба. Им самим нужно было всё обсудить и побыть вдвоем. Ковалевский вызвал такси, которое довезло нас до платной стоянки, где мы пересели в ешку Виталика.

По пути домой мы заехали в магазин, где парень первым делом направился за кормом для Ромео, не забывая уверять меня, что курице кот однозначно предпочитает тунца. В принципе, на этом моменте я сама начала понимать взгляды своего квартирного рыжего монстра, обычно я не заморачивалась с выбором вкуса корма. Выходя из магазина и глядя на Виталика, несущего пакеты к машине, мне так хотелось верить, что теперь так будет всегда.

Отныне каждый день Ковалевский отвозил и забирал меня с учебы, проводя весь оставшийся день рядом. Он оставался у меня на ночь, в ванной даже поселилась его новая зубная щетка, а на полку шкафа переехали несколько футболок. Жизнь потекла размеренно и спокойно, когда вдруг вечером четверга Виталик решил затронуть болезную тему:

— В субботу нам придется встать пораньше.

Я, стоя у плиты и тихо подпевая музыке, раздающейся из динамиков ноутбука, немного не поняла смысла сказанной парнем фразы:

— Зачем? — повернувшись в пол аборта к Ковалевскому, сидящему за барной стойкой и изучающему что-то в своем мобильном, спросила я.

— До обеда обещают практически безветренную погоду и отличную видимость. — ответил парень, видимо, закончивший изучение метеоусловий на ближайшие дни.

— А нам-то с этого что? — искренне не понимала я, внимательно следя за картошкой, которая готова была закипеть в любой момент.

И тут до меня дошло. Ковалевский говорил про один мой мааленький должок, реализацией выполнения которого он, как надо было полагать, занялся. Я отвернулась от плиты и уставилась на парня, сделав глаза максимально, по моей версии, приближенными к тому самому известному мультяшному коту.

— А может, мы скажем всем, что я прыгнула, а ты подтвердишь? — с надеждой задала я парню вопрос.

Однако мой личный мучитель был непреклонен. Он отрицательно покачал головой, даже не собираясь отводить взгляд или как-то поддаваться на мои попытки зрительной манипуляции.

Беда не приходит одна, и через несколько секунд я услышала характерное «пшшшшш», с которым лишнее жидкое содержимое кастрюли с картошкой выливалось на плиту. Я ругнулась, а Ковалевский только ухмыльнулся:

— Куда же делась та бесстрашная принципиальная девушка, которую задевала даже малейшая мысль, о том, что кто-то может усомниться в ее возможности выполнить задание?

Я приподняла брови:

— Основский что, реально так про меня рассказывал?

Виталик утвердительно кивнул, после чего снова уткнулся в телефон. Я убрала последствия недавней попытки побега деталей ужина на плиту, убавила газ, после чего села на соседний с Ковалевским стул.

— Ладно. Максимум из того, что от меня требуется — постараться не умереть от страха? — я попыталась смириться с неизбежным.

— Ну а еще попробовать получить удовольствие. — утвердительно кивая, закончил список моих предполагаемых действий парень.

— Вот тут ничего обещать не могу. — скривилась я, а после добавила. — Хотя у меня есть относительные опасения и по первому пункту.

— Ну ты же знаешь, у меня богатый опыт в том, чтобы найти хорошее место, чтобы спрягать тело. — усмехнулся Виталик, за что заслуженно получил по лбу лопаткой для мяса.

Однако, так просто спустить мне с рук такой поступок Ковалевский не дал, и уже через мгновение я оказалась усаженной на одну из свободных кухонных поверхностей, зажатая в сильных руках парня, который стоял прямо передо мной.

— Ты сама напросилась. — сказал парень, притягивая меня к себе.

В принципе, я уже была абсолютно не против «напроситься», однако для приличия я попыталась возмутиться:

— Ужииин. — получилось очень жалко, и больше было похоже на то, что я прошу забрать меня подальше от плиты.

Поэтому Ковалевский лишь усмехнулся и выключил газ. Закончить приготовление и поесть нам удалось гораздо позже.

В пятницу в универе, наконец, появилась Лиза. Увидев меня, подруга несколько растерялась, однако быстро опомнилась и, улыбнувшись, пошла навстречу. Дело в том, что новоиспеченные будущие родители решили не тянуть и сразу рассказать всё своим семьям. И если с посещением дома Михайловской проблем не было, то чтобы лично сообщить такую новость родителям соседа, друзьям пришлось порядочно проехаться, поэтому последние дни Лиза на учебе не появлялась.

— Привет. — улыбнувшись произнесла подруга, подойдя ко мне.

— Привет.

Я чувствовала, что девушка ощущает себя как-то неуютно. Уж слишком скованным было поведение по жизни бойкой блондинки.

— Как всё прошло?

— Нуууу, скажем, гораздо лучше, чем планировалось. Мои, конечно, поначалу были в легком шоке. На какой-то момент я даже подумала, что у отца теперь всегда глаз дергаться будет.

Я улыбнулась, услышав такую привычную манеру разговора Михайловской, а девушка продолжила:

— Родителей Глеба я, если честно, боялась до жути. Но он всю дорогу компостировал мне мозг о том, что всё будет просто супер, и к моменту приезда я уже даже начала в это верить.

В том, что Основский из кожи вон вылезет, но сделает всё так, чтобы действительно было супер, я не сомневалась ни на секунду. Глеб действительно любил Лизу и всеми своими поступками только сильнее доказывал это.

— И как соседка? Не подкачал? — ухмыльнувшись, спросила я.

Лиза расплылась в довольной улыбке:

— Не подкачал. — подруга повторила мои слова с утвердительной интонацией. — К середине разговора мне уже начало казаться, что его родители уже были давно не против обзавестись внуками и, наконец, выдохнули с облегчением, когда поняли, что Глеб не безнадёжен.

Михайловская мечтательно улыбнулась, произнеся имя своего парня, однако ее лицо быстро стало серьезным, и девушка продолжила уже гораздо тише и неуверенней:

— Лесь, спасибо. Я знаю, что это ты позвонила ему. Если бы тогда Глеб не приехал...

Она замолчала, а я не хотела, чтобы подруга вновь возвращалась к ужасным мыслям этого понедельника, поэтому закончить ей не дала:

— Давай больше не будем вспоминать эту тему. Всё хорошо, а это главное.

Я только успела договорить, а подруга уже кинулась мне на шею, еще немного и я

рисковала бы быть задушенной.

— Только можно я уже не буду плакать? — спросила блондинка.

Я не выдержала и рассмеялась. Я была безгранично рада за своих друзей.

На этот раз синоптики не врали, погода в субботу радовала глаз. Ласковое солнце освещало комнату, намекая, что пора вставать. Я потянулась в кровати, радуясь такому красивому утру, как вдруг мое настроение резко упало на несколько градусов.

Я вспомнила, какой сегодня день. Комок страха, временно откатившийся куда-то на задворки сознания, начал нарастать с новой силой. Я знала, что спорить с Ковалевским абсолютно бесполезно, поэтому даже не планировала начинать это неблагоприятное дело, однако мысль о том, чтобы потеряться где-нибудь на территории аэродрома, намереваясь переждать, пока минует беда, не давала мне покоя.

Виталик еще спал. Я кинула взгляд на его беззаботное лицо и не смогла скрыть улыбку. Ну не могла я злиться на него дольше нескольких минут. Как можно тише выбравшись с кровати, я отправилась в душ, а после успела даже сделать кофе и пожарить яичницу.

На запах еды из комнаты подтянулся Ковалевский. Вид у него был как у разбуженного внезапно кота, который хождению по квартире предпочел бы устроиться поудобней в каком-нибудь уютном местечке. В подтверждение моих слов я взглянула на Ромео, который с абсолютно таким же несчастным видом сидел на диване и недовольно взирал на меня. Шерстяному созданию абсолютно не нравился звук работавшей кофемашины, нарушавшей его сон.

Виталик подошел ко мне и, поцеловав в макушку, направился в ванную. Вернувшись через десять минут, Ковалевский выглядел уже гораздо свежее. На нем были надеты серые спортивные штаны и абсолютно отсутствовала футболка. Я посмотрела на его голый торс, и сердечко предательски ёкнуло. Я сглотнула и перевела взгляд на его лицо. Его влажные волосы были взъерошены после душа, а взгляд... Парень явно догадывался, о чем я сейчас думаю, поэтому хитро улыбнулся. От неминуемой гибели меня спас звонок телефона.

Как обычно по выходным мне звонили родители. Сперва я немного поболтала с мамой, она поделилась своими последними новостями, после чего передала трубку папе, который поинтересовался моими планами. Я решила, что не хочу скрывать от отца предстоящий прыжок с парашютом, так что рассказала всё как есть. После услышанного папа поверг меня в шок, узнав со мной ли сейчас Виталик, и, получив утвердительный ответ, попросил дать ему трубку.

Разговор парня с отцом длился недолго, в основном Ковалевский отвечал односложно, а в конце растянул губы в широкой улыбке. После того, как он нажал отбой, я посмотрела на него, вопросительно подняв бровь.

— Твой папа весьма переживает за предстоящий прыжок.

— Не он один. — буркнула я, усаживаясь за стол.

— Поэтому он сказал, что если с тобой что-то случится, то цитирую «несмотря на хорошее отношение, придется порвать меня как тузик грелку».

Несколько секунд я молчала, а потом громко засмеялась, представив сцену кровавой расправы отца над Ковалевским.

Через полчаса машина Виталика отъехала от моего дома, увозя из зоны комфорта к месту пыток.

— Прыгать будем с четырех тысяч метров.

В этот момент я жалобно посмотрела на Ковалевского в надежде, что он передумает,

глядя на мой отчаявшийся вид.

— Четырех? — переспросила я, молясь, что вот сейчас он скажет про то, как офигенно меня разыграл.

Однако парень лишь утвердительно кивнул головой.

Это полная задница!

— Какая тебе разница со сколько метров падать? В некрологе четыре тысячи будут выглядеть гораздо внушительней полутора.

Как не странно, но именно такая резкая манера разговора парня с неизменными черными шуточками возвращала меня к реальности. Бесспорно, Ковалевский мог просто ласково меня успокаивать, уверяя, что все будет хорошо, однако, он понимал, что выбранная им тактика работает гораздо лучше и был абсолютно прав.

Чем больше он рассказывал, тем сильнее я убеждалась в абсурдности своих мыслей. С какого черта мы вообще должны разбиться? Я ни разу не спрашивала какой опыт у Виталика в парашютном спорте, есть ли у него какие-то сертификаты и с чего, собственно, он вообще решил, что ему разрешат сделать со мной прыжок в, как он сказал, тандеме. Однако, я доверяла ему. Каждой извилиной своего испуганного мозга я понимала: Ковалевский никогда бы не пошел на такой шаг, не будь он на тысячу процентов уверен, что всё будет хорошо.

До аэроклуба мы добрались очень быстро, а все дальнейшие события пролетели как в тумане. Я практически не помню, как подписала требующиеся бумаги, прослушала речь наземного инструктора, объяснившего мне все детали, которые я должна буду соблюдать, получила комбинезон и прочее снаряжение подходящего размера.

Переодевшись в полученную одежду, я вернулась в комнату, где проходила предполетная подготовка. Инструктор надел на меня систему, которую начал подгонять под мой размер. В этот момент в помещении появился Ковалевский, так же переодетый в комплект, выданный аэроклубом.

— Отлично выглядишь. — подметил парень, осмотрев мой ярко оранжевый с синими вставками комбинезон.

Даже в такой ситуации он оставался абсолютной занозой. Хотя в какой собственно ситуации? По парню было видно, что он получал от происходящего удовольствие.

После того, как всё было подготовлено мы вышли на улицу, где мне уже самой пришлось повторить на практике позы, описанные на словах инструктором. Близость Ковалевского, конечно, немного приободряла меня, однако в какие-то моменты я начинала серьезно злиться на парня, который своим спокойным видом только провоцировал меня практически так же, как в день, когда я только узнала про прыжок.

Убедившись, что я не совсем безнадежна и требуемые команды выполняю весьма сносно, нас отправили еще раз проверить снаряжение, после чего мы стали ожидать взлета. Окончательно сознание вернулось ко мне в самолете.

В обычной жизни я старалась минимизировать свое общение с этим видом транспорта, предпочитая автобусы и поезда. Конечно, существовали варианты, когда безвыходность всё-таки заставляла меня подняться на борт воздушного судна, однако посещение бара перед отлетом значительно притупляло чувство страха. Сейчас же, слушая окружающий шум, нахождение в самолете было меньшей из имеющихся у меня проблем. Опасения на счет того, что предстоит сделать дальше, были значительно серьезней.

Самолет быстро набрал нужную высоту и до времени икс оставались считанные

мгновения. В какой-то момент у меня просто включился автопилот. Я оказалась на коленях Ковалевского, который пристегивал нужные карабины. Виталик выглядел очень серьезным, поэтому я решила лишний раз его не отвлекать и попробовать засунуть свое нытье куда подальше.

Абсолютно незаметно мы оказались в обрезе двери, и вот в этот момент я, наконец, четко осознала — пути назад уже нет.

Я сделала всё, как меня учили и, вцепившись пальцами в лямки на плечах, что есть силы зажмурила глаза.

— Хватит жмуриться! — услышала я голос парня, перекрикивающего шум, который не видя меня, догадался о моей маленькой проделке.

Я едва успела сделать глубокий вдох, когда Ковалевский оттолкнулся от самолета. В первые мгновения я еще сильнее зажмурилась, а потом всё-таки последовала совету Виталика.

Описать свои ощущения я просто не смогу. Чувство страха куда-то исчезло, уступая место чему-то абсолютно новому и непонятному для человека, живущего всю жизнь на земле. Практически целая минута свободного падения показалась мигом, когда Ковалевский постучал меня по плечу, предупреждая, что настало время раскрыть парашют.

Я вновь взялась за лямки системы руками. В этот момент в моей голове уже не было мыслей, что парашют не раскроется или что-то еще пойдет не так. Через несколько секунд скорость нашего снижения значительно упала и, паря, я смогла рассмотреть открывающуюся внизу красоту.

Вдали виднелись очертания города, река извивалась блестящей лентой, исчезая куда-то за горизонт. Поля, леса, дороги — вся эта обычная картина сверху выглядела абсолютно по-другому, особенно красиво.

— Это так круто! — смогла крикнуть я Виталику, который теперь уже мог меня слышать.

Парень ничего не ответил, но я точно знала, что он улыбается.

По команде Ковалевского я сделала последнее, что от меня требовалось — убрала ноги, чтобы при приземлении он смог принять всю нагрузку на себя.

Оказавшись на земле, я искренне не понимала, чего всё-таки боялась. Получив непередаваемые ощущения, я стояла и смотрела на любимого человека, понимая, что абсолютно счастлива.

Глава 11

— Можете закидать меня тапками, но я не верю ни единому слову. — сказала Михайловская сидя вечером воскресенья у меня на кухне.

— Плюс один. — согласился со своей девушкой сосед. — Она даже на стремянку спокойно залезть не может.

Ребята жаждали подробностей нашего вчерашнего прыжка, однако, услышав мой рассказ, не поверили ну вот абсолютно. Когда ситуация окончательно начала меня раздражать, я вышла в коридор и взяла с тумбочки флешку, затем захватила с дивана ноут и поставила его на барную стойку перед друзьями. Несколько минут возни, и вот они уже могут лицезреть видеозапись нашего полета.

Вчера мои эмоции были настолько сильными, что я даже не смогла посмотреть видео, снятое в аэроклубе. Сегодня же я чувствовала себя спокойней, однако просмотр записи вновь всколыхнул только недавно улегшиеся непередаваемые эмоции. Когда плеер уведомил

нас об окончании просмотра, Основский с неподдельным удивлением поднял на меня глаза: — Уважаю. — с кивком сказал сосед, подняв в характерном жесте свою кружку с кофе. — Отличный комбинезончик. — подметила подруга, оценившая мой веселый наряд. — Я ей тоже про это говорил. — присоединился к беседе Ковалевский, вернувшийся из магазина. — Думаю, стоило бы разбавить твой гардероб парочкой оранжевых вещей.

Мне оставалось только закатить глаза.

— Кстати, лучше ничего не планируйте на следующие выходные. — как бы невзначай сказала Михайловская.

Я вопросительно посмотрела на нее. За подругу ответил Глеб:

— В сложившейся ситуации мы подумали, что жить отдельно как-то немного глупо. Думаю, за следующую неделю Лиза перевезет свои вещи ко мне.

— Так что в субботу ждем вас с тряпками и чистящими средствами наводить порядок. — с серьезным видом заявила Лиза, но посмотрев на Ковалевского, прыснула со смеху. — Кошмар, Виталик, да не напрягайся ты так, на новоселье мы вас приглашаем.

Мне решение ребят казалось вполне разумным, однако иногда мой мозг просто не успевал реагировать на стремительность, с которой развивались отношения друзей. Иногда складывалось ощущение, что судьба просто пытается нагнать график, по которому должна идти их совместная жизнь, но из-за невероятно долгого разгона, потребовавшегося Глебу, теперь приходилось переживать все события в ускоренном темпе. Теперь же с переездом, думаю, их жизнь войдет в размеренный ритм.

Я попрощалась с ребятами около десяти вечера. Ковалевский тоже отправился домой, потому что завтра должен был уехать куда-то по делам практически с рассветом, но уверенно обещал, что заберет меня после занятий. Когда дверь квартиры захлопнулась, я даже не сразу смогла привыкнуть к тишине. Кот, наблюдавший за мной с дивана, казалось, тоже был удивлен.

Я откровенно привыкла к постоянному присутствию дома Виталика. Усевшись на диван, я немного полазила в интернете, пролистав ленту соц сетей и пару новостных сайтов, убралась на кухне, сходила в душ, вычесала кота, уже даже не боясь его мести, после чего отправилась в кровать. Заснуть в одиночестве также оказалось весьма проблематично. С появлением в моей кровати Ковалевского, я обзавелась новой любимой позой для сна, уютно устроившись у него под боком. Для меня одной сейчас эта кровать уже казалась нереально большой и холодной.

Сперва я хотела позвонить Виталику, но потом, вспомнив про его раннюю поездку, решила распрощаться с этой мыслью. Я вновь легла и закрыла глаза, стараясь всё-таки уснуть. В общем итоге мне это удалось только к часу ночи, когда окончательно устав ворочаться, мой организм, наконец, не выдержал и сдался.

Легко догадаться, что с утра я чувствовала себя не лучшим образом. Конкретный недосып в сумме с серым осенним утром делали мое настроение не самым лучшим. На учебу меня вызвался отвезти Основский, но и тут всё пошло через не самое лучшее место. Мы умудрились собрать на своем пути все красные светофоры, дорожные работы и пешеходов, у которых желание перейти дорогу прямо перед машиной напрочь затмевало инстинкт самосохранения.

В здание универа я вбежала с двадцатиминутным опозданием. Хвала небесам, что пары по архитектуре сейчас вел Олег Сергеевич, который к нарушению дисциплины относился весьма спокойно. Мне вообще казалось, что он ко всему относился таким образом,

отрабатывая оставшийся перед пенсией срок.

Я открыла дверь кабинета, на ходу начиная извиняться за свое опоздание, и замерла на полуслове. На меня смотрел Бондарь.

— Николай Львович, какой приятный сюрприз. — решила с улыбкой сказать ректору я.

— Я бы не называл опоздание приятным сюрпризом. — строго ответил преподаватель отворачиваясь. — Садитесь на свое место.

Конечно, я могла ошибаться, но на секунду, мне почудилось, что отворачиваясь, Бондарь пытался спрятать улыбку. Я скучала по Львовичу. Мне безумно нравятся его лекции. На занятиях у замещавшего его Олега Сергеевича откровенно хотелось спать, сегодняшняя же пара резко контрастировала с теми, которые у нас были на протяжении последнего месяца. Время пролетело незаметно.

Когда я начала собираться, Бондарь окликнул меня и жестом поманил к себе. Я собрала сумку и подошла к столу преподавателя. Николай Львович смотрел на меня с полуулыбкой:

— Олеся, зайдете ко мне после пар?

Слышать такой вопрос от ректора было, по меньшей мере, странно. Я пожала плечами, после чего ответила:

— Конечно.

Львович удовлетворенно кивнул, после чего начал собирать свои вещи. В легкой задумчивости я вышла из аудитории. Ну, по крайней мере, сегодня ректор был в благосклонном расположении, из чего я сделала вывод, что расправы меня ждать не должно.

По окончании занятий я бодро шагала по направлению к кабинету Бондаря, на ходу вспоминая, как шла туда в первый день этого учебного года. Скажи мне тогда, что спустя несколько недель я буду вместе с Ковалевским, лично бы постучала по голове, проверяя, есть ли кто в домике. Я усмехнулась и открыла дверь во владения Лены.

По виду помощницы можно было легко определить, в каком настроении находится ректор. Сегодня молодая женщина практически порхала по кабинету, болтая с кем-то по телефону. Заметив меня, она повесила трубку, пообещав скоро перезвонить, кивнула в знак приветствия и сообщила Львовичу, нажав соответствующую кнопку на своем рабочем телефоне, о моем приходе. В ответ из динамика донесся голос преподавателя, сообщившего, что я могу войти. Лене только оставалась констатировать факт:

— Ты сама всё слышала.

Я улыбнулась ей и зашла в кабинет ректора. Львович встал из-за своего стола и жестом указал мне на уголок с диваном и креслами. Сегодня, ввиду отсутствия тут Ковалевского, мой выбор пал на диванчик, где я расположилась, ожидая услышать, чего от меня хочет Бондарь. Преподаватель занял место в кресле напротив меня и внимательно посмотрел мне в лицо:

— Олеся. — начал Львович весьма серьезно.

Я даже успела немного напрячься, а ректор продолжил:

— Я хотел тебя поблагодарить.

В этот момент я была уже озадачена, а потом до меня, наконец, дошло, о чем со мной разговаривает мужчина.

— Виталик мне рассказал о том, что это был твой план. — говорил Бондарь, имея в виду встречу с Волковым. — Ты не представляешь, как это помогло с решением проблем. Думаю, тебе не стоит пояснять детали, ты итак достаточно осведомлена.

Я кивнула, а Львович вновь заговорил:

— Спасибо, не знаю чем бы кончилось дело, если бы вы с Виталиком не вмешались.

В этот раз имя Ковалевского ректор произнес с заметной нежностью, и я, наконец, убедилась в теплых чувствах преподавателя к сыну, понимая, что вся та нервозность первых дней сентября была связана именно с целью визита Виталика. Бондарь просто боялся за сына и не желал сваливать на его голову свои проблемы. Спорить же с Ковалевским или пытаться его переубедить, как я уже знаю, абсолютно дохлый номер.

Мы поболтали еще немного на отстраненные темы. Львович спрашивал меня про учебу, а я с удовольствием отвечала. Мне было очень легко общаться с этим человеком, особенно учитывая его прекрасное настроение.

Окончательно Бондарь добил меня уже практически в дверях кабинета, по-отечески обняв и еще раз поблагодарив.

Я забрала у Лены какие-то очередные списки, которые требовалось заполнить, получила парочку конфет и, погруженная в свои мысли, вышла из приемной. Я шла по коридору, практически не смотря по сторонам, и, как оказалось, весьма зря. В последний момент каким-то чудом я успела затормозить, чуть не врезавшись в высокого мужчину, лет сорока пяти.

— Извините. — сказала я, поднимая голову, смотря в лицо человеку, которого чуть не снесла с ног.

Я однозначно никогда не видела его раньше, однако черты лица казались смутно знакомыми. От серых глаз мужчины ощутимо веяло холодом, в какой-то момент мне даже захотелось поежиться.

Мужчина растянул губы в улыбке и произнес:

— Ничего страшного.

Я улыбнулась в ответ и попыталась обойти его, считая, что конфликт исчерпан, однако мужчина пригородил мне путь. Тут я откровенно подофигела, а он продолжил:

— Олеся, верно?

Вот это поворот! Я постаралась не терять самообладание и максимально спокойным голосом, согласившись, спросила:

— Верно, а Вы?

— Меня зовут Сергей Викторович. — ответил мой собеседник, не отрывая взгляда своих ледяных глаз от моих, при этом не переставая улыбаться.

Ну, конечно, Диана была уменьшенной женской версией своего отца. Передо мной стоял Белов собственной персоной.

Тем временем мужчина продолжил:

— Я бы советовал тебе быть внимательней.

— В следующий раз буду смотреть, куда иду. — ответила я, мечтая как можно быстрее закончить этот диалог.

— Я сейчас не только про это. — уж слишком вежливо сказал Сергей Викторович. — Речь скорей о выборе твоего окружения.

В этот момент за спиной Белова раздался знакомый голос:

— Что тебе от нее надо?

Мужчина проигнорировал вопрос Ковалевского, направляющегося в нашу сторону и, по-прежнему не отрывая взгляда от меня, сказал:

— Подумай над тем, что я сказал.

И не, говоря больше не слова, ушел, не забыв одарить Виталика презрительным

взглядом.

Подошедший Ковалевский был чертовски зол. Он обнял меня и внимательно посмотрел в глаза:

— Что он сделал?

Я искренне удивилась такому поведению парня. Создавалось ощущение, что Белов должен был, как минимум, избить меня до полусмерти прямо в коридоре универа.

— Всё в порядке, он был солидарен с дочерью. — я ответила абсолютно спокойно, не видя в словах мужчины никаких новых для меня фактов.

— В смысле? — Виталик же, по-видимому, не совсем меня понимал.

— В смысле посоветовал повнимательней относиться к выбору окружения. — процитировала я Белова, начиная понемногу беситься. — Может, уже поедем домой?

Ковалевский на секунду стал сам на себя не похож, я даже успела подумать, не пора ли мне спрятаться в какой-нибудь укромный уголок, пережидая грозу. Однако, практически моментально его взгляд прояснился, и он привычно ласково ответил:

— Конечно.

Уже дома, не смотря на обычную нежность, а местами даже хорошую страсть, я замечала, что с Ковалевским происходит какая-то фигня. Как только я отворачивалась, парень становился хмурее тучи, а когда снова возвращала к нему свой взгляд, приобретал обычный вид.

Со временем моя бдительность притупилась. Виталик опять основательно вошел в мою жизнь, делая ее такой, какой она и должна быть в самом идеальном варианте.

В пятницу вечером мы поехали по магазинам, чтобы выбрать подарок на новоселье друзьям. После получаса скитания по торговому центру следом за мной, Ковалевский просто развел руками, и отрывисто сказав, что не мужское это дело, отправился в машину или ближайшую кафешку, чтобы избавить себя от мук выбора, причем моего. Сам он, относительно подарка не заморачивался вообще, предоставляя моей фантазии свободный полет.

Выбирая последние детали в отделе домашнего текстиля, я всё-таки услышала звонок мобильного. Видимо, душа поэта все-таки не вынесла:

— Лесь, давай меня подарим, всё равно за непригодностью в хозяйстве меня сдадут назад, а мы заживем как прежде.

— Лиза тебя чисто из вредности никогда не отпустит. — развеяла я мечты Ковалевского, — Будешь у нее картошку в кладовке до конца жизни чистить.

— Я просто позвонил, узнать как твои дела. — видимо, действительно побоявшись такого исхода событий, сбавил пыл Виталик.

— Да всё я поняла, — успокоив желание парня убраться уже, наконец, с территории торгового центра, ответила я. — пять минут, и считай, что мы уже уезжаем.

Однако, даже тут я умудрилась застрять. Я просто не могла с собой ничего сделать и не заглянуть в еще один магазин.

Спустя пятнадцать минут я теперь уже действительно опустилась на сиденье в ешке Виталика, оправдывая свое отсутствие парой пакетов исключительно вредной, но безумно вкусной еды из известного всем фастфуда.

Ковалевский, кинув взгляд на весь этот ворох сумок, поинтересовался:

— Ты потратила час с лишним, чтобы завтра мы подарили несколько бургеров и картошку?

— И нагетсы еще. — под стать парню ответила я.

Мы вернулись домой и решили провести остаток вечера, валяясь на диване за просмотром какого-нибудь кино. Однако, не смотря на поздний час, соседка не дал нам приступить к осуществлению плана.

Дело в том, что Михайловская, помимо рядовых вещей, решила перевезти к Глебу еще и внушительную часть мебели из своей комнаты, аргументируя это тем, что в трехкомнатной квартире Основского места хватит для всего. Так что теперь в транспортировке на седьмой этаж отчаянно нуждались туалетный столик, кресло и комод.

После того, как вещи были доставлены, я, взглянув на изрядно запыхавшихся парней, поняла, что наш уютный вечер накрылся внушительным таким медным тазом. Прихватив пакеты с едой, которую я наудачу скупил просто в промышленных масштабах, я направилась следом за Виталиком в квартиру соседа, будучи абсолютно уверенной в том, что Михайловская, в силу своего характера, не успокоится, пока не разложит всё по своим местам, а значит спать в ближайшее время ребята не лягут.

Мы вернулись домой далеко за полночь, изрядно объевшиеся и немного уставшие помогать Лизе в переборке вещей. Виталик отправился в ванную, а я решила уделить немного времени рыжему шерстяному монстру, который рос как на дрожжах, плавно превращаясь из маленького мохнатого комочка в полноразмерного кота.

Когда я приняла душ и пришла в спальню, свет был выключен. Виталик лежал в полной темноте, однако не спал. Я поцеловала парня, на секунду заглянув в его глаза. Ковалевский вновь был серьезен и сосредоточен.

— О чем задумался? — как будто между делом спросила я.

На самом же деле мне уже серьезно не давали покоя такие зависания парня. Отчаянно создавалось впечатление, что чего-то недоговаривает. В ответ я, как и обычно, не услышала ничего внятного. Парень просто улыбнулся и притянул меня к себе:

— О захвате мира. — отшутился Виталик, а я почувствовала небольшой укол обиды.

Однако, долго мучиться, ломая себе голову над тем, что может скрывать Ковалевский, мне никто не дал. Перевернув меня на спину, парень оказался сверху, и по его взгляду вмиг стало понятно — спать мы в ближайшее время не ляжем.

Утром следующего дня я вновь направилась в квартиру к соседу на помощь к подруге, которая уже практически начинала рвать на себе свои светленькие волосы, приходя в бешенство от того, что кругом еще отсутствовал идеальный порядок. В этом вопросе Михайловская была настоящим зверем. Когда дело доходило до чистоты, подруга с легкостью отбрасывала все другие дела. На мгновение я даже поежилась, понимая, насколько попал Глеб, привыкший к принципу: где вещь упала, там ей и место.

Ковалевский уехал к себе, пообещав приехать к обеду. Примерно в то же время ребята ждали родителей. Намечалось небольшое застолье в семейном кругу плюс я, шедшая маленьким соседским бонусом. Лиза занялась наведением идеальной чистоты, я заняла почетное место у плиты, а Глеб старался тихо мигрировать по квартире, не попадаясь при этом нам на глаза. Однако, когда в ходе очередного маневра Основский все же становился обнаруженным, то превращался в эдакого мальчика подай-принеси, пару раз сбегав в магазин и передвинув несколько предметов мебели, стоявших, по мнению его девушки, не на месте.

К двум часам дня мы были в полной боевой готовности. Я сходила домой и переоделась. Для случаев, предполагающих общение с родителями, в моем арсенале имелось несколько

приличных вариантов. Сегодня выбор пал на темно синее платье прямого кроя с рукавами три четверти. Я подкрасила тушью глаза, поправила волосы, которые сегодня сделали мне одолжение и легли достаточно приличным локонами, пару раз брызнула любимым парфюмом, надела туфли и, прихватив пакет с нашим подарком, отправилась назад к соседу. Хотя теперь, наверное, уже правильно начать говорить про соседей во множественном числе.

В качестве подарка на новоселье я выбрала пару наборов красивого постельного белья. Зная о том, что у Основского с такими вещами напряженка, и, не забывая Лизину любовь к прекрасному, я подумала, что такой вариант будет весьма кстати.

Увидев в дверях Михайловскую, я поняла, что подруга приготовилась к знакомству родителей как к последнему бою. Как за такое короткое время девушка успела сделать идеальные макияж и укладку, для меня оставалось загадкой похлеще существования внеземных цивилизаций.

Лиза принарядилась в облегающее, но весьма скромное по меркам девушки, платье цвета тиффани без выреза, длиной чуть выше колена и длинным рукавом. Волосы подруги спадали на плечи блестящими волнами, а на лице красовался неброский макияж, отлично подчеркивающий красоту серых глаз девушки.

Я не стала дожидаться Ковалевского, потому как он сам пробубнил нечто типа «я кроме как поздравляю ничего сказать не смогу», и вручила подарок подруге, пояснив, что это от нас двоих. Лиза быстро разглядела бренд на пакете и пришла практически в восторг:

— А я уже думала, что проклятье белья из прошлого века в голубой цветочек меня не покинет.

Как можно было догадаться по реакции, с выбором я не прогадала.

Через двадцать минут, когда мы только поставили остатки посуды на стол, раздался звонок домофона. Первыми приехали родители Глеба, а когда они только успели повесить верхнюю одежду, звуковой сигнал сообщил, что прибыли следующие гости. Виталик появился в квартире вместе с отцом и мамой Лизы.

Всё проходило гладко. Мы расположились за столом и подняли бокалы за состоявшийся переезд. Михайловская при этом с небольшим уныньем взглянула на свой стакан с соком, но всё же быстро смирилась с неизбежностью правильного образа жизни.

Разговор протекал оживленно, старшему поколению однозначно было, что обсудить. Мы с Виталиком решили долго не задерживаться, давая семьям обсудить свои дела без посторонних, потому через час поспешили удалиться ко мне.

Пройдя в холл, я практически приказала Ковалевскому стоять и не двигаться, вызвав своими действиями у парня не слабое непонимание.

Я сбегала в спальню, захватив оттуда маленькую синюю коробочку. По пути достав содержимое, я бросила пустую упаковку на диван и остановилась перед Виталиком.

— Протяни руку. — скомандовала я, заставив Ковалевского удивленно вскинуть брови.

Парень растерянно пожал плечами, но указание выполнил. Я перевернула ее ладонью вверх и немного приподняла рукав свитера, аккуратно прикалывая к внутренней стороне манжета, свой маленький подарок.

Миниатюрная золотая булавка из детского отдела с ушком — осликом, заставившая меня задержаться в торговом центре на лишние десять минут, заняла свое законное место.

Виталик поднял руку к глазам и внимательно осмотрел подарок, а мне оставалось только повторить его слова:

— Чтобы ты не забывал, с чего всё началось.

Парень в ответ не смог сдержать смех. Однако, веселье длилось не долго. Практически мгновенно замолчав, к Ковалевскому вернулась его серьезность и некоторая грусть, которую я мельком замечала на протяжении последних дней. После чего парень сказал:

— Лесь, я уеду практически сразу после выборов. Думаю, ты имеешь право узнать это заранее.

Вы когда-нибудь ныряли в ледяную воду? Однажды у меня был опыт поездки на родник с купелью. Ощущения холода, пронизывающего одновременно всё тело, я, наверное, долго не забуду. В данный момент я переживала примерно такие же, только, в отличие от того случая, сейчас никто не стремился укрыть меня теплым махровым полотенцем, стараясь скорей избавиться от дрожи.

Я не могла выдавить из себя ни слова. Виталик, видимо понимая, что адекватной реакции ждать от меня бесполезно, просто подошел и обнял меня. Я знала, что рано или поздно, но он скажет эту несчастную фразу. Много раз я прокручивала в голове этот момент, но, не смотря на это, сейчас я стояла и даже не могла пошевелиться. Я очень надеялась, что Ковалевский хотя бы немного понимал мое состояние.

А он, как будто почувствовав мои мысли, тихо сказал:

— Мы обязательно попробуем что-нибудь придумать.

От этой фразы мне стало хоть немного, но легче. Услышать, что Виталику не всё равно, было для меня большим облегчением. Для него не перестали существовать «мы». Однако, я всё равно безумно старалась просто на просто не разреветься, понимая, что слезами в моем случае я не только не помогу, а только сделаю хуже.

Я сделала попытку улыбнуться, не знаю, насколько мне это удалось и, выдохнув, произнесла:

— Конечно.

Этот вечер мы провели как обычно. Я старалась вести себя непринужденно, однако, кошки у меня на душе не просто скреблись, а отчаянно раздирали всё острыми когтями. Лёжа в кровати, я никак не могла уснуть, даже любимая поза не приносила облегчения. Я прижималась к Ковалевскому, а в голове крутилась мысль, что меньше чем через две недели его здесь уже не будет. Выборы должны были состояться уже в предстоящую пятницу.

Спектр моих эмоций кардинально менялся каждые несколько секунд. Я испытала всё, начиная от ненависти к себе за то, что подпустила Ковалевского настолько близко, до вновь подступающих слез отчаяния, которые я, кусая губы, пыталась сдерживать.

В какой-то момент в голове щелкнул воображаемый тумблер, переключивший ход моих мыслей. Я попробовала отнестись к отъезду Виталика, как к тому прыжку с парашютом, представив это неизбежностью, бояться которой раньше времени не стоит. Я просто должна свыкнуться с этой мыслью за оставшееся время и постараться отпустить его, или же попробовать найти выход. Найдя относительное решение, я, наконец, смогла немного успокоиться, мозг немного расслабился, и я уснула.

Если быть честной, с того момента я потеряла некую нить, которая тесно связывала меня с реальностью. Каждый новый день, несмотря на внешнее спокойствие, в голове возникали строго противоположные мысли. В какой-то момент, я даже хотела оттолкнуть от себя Виталика, смирившись с неизбежностью расставания, думая, что так мне будет проще. Но, только кинув взгляд на Ковалевского, я ясно поняла — не смогу.

Парень внешне также казался прежним, однако, что происходило у него в голове я,

откровенно, не знала. Я не понимала, сказал ли он про попытку что-либо придумать просто так, стараясь уберечь меня от истерики, или же на самом деле пытался как-то решить проблему.

Хотя какие, собственно, способы решения были? Переехать сюда с больной матерью? Об этом я ни то, что заикнуться, даже думать не имела права. Попросить его остаться здесь? Это было еще большим бредом и крайней степенью эгоизма, на которую бы Виталик всё равно абсолютно точно не пошел.

Был еще вариант уехать следом за ним после окончания семестра. Попытаться оформить перевод в другой универ или на крайний случай взять академ. Эта идея с каждым днем всё крепче осваивалась в моей голове, но заговорить на такую болезненную для меня тему я пока не могла, оттягивая этот момент до последнего.

Ни Лизе, ни Глебу я ничего рассказать не сумела. У меня просто не хватило храбрости. Я была уверена, что, хотя друзья ни разу при мне не затрагивали тему отъезда Ковалевского, они уже успели обсудить это между собой. Однако, чувство такта для того, чтобы первыми не задавать вызывающий у меня страх вопрос, у них хватало.

На наступившей неделе я ощутила на себе действие закона подлости во всей красе. Когда старательно оттягиваешь какое-то событие, время, словно издеваясь, начинает лететь просто с космической скоростью. Я не успела понять, как стремительно пролетели практически четыре полных дня. Как будто я закрыла глаза в субботу и, успев лишь моргнуть, открыла их вечером четверга.

Виталик растянулся на диване в холле, одной рукой поглаживая мурлыкающего кота, а во второй держа телефон, по которому обсуждал что-то с неизвестным мне собеседником.

Когда он повесил трубку, я даже не успела подумать, стоит ли задавать вопрос, как парень сказал:

— Собрание попечительского совета завтра в полдень.

Я не знала, как мне отреагировать на сказанное. Теперь, в добавку к практически съедающим меня изнутри мыслям о предстоящем возможном расставании, добавились еще и переживания за Бондаря. А что будет если Львович завтра проиграет?

Я дернула плечами, стараясь скинуть с себя тяжесть навалившихся предположений, и немного рассеяно кивнула головой, так и не придумав толкового ответа, давая понять, что суть сказанного мне ясна.

Ночью я снова долго ворочалась в кровати. Завтра заканчивался срок, раньше которого Ковалевский уехать не мог. Дальше меня ждала сплошная неизвестность. Нужно было срочно с ним поговорить и, наконец, хоть как-то прояснить ситуацию.

Я просто отвратительно спала, однако, утро также не принесло облегчения. Я чувствовала себя абсолютно разбитой. Как морально, так и физически. Виталик уехал задолго до того, когда должен был прозвенеть будильник, объявляя о необходимости подъема на учебу, а я так и не смогла больше заснуть. Я полежала в кровати, но быстро поняла, что попытки вновь провалиться в относительное неведение, обречены на провал. Я немного бездумно побродила по квартире, почесала кота, который откровенно не понимал, с какого перепуга я кружу вокруг него в такую рань, после всех этих бесполезных действий я всё же отправилась в душ.

Горячая вода и крепкий кофе сделали свое дело, и я почувствовала себя немного бодрее, однако, долго это ощущение не продлилось. По приезду в универ меня вновь нагнало уже знакомое чувство апатии. Первые две пары Михайловская старательно делала вид, что всё в

порядке. Но я точно знала, что подруга сразу догадалась — со мной что-то не так. На самом деле даже незнакомый человек по моему виду легко бы догадался о имеющихся проблемах, чего уж говорить про подругу, которая знает меня далеко не первый день.

Глядя на то, как я всё ещё пытаюсь записывать уже закончившуюся лекцию, Лиза всё-таки не выдержала:

— Так, подруга, думаю, третьей парой придется пожертвовать.

Я непонимающе уставилась на девушку, а она, цокнув языком, продолжила:

— Собирайся, говорю, спасти тебя будем.

В ответ я как-то неопределенно пожала плечами и стала складывать вещи. Что бы ни затеяла Лиза, хуже она уже точно не сделает.

Мы покинули территорию универа, нагло прогуляв последнюю пару. Михайловская на всех парусах спешила занять место в какой-нибудь небольшой кафешке, коих в округе было предостаточно, не забывая время от времени подтягивать меня за руку, чтобы я окончательно не зависла в собственных мыслях и не потерялась где-то по дороге.

Мы сели за стол, Лиза быстро продиктовала что-то официанту, который, записав заказ, быстро удалился, и посмотрела на меня.

— Лесь, ты извини, конечно, но на тебя смотреть страшно.

Со сказанным подругой я даже не собиралась спорить:

— Есть немного. — сказала я, после чего повисла тишина.

Через пару минут вернулся официант, поставив перед Лизой стакан с соком, а передо мной бокал вина. Я вопросительно взглянула на напиток, а затем на подругу:

— Сейчас, — ненадолго замаялась, доставая из сумки телефон, — половина первого.

А в голове промелькнула мысль, что заседание уже началось.

— Согласна, нужно было начать раньше. Теперь одним бокалом уже вряд ли что исправишь.

Я пожала плечами, но вино всё-таки взяла. Сделав пару глотков, я вновь посмотрела на подругу и поняла, что она права. Если я сейчас не выскажусь, то просто сойду с ума от мыслей, разрывающих голову.

— Он уезжает. — я не стала строить длинное предложение, Лиза и так отлично понимала о ком я.

Вместо ответа подруга просто кивнула.

— Ты знала. — утвердительно сказала я, на что девушка еще раз сделала утвердительный жест головой. — Давно?

Лиза отпила сока и ответила:

— Глеб рассказал в понедельник. И что ты думаешь делать? — подруга не стала откладывать неизбежный вопрос в долгий ящик.

Я отпила еще вина, а затем посмотрела Михайловской в глаза.

— Я не знаю, Лиз. Правда, не знаю. Моя голова в последние дни просто готова взорваться.

И я рассказала подруге всё, что тревожило меня на протяжении всей недели. Лиза слушала молча, и позволила себе комментарий только когда я закончила речь и вновь сделала глоток рубиновой жидкости.

— Я знаю, что это тяжело, и даже не представляю, что бы делала сама в такой ситуации, и, в принципе, у тебя даже есть выбор. Ты можешь просто пустить всё на самотек. Но, Лесь, давай на чистоту, я тебя отлично знаю, и ты просто сойдешь с ума, если не

попробуешь всё изменить. — и немного помолчав, добавила. — Поговори с ним.

Я оперлась локтями об стол и зарылась руками в волосы, опустив голову:

— Я уже даже не понимаю, нужна ли ему там.

— Так спроси! Это трудно, да, но сейчас ты напоминаешь утопленника. Еще несколько таких дней, и я серьезно начну переживать за твое здоровье. Этим неведением ты просто себя убиваешь!

Я была абсолютно согласна с Лизой и могла подписаться под каждым ее словом, но я попросту боялась. Боялась, что этим разговором я могу поставить большую и жирную точку в наших отношениях. За столиком вновь повисла тишина, которую внезапно прервала мелодия вызова моего телефона.

На экране ярко светилось «Виталик».

Я с опаской посмотрела на подругу, после чего приняла звонок.

— Надеюсь, что завтра вечером ты абсолютно свободна и готова составить мне компанию. — услышала я веселый голос на том конце.

Видимо, Ковалевский догадался, что я не совсем его понимаю, поэтому добавил.

— Лесь, мы выиграли.

Я заканчивала готовить ужин, размышляя над событиями сегодняшнего дня. Бондарь единогласно выиграл выборы. Фамилия Белова даже не звучала. По тону Ковалевского, услышанному по телефону, я поняла, что парень остался всем доволен, однако детали он обещал рассказать вечером.

Разговор с Лизой прочистил мне мозги, и, вроде, я уже была готова поговорить с Виталиком сегодня. Каким бы не был исход разговора, я хотя бы избавлюсь от терзавших меня постоянно сомнений. Звонок домофона вырвал меня из размышлений, я нажала кнопку, открывающую дверь, и осталась в коридоре, в ожидании Виталика.

Парень появился в квартире, держа в руках очередной букет, взглянув на его улыбающееся лицо, я совершила ошибку. Я снова струсила. Можно найти себе кучу оправданий, типа того, что мне не хотелось портить ему настроение и удовольствие от победы отца, но я не буду врать хотя бы самой себе. Я испугалась. Испугалась, что сейчас всё так хорошо, а через несколько минут мое счастье может лопнуть как мыльный пузырь.

— Привет. — сказала я и улыбнулась, пожалуй, впервые искренне за последние несколько дней.

Я обязательно поговорю с ним обо всем завтра.

— Привет. — ответил парень, протягивая букет интересных лиловых роз, о чем я поспешила сказать Виталику.

— Впервые вижу такой необычный цвет. — внимательно рассматривая цветы, сказала я.

— Впервые вижу такую необычную девушку. — в тон мне ответил Ковалевский, притягивая к себе для поцелуя.

Виталик не собирался оставаться на ночь, аргументируя это тем, что сегодня вечером у него еще есть дела, однако поужинать с удовольствием согласился. Мы сидели за барной стойкой, а Ковалевский рассказывал подробности собрания. Оказывается, Белов еще на середине собрания попросил снять его кандидатуру, поняв по разговорам попечительского совета, что практически безоговорочная поддержка сегодня на стороне Бондаря.

Я рассказала о том, что провела день с Лизой, опустив детали наших разговоров. В голове твердо засела мысль к этой теме сегодня не возвращаться. Как только меня настигали дурные мысли, я начинала твердить себе, что всё будет хорошо. По-другому просто

невозможно.

— Завтра отец хочет устроить небольшой праздник по поводу сегодняшней победы. — сказал парень, дослушав историю про мой сегодняшний день. — Как ты понимаешь, меня он ждет исключительно в твоей компании.

Я улыбнулась, задумавшись, знает ли Львович, что мы с его сыном встречаемся, или просто приглашает как человека, оказавшего помощь в решении его проблем.

Виталик, тем временем, продолжил:

— Я заеду завтра около шести, подойдет?

Я кивнула головой, а Ковалевский в ответ улыбнулся своей лучезарной доброй улыбкой, от которой я начинала растекаться лужицей по полу. Мы посидели еще немного, после чего Виталик, проклянув время, которого всегда оказывается мало, начал собираться. Я попрощалась с парнем, одарившим меня слишком страстным поцелуем, после которого отпустить его расхотелось совершенно, и поплелась в соседнюю квартиру, надеясь упросить Лизу в очередной раз завтра сделать из меня человека.

Моя безотказная подруга как всегда сработала великолепно. Не ту профессию выбрала Михайловская, ей бы людей преображать. Со своими талантами она без особых усилий могла сделать несколько десятков или сотен людей гораздо счастливее и увереннее в себе.

На мне было одето атласное платье шоколадного цвета длиною чуть выше колена. Волосы Лиза в этот раз решила оставить распущенными, заставив их спадать идеальными локонами на мои плечи. Как у нее это получается, моему уму не видано. Иногда я даже начинаю подозревать, что она ведьма, не иначе. Над макияжем подруга тоже изрядно потрудилась. В этот раз он был немного непривычным для меня, более ярким, вечерним, прекрасно сочетаясь с переливающимся платьем.

Сегодня я сама спустилась к подъезду, решив немного постоять на улице. Хотелось просто подышать свежим воздухом. Стоя перед подъездом, я заметила заезжающую во двор машину Ковалевского, поэтому подошла к краю тротуара, чтобы сразу сесть в автомобиль.

Однако сесть самой парень мне не позволил. Практически мигом оббежав машину, Виталик резко и чувственно меня поцеловал и лишь после этого начал разговор:

— Не ожидал увидеть тебя на улице.

— Мне захотелось выйти на воздух. — пожав плечами сказала я. — Ну и еще у Ромчика было как обычно слишком много планов относительно моего платья.

Ковалевский ухмыльнулся, а потом подметил:

— Ты очень красивая.

Я хотела закатить глаза, делая вид, что он мне льстит, однако услышать такой комплимент от парня было слишком приятно, поэтому я смогла лишь только глупо улыбнуться. Виталик открыл дверь, и я села на пассажирское сиденье. Через несколько секунд он занял место со своей стороны, и мы отправились в место, где собирался отмечать Бондарь.

Как оказалось, понятия «небольшого праздника» у нас со Львовичем кардинально разнятся. В арендованном зале ресторана, казалось, было собрано не менее тридцати человек. Судя по солидному виду и среднему возрасту подавляющего большинства присутствующих, я сделала вывод, что это и есть те самые члены попечительского совета в сопровождении своих жен, ну или любовниц. Я не знала, как в таких кругах принято выходить в свет.

Заметив на себе несколько заинтересованных взглядов, я мысленно еще раз

поблагодарила Михайловскую за свой вид. По поводу каких-то неполадок с внешностью мне точно не приходилось волноваться. Думаю, что таким вниманием я обязана Ковалевскому, стоявшему за моей спиной и сияющему улыбкой чеширского кота.

Прием, ну не поворачивается у меня язык назвать сие мероприятие ужином, походил размеренно. Собравшиеся время от времени перемещались от столика к столику, меняя компанию для беседы, а также выходили покурить в специально отведенный для этого зал, не прерывая и там свои, в основном, деловые разговоры.

В какой-то момент я вызвалась подойти поздравить Бондаря лично, а Виталик, не оставляющий меня в одиночестве ни на секунду, решил составить мне компанию. Своим видом возле ректора, стоящего в то время в углу зала, мы привлекли немало гостей, желающих, по-видимому, узнать, в чьей компании появился его сын. О том, что присутствующие здесь знали, кто такой Ковалевский, я не сомневалась ни на мгновение.

Не успела я закончить рассыпаться в поздравлениях Львовичу, желая ему помимо прочего огромного терпения, чтобы выносить нас, нерадивых, когда к нам подошла первая пара, пожелавшая представить меня им.

Виталик не растерявшись, спокойным тоном произнес:

— Олеся, моя девушка.

В этот момент пол начал уходить из под моих ног. Он только что в присутствии отца сказал, что я не просто его подруга. Он назвал меня своей девушкой! Я с каким-то глупым изумлением посмотрела в лицо парню, а он в ответ лишь мило улыбнулся, удобно устраивая свою руку на моей спине.

Вслед за первыми людьми, захотевшими рассмотреть меня поближе, появились вторые, третьи. Потянулась бесконечная вереница новых знакомств, и к концу я, если честно, уже даже не пыталась запомнить с кем, собственно, имею честь общаться.

Я стояла и мило улыбалась, кивая на автопилоте вновь подходящим. Если физически я была здесь, то моя душа сейчас прыгала где-то высоко в облаках, радостно выкрикивая только одну фразу «моя девушка».

Однако в какой-то момент мне пришлось резко вернуться с небес на землю. Я поняла, что дело запахло жареным, когда рука Ковалевского, покоившаяся всё это время на моей спине, вдруг, напряглась, а ладонь сжалась в кулак. Этот жест заставил меня поднять глаза и посмотреть на следующего подошедшего человека.

В первый момент я не поверила своим глазам. Какого черта здесь делал Белов, я откровенно не понимала. Но, судя по тому, что одет он был, как и все присутствовавшие мужского пола, в костюме, в руке держал бокал с, как я понимаю, виски, а никто из гостей не пытался выяснить с ним отношения, я сделала вывод, что в таких кругах принято приглашать на мероприятия такого рода не только друзей, но и врагов.

Такая логика была мне абсолютно непонятна, но, кажется, в мире власти и больших денег, это нормальная практика. Возможно, именно на таких вечерах налаживаются полезные связи и решаются важные вопросы.

— Какая прекрасная пара. — сказал высокий мужчина с серыми холодными глазами, после чего поднял бокал и, одарив Ковалевского такой улыбкой, от которой мне захотелось забиться в дальний угол, удалился прочь.

Я чувствовала, как разжимается кулак на моей спине, а рука Виталика вновь становится расслабленной и нежной.

Пробыв на вечере еще около получаса, я поняла, что больше не могу находиться в такой

компании. Больше всего мне хотелось снять сапоги, залезть с ногами на диван и укутаться в плед. Атмосфера на приеме, хоть и была внешне дружеской и приветливой, на деле просто давила на меня.

После встречи с Беловым, я стала видеть в каждом присутствующем человека, который при нужде сможет спокойно свернуть тебе шею, перешагнуть и, не оглядываясь, пойти дальше. Не своими руками, конечно, свернуть. Сомневаюсь, что такие люди лично опускаются до таких грязных дел.

Я еще раз поздравила ректора, попрощалась с ним и сказала Виталику, что хочу уехать домой. Ковалевский такую мою идею поддержал. Он не пил, потому что собирался после этого мероприятия лично отвезти отца домой, поэтому я была избавлена от участи ехать домой в одиночестве на такси.

Мы быстро добрались до моего дома, и парень вызвался проводить меня до квартиры. Стоя у меня в коридоре, Виталик нежно поглаживал пальцами мою скулу, а я молчала, прикрыв глаза и получая истинное удовольствие:

— Как только всё закончится, я отвезу отца и приеду к тебе. — ласково сказал парень.

Я кивнула, а он, медленно наклонившись, начал меня целовать. Такую нежность, с которой он коснулся моих губ, я запомнила еще с нашего первого поцелуя. Плавно, его поцелуй начал набирать силу, становясь более напористым и чувственным. Со своей стороны я пыталась вложить в него все несказанные слова и переполнявшие меня чувства, от которых временами хотелось просто кричать.

Я никогда не думала, что один поцелуй может значить так много, но сейчас, когда Виталик все же оторвался от моих губ, я на мгновение почувствовала, что вместе с ним у меня отобрали частичку души. На какую-то долю секунды мне стало холодно и одиноко, но, посмотрев в глаза парню, мир снова встал на место, а я начала дышать ровнее.

— Я постараюсь вернуться как можно быстрее, — заверил меня Виталик и, коротко чмокнув в макушку, покинул квартиру.

Я осталась стоять в полной тишине и одиночестве. Вдруг стало нестерпимо грустно, как будто я потеряла что-то безумно важное и дорогое, но это чувство так же внезапно, как появилось, поспешило удалиться.

Я посмотрела на себя в зеркало, мысленно прощаясь с красотой, которую сделала подруга, и отправилась в ванную, возвращать себя к привычному земному состоянию.

Глава 12

Виталик не приехал вечером, не приехал он и ночью. Я решила, что ужин затянулся, а оставить Львовича в одиночестве он так и не сумел. Ковалевский появился только с утра, позвонив мне на мобильный.

— Лесь, извини, замотался. — его голос звучал как-то по-другому и при этом жутко устало. — Я скоро заеду.

Я сказала, что буду ждать дома, после чего Виталик повесил трубку, не дав задать мне по телефону интересующие вопросы.

Я пожалала плечами и отправилась в душ, потому что до этого момента стащить себя с кровати у меня так и не получилось. Ковалевский приехал примерно через час, и, открыв ему дверь, я сразу поняла — что-то не так. Парень выглядел уставшим и, если честно, меня терзали смутные сомнения, что он сегодня вообще спал. Однако помимо этого в его виде меня напрягало и что-то еще.

Я посмотрела в глаза, и почувствовала, как сердце стало гулко биться в груди.

— Лесь, нам надо поговорить. — прямо с порога начал парень.

Удар, еще удар... ритм сердца слышался мне всё четче.

— Конечно, — сказала я, показывая рукой в сторону холла. — проходи.

И Ковалевский прошел. Просто прошел мимо меня, как будто меня и не стояло в коридоре вовсе. В этот момент мне стало страшно, хотелось выбежать из квартиры на холодный воздух, лишь бы не находиться здесь и сейчас. Да вот только это всё равно бы ничего не изменило.

Я с силой зажмурилась, потом открыла глаза и поплелась в холл вслед за Виталиком.

Парень не сел, он неспешно перемещался по комнате, меряя ее шагами. Я же принять более устойчивое положение всё-таки решила, и опустилась на мягкий диван, поджав под себя ноги. Следующие несколько минут мы провели в тишине. Ковалевский, видимо, подбирая нужные слова, а я в надежде, что мои худшие ожидания не оправдаются.

Наконец, Виталик нарушил молчание:

— Лесь, — я замерла, чувствуя, как сжимается каждая клеточка моего тела. — сегодня мы видимся в последний раз.

В этот момент мой мир рухнул. Хрустальный замок, так долго и тяжело строившейся, разлетелся на миллиард крошечных осколков, каждый из которых сейчас острыми гранями впивался в меня изнутри. Я не могла просто так принять услышанное.

Стараясь не заплакать, я оторвала взгляд от обивки дивана и посмотрела на Ковалевского. Он стоял, опираясь боком об арку, соединявшую холл с коридором и, кажется, даже не испытывал дискомфорта за сказанное.

Окончательно меня убивая, Виталик продолжил:

— Извини за вчерашнее, это представление было нужно для попечительского совета. Я хотел, чтобы они остались полностью довольны.

В этот момент первая непрошенная слезинка коснулась моей щеки.

— Я тебе не верю. — чуть слышно произнесла я.

Параллельно с этим я посмотрела ему в глаза. Он даже не пытался их отвести! А еще, я очень хорошо запомнила этот взгляд. Забыть выражение этих карих глаз при нашей первой встрече я просто не могла. Он меня просто использовал!

Однако, мозг категорически отказывался воспринимать сказанное.

— Я хотела уехать вместе с тобой... — начала я, но Ковалевский резко меня перебил, не давая закончить мысль.

— Лесь, хватит! Всё, спектакль окончен!

А я всё не теряла попыток...

— Ты меня любишь?

Парень молчал несколько секунд, изучая цветы, стоящие на подоконнике, после чего ответил:

— Нет.

— Посмотри мне в глаза и повтори! — практически срываясь на крик, сказала я.

Снова повисла тишина, после чего Виталик перевел взгляд на меня и медленно сказал:

— Я тебя не люблю и никогда не любил.

Больше выносить этой пытки я не могла:

— Убирайся отсюда.

Дважды повторять Ковалевскому не пришлось, не проронив не слова, он вышел из квартиры, а я, услышав звук хлопнувшей входной двери, разрыдалась.

Я не знаю, сколько времени проплакала, и в какой момент мой мозг всё-таки отключился. Я открыла глаза, обнаружив, что так и лежала калачиком на диване. Сев, я осмотрелась и увидела спящего рядышком Ромео, он открыл глаза, почувствовав шевеления с моей стороны, сел, потом сладко потянулся и перебрался ко мне на колени.

От такого порыва кошачьей нежности, я не выдержала и снова спрятала лицо в руках, глотая слезы предательства и обиды. Я до сих пор не верила в случившееся. Все эти ночи, поцелуи, слова — всё было обманом. Каждый раз, приезжая ко мне, Ковалевский делал это просто для того, чтобы разобраться с собственными проблемами.

На смену слезам пришла злость. Даже скорее ярость, я оглядела комнату, и мой взгляд упал на букет лиловых роз, стоявший на столе в высокой стеклянной вазе. Я резко вскочила с дивана и, не задумываясь, подбежала и, схватив вазу, со всей силы швырнула ее об пол. Бывший еще секунду назад целым сосуд, разлетелся на куски, а вода растекающаяся вокруг, намочила мои ноги.

Я стояла в полной тишине, глядя на чертовы цветы, и понимала, что меня вновь охватывает отчаяние. Я опустилась на колени прямо в лужу холодной воды и опустила голову, закрыв руками глаза. Я чувствовала вновь подступающие слезы, но в этот момент мое одиночество прервал звонок в дверь. Видеть отчаянно никого не хотелось, однако человек, желавший попасть в мою квартиру, был невероятно настойчив, и даже через пять минут звонок не стихал.

Я встала и, пытаясь не задеть валявшиеся кругом стекла, подошла к двери. Распахнув ее, я увидела на пороге Михайловскую, стоящую в одной ночнужке с нескрываемой тревогой в глазах. Увидев меня, подруга не стала задавать лишних вопросов, она, молча, обняла меня, а я, не в силах сдерживать эмоции, вновь разревелась, в этот раз на ее плече.

В какой-то момент запас слез в моем организме, видимо, просто иссяк. Мы успели переместиться на диван, где Лиза, по-прежнему не проронившая ни слова, сидела и поглаживала меня по спине, пока я, уткнувшись в ее колени, не потрачу весь лимит выделенных мне на сегодня соленых капель.

Немного успокоившись, я всё-таки смогла поднять лицо и прошептать:

— Всё кончено.

Сейчас у меня не было ни сил, ни желания объяснять ей то, что именно говорил мне Ковалевский. Я обязательно расскажу ей об этом, когда сама окончательно смогу смириться.

Подруга, державшая сейчас меня за руки, посмотрела мне в глаза и тихо, но уверенно сказала:

— Ты сильная, ты справишься.

Я рассеянно кивнула, не понимая еще толком как пережить предательство Ковалевского, однако плакать уже не хотелось. По крайней мере, сейчас. Оставив подругу в холле, я пошла в душ, мельком взглянув на часы. Половина третьего ночи. Я догадалась, что Лиза, видимо, услышала шум, созданный полетевшей в последний путь вазой, и решила проверить всё ли в порядке.

Я отчаянно терла себя мочалкой, пытаясь как будто смыть с себя всю ту грязь, которую сегодня услышала. Слез больше не было, но и облегчение так и не пришло. Через пятнадцать минут я вышла из ванной и обнаружила, что народу в моем доме прибавилось.

Проследив за моим взглядом, Лиза немного злобно пробубнила:

— Я пыталась закрыть его в квартире, но он всё равно выбрался.

Я смотрела на соседа, который, судя по взгляду, уже знал о нашем разрыве с

Ковалевским. Помимо волнения, я видела в его глазах еще и долю растерянности. Не смотря ни на что, Виталик был его братом, поэтому я понимала Глеба. Он не знал, как однозначно реагировать на случившееся.

— Мне жаль. — сказал сосед, быстро отведя глаза.

Я отмахнулась, давая понять, что на сегодня к этой теме я больше возвращаться не хочу. В этот момент пришла очередь Михайловской удивить меня. Как оказалось, подруга бегала домой отнюдь не за своим парнем, а за коньяком из его запасов.

— Ну, раз уж он всё равно сумел выбраться, значит пусть приносит пользу. — заключила подруга, выставляя на стол два бокала.

На удивление, не смотря на чертовский недосып и выпитый вчера коньяк, моя голова с утра не раскалывалась. Я села в кровати и осмотрелась по сторонам. В моих ногах, свернувшись рыжим клубочком, спал кот, который, видимо, считал сейчас своим долгом постоянно меня контролировать и находиться где-то неподалеку.

Я вышла в холл и увидела, что все следы нашей вчерашней ночи убраны. Осколков вазы так же не наблюдалось, как и лиловых роз. Я не знаю, во сколько ушли Лиза с Глебом, потому что в какой-то момент под тяжестью эмоций и алкоголя, мой мозг просто выключился, поэтому я попрощалась с ребятами и ушла спать.

Часы показывали двадцать минут девятого, и, хотя, я еще могла успеть в универ с минимальным опозданием, решила остаться дома. Пока что я не хотела туда возвращаться. Я пришла в спальню и легла на кровать. Удивительно, но буквально через несколько минут я провалилась в сон.

Когда я открыла глаза, то не смогла даже примерно понять, какое сейчас время суток. Наша осень в большинстве своем настолько серая, что порой сложно разобраться, то ли на улице еще не до конца рассвело, то ли уже начало темнеть. Сейчас верным оказался второй вариант. Часы на мобильном заверяли, что сейчас начало шестого вечера, а также телефон оповещал о трех пропущенных от Михайловской.

Я набрала подругу, которая ответила практически мгновенно:

— Я уже серьезно задумывалась вызывать МЧС. - вместо приветствия заявила Лиза.

Я не смогла сдержаться и улыбнулась от этих слов. Я любила ее именно такой, какая она была, с ее бесконечным сарказмом и подколами.

— В этот раз обойдемся без них.

Через десять минут Лиза уже сидела за барной стойкой у меня в квартире, уплетая принесенный ей же торт и ожидая, пока я сделаю чай.

Когда я расположилась напротив нее, подруга всё же задала неизбежный вопрос:

— Как ты?

— Ну, утонуть в слезах уже, вроде, не рискую.

Я посмотрела ей в глаза и поняла, что Михайловская ждала от меня более честного ответа, поэтому я вздохнула и продолжила:

— Я не знаю, Лиз. Честно, не знаю. В некоторые моменты мне просто кажется, что у меня отобрали душу. Я разговариваю, ем, сплю, но, знаешь, как будто делаю это на автомате, потому что так просто надо.

Действительно, с тех пор как истерика прекратилась, я начала ощущать себя чем-то вроде пустой оболочки. словно мои чувства просто кто-то взял и заморозил. Я еще раз посмотрела на подругу и поняла, что смогу ей всё рассказать.

Я закончила историю, не проронив при этом не слезинки. Я просто рассказывала

факты, заставляя их ровными слоями укладываться в своем мозгу. Я не знаю, для кого больше я проговаривала случившееся вслух. Для подруги или же для самой себя, чтобы, наконец, всё осознав, попытаться смириться со случившимся.

Лиза, решила оставить свое мнение о Ковалевском при себе, понимая, что лишний раз, заведя разговор о нем, просто заденет меня за живое. Жалеть меня подруга так же в открытую не стала, не в ее это было методах, да и сейчас это было лишним.

— Завтра не смей прогулять. — сказала Лиза, меняя тему нашего разговора на нейтральную. — Хотя, это бесполезно говорить. Мы сами тебя отвезем, чтобы не зависла нигде по пути.

И, кивнув самой себе, как бы обозначив мое согласие, подруга принялась дальше уничтожать торт. Я такой ее позиции абсолютно не противилась. В связи с поселившимся во мне глубоким наплевательством ко всему происходящему вокруг, было бы весьма кстати, если бы кто-то направлял мою жизнь в нужном направлении до тех пор, пока желание стать нормальным человеком ко мне вновь не вернется. А я очень надеялась, что оно вообще вернется.

Следующим утром я встала по будильнику, почистила зубы и насыпала корм коту. Я одела на себя первое, что попало в шкафу. Мне было абсолютно плевать, сочетаются ли между собой вещи, которые я нацепила. Я расчесалась и собрала волосы в тугий хвост. Не красясь и не смотря в зеркало, я натянула на себя шарф и теплую куртку и вышла из квартиры.

В универе лекции шли своим чередом. Я внимательно слушала преподавателей, стараясь максимально забить свою голову знаниями. Получалось, скажу честно, хреново. В какие-то моменты мозг снова давал сбой, и я улетала далеко в свои мысли, сути которых порой даже не понимала.

Михайловская с успехом справлялась с ролью лучшей подруги, постоянно подбадривая и поддерживая меня. Не было ни одного дня на этой неделе, чтобы она сама или в компании Основского не побывала у меня дома, снабжая свежей едой и порцией разговоров ни о чем.

Не отставал от Лизы и Ромео, который взял за привычку встречать меня каждый раз в коридоре, ласково крутясь вокруг моих ног и издавая характерное мурчание. Их стараниями я практически незаметно дожила до пятницы.

Мы сидели в аудитории, ожидая начала очередной лекции, когда в дверях показалась Лена и, судя по тому, что она остановила свой взгляд на мне, помощница Бондаря от меня что-то хотела. Подойдя к моему месту, она остановилась и, приветливо кивнув, сказала:

— Лесь, зайди к Николаю Львовичу после пары.

После чего с улыбкой быстро удалилась. Оставшиеся полтора часа до встречи я ломала голову, что от меня понадобилось ректору. Я перебрала в голове много вариантов, но ни один из них не казался мне правдоподобным, поэтому после лекции я стояла в приемной, не имея ни малейшего понятия, какой разговор мне предстоит.

Бондарь появился вскоре после моего прихода и, пригласив жестом, зашел в свой кабинет. Я проследовала за ним и, закрыв дверь, увидела, что ректор устраивается на кресле. Вздохнув, я направилась туда же и, старательно избегая дивана, устроилась в другом кресле.

После небольшой паузы Львович начал разговор:

— Лесья, я хотел тебя еще раз поблагодарить за всё.

Я посмотрела в глаза мужчине и ясно осознала — он не имел ни малейшего понятия о том, как поступил его сын.

Я кивнула:

— Николай Львович, я рада, что всё так закончилось, и хватит уже меня благодарить. — закончила я фразу, пытаюсь улыбнуться.

Бондарь посмотрел на меня с каким-то неопределенным выражением, я не могла понять, что всё-таки означает его взгляд.

Он улыбнулся мне в ответ, правда с небольшой долей грусти и продолжил:

— Я позвал тебя не совсем для этого. — он выдержал паузу, подбирая нужные слова. — В связи с твоей, назовем это активной дополнительной работой на благо ВУЗа, я думаю, что ты вполне можешь себе позволить небольшие внеплановые каникулы.

Я с непониманием уставилась на ректора, а он пояснил:

— Проще говоря, ты можешь быть свободна до начала следующего семестра, если, конечно, хочешь. О зачетах и экзаменах можешь не беспокоиться.

— Спасибо. — немного рассеянно и неуверенно сказала я.

Львович поднялся со своего места, и я последовала его примеру. Он встал напротив меня и чуть дольше, чем положено, задержал взгляд на моем лице. На секунду мне показалось, что ректор собирается что-то сказать, но он только качнул головой, после чего обнял меня.

Я вышла в приемную и встала, обдумывая открывшуюся передо мной перспективу. Я попрощалась с Леной, отказавшись от предложенных конфет, и вышла в коридор.

Эта идея пришла в мою голову абсолютно спонтанно. Я набрала номер Михайловской, и сказал, что еду домой, где потом ей всё обязательно объясню.

Двумя часами позже я закидывала в чемодан последние нужные вещи. Решение улететь на другой край страны к бабушке и дедушке на некоторое время всплыло в моей голове неожиданно, однако, только уцепившись за эту идею, я уже не смогла ее отпустить.

Мягкий климат, бескрайняя природа, море и горы ни раз спасали меня от плохого настроения. На это я надеялась и в этот раз.

Друзья с некой опаской смотрели на мои стремительные действия, а я, планируя улететь утренним рейсом, в перерывах между забегами от комнаты к комнате, продолжала их упрашивать

— Ну, это всего на пару недель! Ну, возьмите Ромчика!

В итоге Основский не выдержал, понимая, что в этот раз битва проиграна, и махнул рукой, соглашаясь с временным новым квартирантом. Я благодарно улыбнулась, понимая, что теперь меня точно ничего не держит.

Глава 13

Я стояла в зале отправления нашего аэропорта, смотря в огромное панорамное окно, глядя на самолеты, которые в скором времени разлетятся в разные города и страны, а может, наоборот, только приземлившись, доставили своих пассажиров из противоположных концов мира.

Повернувшись спиной к окну, я оглядела людей, находящихся неподалеку. Взрослые и дети, бизнесмены, летящие на другой конец страны в надежде заключить очередной выгодный контракт, или же семьи, выбравшиеся, наконец, в долгожданный отпуск.

Неважно, какой в конечном итоге была цель этих людей, сейчас мы были объединены общим желанием поскорей покинуть этот город. Я ощущала его практически каждой клеточкой своего тела, потому что с каждой секундой нахождение в аэропорту давалось мне все тяжелее.

Последние два месяца стали для меня серьезным испытанием, не раз проверяя мои нервы на прочность, и я просто нуждалась в отдыхе. Мне необходимо было забыться, пропасть, раствориться на некоторое время, чтобы хотя бы попытаться найти гармонию с собой.

В скором времени объявили посадку на мой рейс. Я в последний раз оглядела зал, в котором находилась. Некоторые люди с заметной радостью вставали со своих мест и отправлялись к нужному терминалу, другие же с нескрываемой завистью смотрели на своих недавних соседей, оставаясь здесь в ожидании своего самолета.

Я сделала глубокий вдох, медленно выдохнула и, подхватив небольшую сумку, помещавшуюся в ручную кладь, направилась на посадку.

В этот раз я взошла на борт самолета не испытывая ни малейшего страха.

Ковалевский стоял на балконе, глядя на зал аэропорта, располагавшийся внизу. Он быстро нашел среди пассажиров миниатюрную брюнетку, смотревшую в окно.

К парню подошла девушка с длинными черными волосами и, проследив за его взглядом, спросила:

— Так просто ее отпустишь?

В ответ Виталик только усмехнулся.

— Ты действительно ее любишь? — Белова внимательно посмотрела на друга.

— Люблю, — не стал врать парень. — поэтому она сейчас и улетает.

— Неужели ты ничего не можешь сделать?

В этот миг парень на секунду вышел из себя, резко спросив Диану:

— А ты что, плохо знаешь своего отца?!

Девушка стыдливо опустила глаза, стараясь не подавать вида от того, как сильно сейчас ее задел за живое парень.

— Прости. — сказала Белова, а потом значительно тише добавила. — Теперь уже, видимо, знаю.

В тот злополучный вечер, передавая деньги Волкову, Виталик впервые испугался. Но совсем не за себя. Вдруг пропавшая Леся стала первым звончком, который заставил задуматься в правоте Дианы, с самого первого дня твердившей, не вмешивать девушку в эту историю.

Когда брюнетка вернулась в машину, он себя откровенно возненавидел, понимая, что это только начало, но постоянно отгонял эти мысли прочь, уверяя, что он сможет всё решить и оградить ее от проблем.

Вторым сигналом тревоги стал Белов, которого он увидел в коридоре университета, говорящего с Лесей. Слова девушки только убедили Ковалевского в своих мыслях — Сергей знал, кем приходится ему Воронцова. Но снова и снова он наступал на одни и те же грабли, так упорно попадавшиеся на жизненном пути. Он вновь решил, что сможет все исправить, оградить ее от Белова.

Виталик отлично понимал, что можно ожидать от конкурента, ведь, когда Диана говорила, что отец ради своих целей будет бить по самым близким, она имела в виду чистую правду. Заставить Лесю страдать этот мужчина мог по одному щелчку пальцев. Однако чем ближе были выборы, тем меньше вестей было о планах Сергея, поэтому Виталик сделал очередную ошибку — он окончательно потерял бдительность.

Рядом с Олесей он как будто оказывался в другом мире. В мире, где нет проблем и забот, а есть только девушка с рыжим котом, которая одной своей улыбкой заставляла сердце Ковалевского радостно подпрыгивать в груди.

Он рассказал о своих чувствах отцу, который однозначно был рад за сына, но всё же попросил его быть осторожней. Бондарю нравилась Олеся, и он переживал за нее практически как за собственную дочь.

У Виталика был план. Вечером, после празднования отца, он хотел признаться девушке во всем, о чем никогда ей не говорил, не считая одного раза, давно в кровати, когда она уже уснула, а он понял, что влюбился окончательно и обратного пути уже нет, и попросить ее уехать вместе с ним. С переводом бы помог отец, а проблем с жильем и деньгами у парня никогда не было.

Весь тот вечер он прибывал в прекрасном настроении, не смотря на то, в каком осинном гнезде он находился. Завезя Олесю домой, он вернулся в ресторан, где стал ожидать, пока гости, наконец, решат разъезжаться по домам.

Ковалевский скучал за столом, пребывая где-то далеко в своих мыслях, когда к нему подошел Белов.

— Поговорим? — спросил мужчина, смотря на него с уж слишком довольной улыбкой.

Что-то было не так, он понимал — сказанное конкурентом, ему однозначно не понравится, но даже не подозревал насколько. Нет, Белов не угрожал в открытую, он мог обойтись и без этого.

После пары отвлеченных фраз, которыми они перекинулись, Сергей, задумавшись, сказал:

— Олеся очень милая девушка, жаль, если по какой-нибудь нелепой случайности с ней что-нибудь может случиться.

В этот момент парня словно ударило молнией. Он понял — Белов нашел его больное место. Теперь он абсолютно точно знал куда бить.

Ковалевский отлично знал, что своим врагом Сергей считает именно его и знает, что за всеми его неудачами стоял именно сын Бондаря, а не он сам. Поэтому и мстить, в чем он уже так же не сомневался, мужчина будет именно ему.

Главное теперь было сделать так, чтобы Воронцова больше не представляла интерес для Белова, и решение этой проблемы в голову Виталику пришло только одно.

Сергей же, в очередной раз убедившись, что попал точно в цель, поднял свой бокал и, пожелав приятного вечера, удалился, не забыв одарить парня своей самой леденящей улыбкой.

Буквально через час Ковалевский отвез отца домой и приехал к дому Леси, но подняться он так и не смог. Всю ночь он думал, над тем как сказать любимой девушке то, о чем собирался.

К утру он, наконец, набрался сил и позвонил Лесе. Ее нежный и такой родной голос снова дал трещину в его уверенности, и парню потребовался еще час, чтобы вновь собраться с мыслями.

Откровенно обманывая девушку и причиняя ей нестерпимую боль, он просто проклинал себя, но чувство страха за Лесю толкало его вперед, заставляя девушку поверить в его обман.

Выйдя из квартиры, он не сразу смог двинуться дальше. Облокотившись об стену подъезда, парень долго стоял и пытался восстановить дыхание, а потом с чувством глубокой ненависти к себе он всё же вышел из дома девушки.

Серьезно превышая скорость и нарушая все известные правила дорожного движения, Ковалевский долетел до дома отца, практически ничего не видя по сторонам. Виталику нужно было высказаться, поэтому он, не скрывая своих чувств и эмоций, рассказал все Бондарю, параллельно напиваясь до беспомыслия.

Из налетевших мыслей парня выдернула Диана:

— И что теперь?

Он посмотрел на подругу, которая пребывала в полной растерянности.

— Теперь ты сядешь в самолет и улетишь в Москву. Там тебя встретят.

На мгновение глаза девушки заблестели, и Виталик поспешил успокоить ее:

— Я не думаю, что он посмеет навредить дочери. В его интересах держать тебя подальше от своих дел, поэтому он так поступил.

Белова зажмурилась, а потом смогла взять себя в руки. Сегодняшнее утро, когда отец выставил ее из дома, сказав, что ему известно об ее помощи Ковалевскому, больно хлестнуло девушку воспоминаниями.

— А ты?

Виталик вновь посмотрел на силуэт брюнетки, исчезающей в потоке людей, торопящихся на посадку, и потрогал пальцами маленькую булавку, приколотую к внутреннему краю пальто:

— А я просто должен найти способ всё исправить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net